ДЖЕМИ ДОРАН ■ ПИРС БИЗОНИ

ГАГАРИН

ЧЕЛОВЕК И ЛЕГЕНДА

STARMAN

JAMIE DORAN ■ PIERS BIZONY

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказывая о жизни и трагической гибели Первого космонавта, Джеми Доран, продюсер Би-би-си, и Пирс Бизони, известный научный журналист, автор нескольких книг, посвященных истории науки, рассказывают о том, как рождался советский космический проект. На страницах книги оживают образы блестящих конструкторов, членов первого отряда космонавтов и многих других выдающихся людей, стоявших у истоков советской космонавтики. Авторы пишут и о том, как воспринимала тогда, в начале 1960-х годов, успехи Советского Союза мировая общественность и прежде всего — США, наши самые главные конкуренты в исследовании космического пространства. В работе над книгой Доран и Бизони использовали множество монографий, архивных материалов и личных свидетельств очевидцев тех событий. Книга легла в основу известного фильма «Starman», снятого на Би-би-си.

- Джеми Доран, Пирс Бизони
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Эпилог
  - Библиография и примечания
    - Избранная библиография
    - Примечания
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Джеми Доран, Пирс Бизони
Гагарин. Человек и легенда

Предисловие

12 апреля 1961 года произошло событие, ставшее поворотным в мировой истории, — впервые человек покинул Землю и совершил полет в космос. Началась новая эра, эра космических полетов и освоения Вселенной. Имя героя, имя Первого космонавта, тут же узнали все земляне — это был Юрий Гагарин, двадцатисемилетний уроженец Смоленщины, старший лейтенант ВВС и обладатель удивительно обаятельной улыбки.

Тот знаменательный день показал: Советский Союз обогнал всех в космической гонке, продемонстрировав неоспоримое превосходство своих технологий, своих ученых и конструкторов. Это был настоящий триумф!

А готовили его долго и трудно действительно яркие, замечательные люди — люди со сложными судьбами, вместившими в себя годы сталинских репрессий, тяготы страшной войны. Это и Сергей Королев, и Николай Каманин, и члены первого отряда космонавтов, один из которых стал Первым космонавтом…

Американцы Джеми Доран и Пирс Бизони написали замечательную книгу, посвященную истории советского космического проекта, — честную, насыщенную информацией, рассказами людей, лично принимавших участие в описываемых событиях, и сведениями, которые были долгие годы неизвестны в Советском Союзе. Доран и Бизони создают удивительно живой образ Юрия Гагарина, человека благородного, целеустремленного, но и не лишенного некоторых слабостей, — советского летчика, которому довелось стать Первым космонавтом, символом побед социализма. Гагарин нес это бремя с достоинством. Легендарные 108 минут полета перевернули всю его жизнь, на него обрушилась невероятная мировая слава. Официальные приемы, встречи с кинозвездами и главами государств… Выдержать все это было непросто, и, может, ему порой казалось, даже посложнее, чем совершить свой полет… А потом весь мир узнал о его страшной, непонятной, нелепо ранней гибели… Конечно, книга в основном о Юрии Гагарине, но не только. На ее страницах оживают его близкие, коллеги, учителя, друзья и завистники. Доран и Бизони рассказывают о политической подоплеке советских успехов и о том, что происходило в те годы в США, у главных соперников, конкурентов нашей страны и в политике, и в космических исследованиях.

В 2011 году исполняется 50 лет с того памятного дня, может

быть, одного из самых главных в истории России. Многих выдающихся людей, стоявших у истоков нашей космической программы, уже нет в живых, но жива память о них и память о ликовании, охватившем весь советский народ в тот день, жива память о подвиге Юрия Гагарина, поскольку первый полет в космос был настоящим, великим подвигом, жива память о чудесной гагаринской улыбке и его легендарном «Поехали!».

Летчик-космонавт,

дважды Герой Советского Союза Г. М. Гречко

Глава 1
Деревенский мальчишка

Это история о человеке, которого знают во всем мире. Слава пришла к нему в 1961 году. До того имя его было мало кому известно. Чтобы совершить свой великий подвиг, ему понадобилось меньше двух часов, но предшествовали этим двум часам многие годы тяжкого, героического труда. Уже в двадцать семь лет он стал абсолютным победителем, суперзвездой, но к своему тридцать третьему дню рождения подошел измотанным, измученным человеком. В тот, последний, год своей короткой жизни он сражался с властями страны, пытаясь спасти коллегу, осужденного почти на верную смерть. На темных лестницах он встречался с агентами госбезопасности, прячась от тайных микрофонов и передавая настолько секретные и деликатные документы, что лишь из-за беглого взгляда на них легко можно было потерять работу. Этот человек рисковал собственной жизнью сначала ради страны, потом — ради друзей. Даже в детстве этому человеку требовалась смелость — ему пришлось пережить страшные события, в которых немногие смогли уцелеть…

Для нас Юрий Алексеевич Гагарин — первый человек на Земле, отправившийся в космос, но его биография этим совсем не ограничивается.

Юрий Гагарин родился 9 марта 1934 года в селе Клушино Смоленской области[1], в 160 километрах к западу от Москвы. Его родители работали в местном колхозе: отец, Алексей Иванович, — плотником, мать, Анна Тимофеевна, — на молочной ферме. У Юрия были старшая сестра Зоя и два брата: Валентин, на десять лет старше, и Борис, на два года младше. Несмотря на все тяготы, семья существовала более-менее благополучно, при всей неумолимой жестокости сталинской коллективизации и притом что вокруг то и дело пугающе и необъяснимо исчезали друзья и соседи.

Заботиться о детях, пока Анна работала в колхозе, приходилось ее единственной дочери Зое. Позже она рассказывала, что ей было всего семь лет, когда родился Юра, но в семь в деревне уже умеешь нянчить малышей, так что она быстро привыкла. Зоя присматривала за маленькими, а Валентин помогал ухаживать за колхозной скотиной.

В официальных советских рассказах о «крестьянской» семье Гагарина опускается тот факт, что в Петербурге отец Анны

Тимофеевны работал буровым мастером, пока революция 1917 года не заставила его переправить семью в деревню; не учитывается и то, что Анна была весьма образованна и никогда не ложилась спать, не почитав детям вслух; иногда она помогала им читать самим1. Что касается Алексея, то он, судя по всему, был верным мужем, строгим, но обожаемым отцом, а кроме того, опытным плотником и искусным ремесленником, хотя тогда, в начале 30-х, лучше было не афишировать свои таланты. Сталин с маниакальной подозрительностью относился к крестьянам-«кулакам». Когда началась коллективизация, Алексею поручили поддерживать в должном состоянии колхозные постройки.

А в это время маленький Юра учился отличать сосну от дуба, клен от березы лишь на ощупь и по запаху древесины. Он умел делать это даже в темноте. Первые впечатления Юрия о материалах и механизмах были неразрывно связаны с древесной стружкой и особой гладкостью хорошей плотницкой заготовки, а рано выработавшийся в нем вкус к точности — с отцовскими стамесками, рубанками и пилами.

Все изменилось летом 1941 года, когда немецкие дивизии вторглись в Советский Союз, стремительно тесня Красную армию по линии фронта длиной три тысячи километров. После нескольких дней растерянности и бездействия Сталин приказал своим войскам отступать при каждом столкновении, заманивая немцев в глубь советской территории, чтобы их (как прежде Наполеона) застала врасплох первая же русская зима. За кратким летом нацистского успеха последовали, по существу, два года отступления русских, сопровождавшиеся чудовищными потерями с обеих сторон. Смоленская область лежала как раз на пути продвижения фашистских войск. Гжатск и окружающие его деревни и села, в том числе Клушино, были оккупированы гитлеровцами.

В конце октября 1942 года немецкая артиллерия начала обстреливать Клушино. «Фронт был всего в шести километрах от нас, каждый день к нам в село залетали снаряды, — вспоминает Валентин. — Похоже, немцы думали, что мельница — опасный ориентир, поэтому они ее взорвали, и церковь тоже взорвали. Через час наши ответили им артобстрелом. Все это было бессмысленно, у всех наверняка на картах были отмечены одни и те же ориентиры».

Вскоре после этой перестрелки через село прошли четыре колонны немецких войск. В близлежащих лесах произошло кровопролитное сражение, обе стороны понесли огромные потери, общее число убитых и раненых составило не меньше 250

человек. Через два дня после того, как бой затих, старшие сыновья Гагариных, Валентин и Юрий, пробрались в лес, чтобы посмотреть, что произошло. «Мы нашли там нашего полковника, он был тяжело ранен, но еще дышал: он упал и пролежал на одном и том же месте, в кустах, два дня и две ночи, — вспоминал Валентин. — К нему подошли немецкие офицеры, а он притворился, что ослеп. Какие-то большие чины пытались его о чем-то спросить, а он ответил, что плохо слышит, и попросил наклониться поближе. Они склонились над ним, и тут он взорвал гранату, которую прятал за спиной. Никто не выжил».

После этого случая Юра быстро превратился из улыбчивого постреленка в серьезного парня, который то и дело спускался в подвал за хлебом, картошкой, молоком и овощами, а потом раздавал их беженцам из других районов, пробирающимся через село, пытаясь скрыться от фашистов. «В те годы он улыбался реже, хотя по натуре был очень жизнерадостный. Помню, он редко плакал от боли или из-за всех тех ужасов, которые нас окружали. Мне кажется, он плакал только тогда, когда задевали его самолюбие… Многие из этих черт характера помогли ему в дальнейшей жизни, когда он стал летчиком и космонавтом, а сложились они в то самое время, в войну».

А потом трагедия пришла и в Клушино: немцы, мрачные, хмурые, в желто-бурой форме, срывали двери с петель, вламывались в дома, выволакивали местных жителей и безжалостно расстреливали. Если же требовалось экономить патроны, людей протыкали штыками или сгоняли в сараи, где сжигали заживо.

Один особенно мерзкий тип, рыжий баварец по имени Альберт, собирал севшие аккумуляторы немецких автомобилей, чтобы снова заполнить их кислотой и дистиллированной водой из своих запасов; кроме того, он чинил рации и другое оборудование, установленное на больших танках. Альберт сразу невзлюбил младших Гагариных — из-за битого стекла. Деревенские мальчишки делали что могли, разбивая бутылки и усеивая блестящими осколками асфальтовые и грунтовые дороги, а потом, прячась в кустах, с восторгом наблюдали, как у немецких грузовиков с боеприпасами и снаряжением лопаются покрышки и машины, вильнув, теряют управление. Альберт решил, что один из юных диверсантов — Борис. Как-то раз Борис играл с Юрием, и немец уселся на скамейку, чтобы за ними понаблюдать. Спустя некоторое время он предложил Борису кусочек сахара; положил его на землю, а когда Боря протянул руку, чтобы взять его, наступил мальчику на пальцы. «У него содрало кожу, так что Борька, понятно, завопил, — вспоминает Валентин. — А потом

Черт, мы его так прозвали, схватил Борьку и повесил на шарфе на ветке яблони. Мама пришла и увидела, как Черт его фотографирует. Трудно об этом говорить…» Анна Тимофеевна бросилась на немца, и тогда он взялся за винтовку. В какой-то ужасный момент показалось, что он вот-вот выстрелит, но произошло чудо: командир окликнул его, и он ушел. К счастью, Черт сработал плохо, из шерстяного детского шарфа не получилось хорошей петли. Когда немец убрался подальше, Анна и Алексей сняли сына с дерева.

К тому времени Альберт и другие солдаты занимали весь их дом, так что Гагарины выкопали себе примитивную землянку. Сюда-то они и принесли обмякшее тело Бориса. Лишь силой воли, своей любовью они сумели вернуть ребенка к жизни. «Борис целую неделю провел в землянке, боялся выйти», — рассказывает Валентин. Он вспоминает, как Альберт нашел одну из немногих семейных драгоценностей Гагариных, граммофон, который надо было заводить ручкой, и как немец снова и снова крутил одну и ту же пластинку, надеясь выманить семью, скорчившуюся в своем грубом убежище. «Он открывал окно в нашем доме и на всю мощь запускал красноармейский марш. Видно, не знал, что это такое».

Вскоре после жуткой истории с яблоней Юрий стал упорно следить за Альбертом, ожидая, когда тот выйдет из дома. При каждом удобном случае мальчик пробирался к бесценному штабелю немецких танковых аккумуляторов и горстями сыпал в них землю или наливал реактивы для их заправки не в те отделения. Когда Альберт и его приятели возвращались, аккумуляторы выглядели вполне нормально, а утром водители патрульных танков заезжали, чтобы их забрать. Они обменивались с Альбертом рукопожатием, вскидывали руку в нацистском приветствии и уезжали, но к вечеру возвращались в бешенстве. Альберт подсунул им севшие батареи, кричали они. Большинство танковых командиров были офицерами СС, так что их неудовольствие было чревато весьма серьезными последствиями для всех — и для немцев, и для русских. «Их тяжело было утихомирить», — сухо замечает Валентин.

Однажды разъяренный Альберт после стычки с эсэсовцами решил отомстить мальчишке. Он разыскивал Юрия по всей деревне. Охоту пришлось вести пешком, поскольку проклятый ребенок запихнул картофелины в выхлопную трубу его армейской машины и та не заводилась. Черт промчался по всем землянкам, грозясь, что пристрелит Юрия, как только увидит. Видно, немецкому командованию надоели неработающие аккумуляторы Альберта — его перевели на другое место, а потому он так и не смог разделаться с мальчиком раз и навсегда.

Валентину вместе с восемью другими местными парнями, чтобы выжить, пришлось работать на немцев. «Правила были простые. В восемь утра начинаешь работу и либо помрешь, либо работаешь до тех пор, пока тебе не прикажут остановиться. Даже если ты наполовину срубил дерево и оно вот-вот свалится тебе на голову, изволь прекратить работу в ту секунду, как они тебе велели, а не то получишь палкой или прикладом». Потом немцы начали окапываться на зиму: им просто хотелось уцелеть, как, впрочем, и жителям деревни. То и дело возникала путаница: непонятно было, где враги, а где свои. Так, имелась одна особенно большая общая землянка, на триста-четыреста человек, но, кто ее соорудил, немцы или русские, неизвестно: ее одновременно использовали и те и другие. Валентин говорит: «Однажды утром прилетел чей-то самолет и сбросил на нее несколько бомб, по полторы тонны каждая, так считали немцы. Никто не знает, сколько при этом народу погибло».

Весной 1943 года Валентина и Зою вместе с другими местными жителями немцы загнали в «детский поезд», чтобы депортировать в Германию. Сначала их отвезли в польский Гданьск, где они работали в соседних лагерях. «Мне приходилось каждую неделю обстирывать сотни немцев, — рассказывает Зоя. — Мы кое-как перебивались, но они были хозяева, а мы — рабы. Они всё могли с нами сделать — могли убить, а могли оставить жить. Нас все время мучил страх, а выглядели мы как оборванные золушки, кожа да кости, одни локти торчат. Обуви у нас не было, иногда мы находили солдатские сапоги, но они были для нас слишком большими… Немцы селили нас в разрушенных домах, после того как выгоняли оттуда тех, кто там жил». Зоя не любит вспоминать о том, что она тогда пережила — пятнадцатилетняя девочка, угнанная врагами.

Когда немцы стали отступать, командование регулярных фашистских частей посчитало, что эсэсовское обыкновение перевозить пленных на поезде — непозволительная роскошь. «Детские поезда», шедшие через Польшу, меняли свой маршрут, по приказу или без него. Валентин с Зоей сбежали из лагерей и две недели скрывались в лесу, ожидая появления советских войск. «Когда они наконец пришли, мы надеялись, что нам дадут вернуться домой, — вспоминает Зоя, — но нам сказали, что мы должны остаться при нашей армии добровольцами». Зою послали работать на конюшне кавалерийской бригады, и по горькой иронии судьбы она вместе с советскими солдатами отправилась в глубь Германии, как раз в те места, куда должен был ее доставить «детский поезд». К тому времени Валентина сочли достаточно взрослым для службы на передовой. Он быстро научился

обращаться с противотанковым гранатометом и другим тяжелым вооружением.

Алексей и Анна Гагарины, оставшиеся в своей деревне, были уверены, что их старшие дети погибли. Алексея, никогда не отличавшегося богатырским здоровьем, подкосили горе и голод, к тому же он получил серьезные травмы — немцы жестоко избили его, когда он отказался на них работать. Остаток войны Алексей провел в полевом госпитале, сначала в качестве пациента, затем — как санитар. Анна тоже пробыла там какое-то время — после того как немецкий сержант Бруно полоснул ее косой, оставив глубокую рану на левой ноге; Юрий яростно защищал мать — отгонял Бруно, бросая немцу в глаза комья грязи.

В конце концов немцев выбили из Клушина. Это произошло 9 марта 1944 года. Алексей, хромой, но непокорный, показывал наступающим русским войскам, где фашисты, в спешке отступая, заложили мины на асфальтовых и проселочных дорогах. Анна оправилась от ранения и изо всех сил заботилась о Борисе и Юрии, хотя под рукой не было практически никакой еды. Лишь ближе к концу сорок пятого она узнала, что Валентин и Зоя живы. Наконец ее повзрослевшие дети вернулись домой.

Лидия Обухова, писательница, хорошо знавшая Гагариных в 60-е годы, в 1978 году вспоминала: «Война, оккупация, страшный немецкий постой в гагаринской избе, казалось, способны были исковеркать, навеки принизить детские души. Но отец и мать и тут не сфальшивили ни в чем. Они переносили несчастье стойко. Ни одной черты приспособленчества, угодливости перед врагом не проявилось в них. А следовательно, не было этого и в детях… Когда оккупанты угнали на работы в Германию деревенскую молодежь, в том числе Валентина и Зою, девушку совсем юную, пятнадцатилетнюю, полную привлекательности — такую трагически беззащитную перед превратностями, которые могли постигнуть ее на чужбине! — мать почернела от горя. Она плакала так безудержно, что муж взмолился: „У нас осталось еще двое маленьких сыновей. Ты им нужна!“»2

После войны Гагарины переехали в близлежащий город Гжатск и выстроили там новый дом, используя балки и кровлю своего старого домика. Получилось весьма скромное жилище — кухня да две комнаты. Конечно, после войны жизнь была тяжелая. От Бреста до Москвы немцы всё разрушили, весь скот угнали, дома все были в развалинах. Зоя вспоминала, что в их селе всего два дома осталось. Жители Гжатска построили школу; директором и учительницей вызвалась быть молодая женщина по имени Елена Александровна, старавшаяся сделать для своих учеников все что могла — без мела, без нормальной доски, без

учебников. Юрий и Борис учились читать по старому руководству для бойцов Красной армии, оставшемуся после отступающих частей. А на уроках географии они изучали военные карты, извлеченные из полусгоревших кабин армейских грузовиков и танков.

Елена Александровна недолго работала в школе одна. В 1946 году к ней присоединился Лев Михайлович Беспалов: он преподавал математику и физику. Так в жизни Юрия появился, в сущности, второй отец. В беседе с австралийским журналистом в 1961 году Юрий отзывается о Беспалове так: «Он был настоящий волшебник. К примеру, он наполнял бутылку водой, закрывал ее, выносил на мороз, и вода превращалась в лед, расширялась и взрывала бутылку, раздавался громкий хлопок, нам это очень нравилось. А еще Беспалов умел заставлять булавки плавать по воде и получал электричество, расчесывая волосы»3. Возможно, самым привлекательным в учителе была выцветшая летчицкая гимнастерка. Дело в том, что среди хаоса и ужаса военных лет Юрий однажды увидел нечто удивительное, волшебное. Потом это нечто разобрали и увезли, но воспоминание о чуде осталось. Этим чудом был самолет.

Как-то в небе над Клушином разгорелся воздушный бой между двумя советскими истребителями Як и ЛаГГ и двумя немецкими «мессершмиттами». Перевес оказался на стороне фашистов. Подбитый Як упал на болотистый луг в полукилометре от деревни. При ударе одна из стоек шасси погнулась, а винт совершенно искорежило. Земля оказалась мягкой, что скомпенсировало неудачную посадку. Пилот уцелел, но сильно поранил ногу. Тут же к нему подбежала целая толпа местных жителей. Ногу перевязали, а потом дали летчику попить молока и покормили солониной.

Спустя какое-то время рядом с селом на клеверное поле с более твердой поверхностью благополучно опустился другой русский самолет — поликарповский По-2. Летчики прозвали эти аппараты «кукурузниками», потому что их легкая фанерная конструкция позволяла садиться на неровных полях. На сей раз самолет выполнял не только спасательную операцию: члену экипажа По-2 следовало узнать о здоровье пилота сбитого Яка и удостовериться, что сам истребитель не попал в руки врага, и при необходимости — уничтожить упавший самолет.

Юрий наблюдал за самолетом как завороженный. Валентин рассказывает: «Некоторых мальчишек постарше отправили на клеверное поле с остатками керосина, какие только удавалось нацедить, чтобы заправить По-2. У пилота была плитка шоколада, он дал ее Юре, а тот разделил ее между остальными

мальчишками, и получилось так, что себе он ничего не оставил. Похоже, его куда больше интересовали самолеты».

Сгустились сумерки, и двух пилотов пригласили укрыться в землянках, но они предпочли провести ночь, свернувшись рядом с По-2: им следовало охранять самолет. Они очень старались выполнять свой долг, но летчики устали, да к тому же замерзли, а потому вскоре заснули. Когда же рано утром они проснулись, то увидели, что на них во все глаза смотрит Юрий. Днем пилоты решили, что поврежденный Як больше охранять незачем, поэтому они подожгли его, а потом с трудом пробрались по полю к По-2: раненый опирался на плечо товарища. Они без особых проблем подняли «кукурузник» в небо и улетели, пока пораженный Юрий глядел на все это, а из обломков другого самолета клубами поднимался дым.

И теперь летная форма Льва Беспалова просто завораживала мальчика. Форму учитель получил по праву — как стрелок и радист Военно-воздушных сил Красной армии. Юрий восхищенно смотрел на него, слушал и учился.

По воспоминаниям Елены Александровны, Юра был хорошим учеником — озорным, но честным. «Как все дети в его возрасте, он иногда шалил, но когда мы спрашивали ребят: „Кто это сделал?“ — Юра, если был виноват, всегда отвечал: „Это я, я больше не буду“. И он был очень живой и непоседливый. Надо сказать, что при этом он был очень достойный и ответственный мальчик. Когда мы узнали о его полете в космос, сразу вспомнили его замечательную улыбку. Она у него осталась на всю жизнь. Та самая, еще мальчишеская». Учительница вспоминала, как на несколько дней посадила Юру впереди, чтобы в классе наблюдать за ним, ведь он был не из тех мальчишек, которых можно надолго оставлять без присмотра. Даже под носом у учительницы ухитрялся проказничать. «Вместо парт столики, а перед ними на двух чурбаках доска-скамейка. Мальчишки иногда выдирали гвозди, которыми доска держалась на чурбаках, и вдруг посреди урока — бух на пол! Тут уж не обходилось без Юры Гагарина»[2]. Но Елена Александровна не могла на него долго сердиться. Она вспоминает крошечную девочку по имени Анна, которую всегда отодвигали куда-то в сторону, когда остальные ребята начинали резвиться и скакать. Юра стал ее защищать, он провожал Анну домой и нес ее ранец.

Только вот с музыкой получилась незадача. Он участвовал во всех видах самодеятельности. Инструменты для оркестра школе подарил колхоз. Юра играл на трубе. Он всегда гордо вышагивал впереди. Как вспоминает Зоя, семейству Гагариных приходилось терпеть его упражнения, и особого удовольствия оно не получало.

Он приносил свою трубу домой и начинал заниматься. Наконец отцу надоело. Как-то весной, в солнечный день, отец отправил его на улицу, сказав, что у него уже голова болит от этого шума. Так что Юра начал заниматься на улице. У Гагариных была корова, и она стала мычать. Получился просто какой-то бесплатный концерт. Все хохотали как сумасшедшие.

Зоя с любовью вспоминает младшего брата. Он был такой неугомонный, рассказывает она, всегда был вожаком в играх, застрельщиком и никому не хотел подчиняться.

Из школьных предметов Юрий больше всего любил математику и физику, а кроме того, с азартом занимался в кружке авиамоделирования, к большому смущению Елены Александровны. Как-то раз они запустили модель из окна, и она свалилась на прохожего. Тот разозлился и пришел в школу жаловаться. Все притихли, но тут Юра встал и извинился. Видимо, уже тогда в нем возникло страстное желание летать.

Валентин вспоминает, как его младший брат еще в шесть лет приставал к нему и к отцу, требуя, чтобы они сооружали ему маленькие планеры или деревянные игрушки с винтом, приводимые в действие резинкой. Юрочка упорно канючил: «Я буду героем, буду на самолете летать!» Самолеты в небе над Клушином появлялись очень редко — во всяком случае до начала войны. Случайные промельки воздушных аппаратов наверняка производили на мальчика огромное впечатление.

В шестнадцать лет Юрий уже стремился уйти из дома и зарабатывать на жизнь самостоятельно. Он видел, как тяжело живется родителям, и стремился как можно скорее получить профессию, чтобы не сидеть у них на шее, рассказывает Зоя. Сама она не хотела его отпускать, но он заявил, что хочет продолжать учиться, и мать тоже хотела, чтобы он учился. Юрий рвался поступить в Ленинградский институт физкультуры. Он был в хорошей физической форме, при небольшом росте — подвижный и с неплохой координацией движений. Он считал, что мог бы стать гимнастом или еще каким-то спортсменом. Валентин вспоминает, как отец возражал против такого плана. Он говорил, что это не работа. Может, это и тяжело физически, только занятие-то глупое. Но Беспалов, учитель физики, настаивал, чтобы родители отпустили Юру. Старший Гагарин надеялся, что когда-нибудь его три сына будут плотничать вместе с ним…

Однако в ленинградских вузах мест не оказалось. Самым подходящим из доступных вариантов стал Люберецкий завод сельскохозяйственных машин, при котором имелось ремесленное училище. Здесь Юрий мог освоить достойную профессию —

литейщика. Родственники с отцовской стороны поспособствовали Юре с собеседованиями, рекомендациями, обустройством. В 1950 году его приняли учеником, и он поселился в Москве у дяди Савелия Ивановича, согласившегося на время приютить племянника.

В Люберцах Юрий Алексеевич Гагарин получил свою первую взрослую форму — фуражку литейщика с эмблемой профсоюза, мешковатую гимнастерку из жесткой, как картон, саржи с чересчур длинными рукавами, темные штаны, такие же мешковатые, и широкий кожаный ремень с большой латунной пряжкой. Посмотрев на себя в зеркало, он решил, что такой потешный наряд необходимо запечатлеть. Юра потратил последние оставшиеся рубли на то, чтобы сфотографироваться и отослать снимок домой.

Бригадиром Гагарина в Люберцах был Владимир Горинштейн, угрюмый грузный человек с висячими усами, бугристыми мышцами и язвительным языком, обжигающим не хуже расплавленной стали, с которой он так любил работать. «Привыкайте обращаться с огнем, — наставлял он съежившихся от страха учеников. — Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек сильнее всего!»4 Представьте себе этого гиганта с физиономией моржа, скользящего по преисподней сталелитейного завода и при этом изрыгающего на кучку безбородых юнцов, только что из колхоза, словесную мешанину, состоящую из крестьянской романтики и сталинской пропаганды… «Мы его побаивались», — вспоминал Гагарин в интервью 1961 года.

Его первое задание: вставить стержни в крышки только что собранных металлических опок. «Морж» приблизился, чтобы посмотреть его работу. Стуча кулаками по лбу и яростно бранясь, он показал, что Гагарин допустил кое-какие небольшие ошибки. В частности, вставил стержни не тем концом. «На другой день дело пошло лучше», — вспоминал Гагарин. Как он сам признавался, это для него характерно: он не умел схватывать новое с первого раза. Ему требовалось серьезно трудиться над заданием, снова и снова оттачивая навыки. Много лет спустя бригадир Горинштейн говорил в кратком интервью: «Юра показался мне поначалу слишком хлипким, тщедушным. А вакансия оставалась единственно в литейную группу, где дым, пыль, огонь, тяжести… Вроде бы ему не по силам… Мне сейчас трудно припомнить, почему я пренебрег всеми этими отрицательными моментами и что заставило все-таки принять Гагарина. Наверно, та целеустремленность, которой он отличался всю последующую жизнь… Но был ли он особенным? Нет. Просто работящим,

живым, обаятельным»5.

В конце года Гоpинштейн написал Гагарину отличную характеристику. Собственно, Юрий стал одним из всего лишь четырех учеников, которых отобрали для учебы в недавно построенном Саратовском индустриальном техникуме, на берегу Волги. Здесь ему предстояло изучать секреты тракторного производства.

Весной 1951 года Юрия и трех его счастливых товарищей по Люберцам отправили в Саратов под предводительством нового учителя — Тимофея Никифорова. Не прошло и нескольких часов после их приезда, как Гагарин увидел объявление: «Аэроклуб». «Вот так штука, братцы! Вот бы куда поступить!» Его приятели рассмеялись, но спустя несколько дней в клубе дали положительный ответ на его заявление. К большому огорчению Гагарина, занятия в Индустриальном техникуме не оставляли свободного времени, и лишь спустя несколько недель он смог попасть на аэродром клуба, располагавшийся в пригороде Саратова.

Там Дмитрий Мартьянов, ветеран войны, главный инструктор клуба по летной подготовке, впервые увидел Гагарина, юношу, с восхищением глядящего на тренировочный самолет — старый, покрытый брезентом Як-18. Мартьянов подошел и предложил совершить небольшой полет. Они поднялись на 1500 метров, проползли по небу со скоростью 100 км/ч и через несколько минут опустились на землю. «Этот первый полет наполнил меня гордостью, а всю мою жизнь — смыслом», — вспоминал Гагарин.

Мартьянов заметил:

— Ты отлично справился. Можно подумать, ты это уже делал.

— Да я всю жизнь летаю, — ответил Гагарин6.

Видимо, Мартьянов понял, чт́о Юрий имел в виду, и с той поры они стали близкими друзьями.

Весной 1955 года Юрий с отличием окончил Саратовский индустриальный техникум. К тому времени его интерес к тракторам угас. Прошедшее лето он провел в аэроклубе, обучаясь летать на Як-18. После первого одиночного полета он подарил своему другу и наставнику пачку сигарет «Тройка» — что-то вроде традиционного пилотского подарка. Дело не ограничивалось бездумными забавами. Каждый вечер ему приходилось ходить на лекции по теории авиации, а днем стараться не уснуть в своем Индустриальном техникуме. Ему было трудно, но, был полон решимости и не хотел сдаваться. В клубе Юрий получил награду — захватывающий дух парашютный прыжок с крыла самолета. Кроме того, Мартьянов рекомендовал

его в Военно-авиационное училище в Оренбурге. Разумеется, Гагарину следовало стать армейским курсантом, если он хотел туда попасть. Оренбургское училище отличалось от уютного клуба: это было весьма серьезное заведение, тут готовили пилотов истребителей; впрочем, и Саратовский аэроклуб существовал не только для развлечения. В советском обществе вообще настороженно относились к понятию «развлечение». «Развлечение» должно было как минимум дать человеку физическую форму, необходимую для работы. Гагарин записался в различные саратовские спортивные клубы: он играл в волейбол и баскетбол, а перед девушками, сидящими на берегах Волги, демонстрировал, как он умеет скользить на водных лыжах — на одной ноге. Если он сваливался в воду и выбирался на берег, мокрый и улыбающийся, это, судя по всему, производило на них не меньшее впечатление. Он стал весьма привлекательным и уверенным в себе молодым человеком. Чуть ниже среднего роста, он больше подходил для акробатики, чем для спринтерских видов спорта. Со своим добродушным очарованием и благожелательным юмором он легко приобретал друзей. Однако оренбургских наставников оказалось не так просто очаровать. Это были солдаты на боевом посту. Гагарину еще много лет придется следовать воинской дисциплине, а после окончания подготовки его могли послать в бой, на смерть. Анна и Алексей Гагарины с тревогой думали о своем мальчике, который начал служить в армии, и вся эта возня с самолетами казалась им безрассудной. Однако Александр Сидоров, один из руководителей Саратовского аэроклуба[3], в 1978 году вспоминал, что в Гагарине с самого начала уже была та крепкая самодисциплина, которая требуется для будущего военного летчика: «Очень ревностно следил Юрий за тем, чтобы в палатке был полный порядок. Он терпеть не мог нерях и грязнуль. Сперва усовещивает по-дружески. Не поможет — потребует»7.

Высших оценок в Оренбурге добиться было нелегко. Ядкар Акбулатов, старший инструктор, рассказывал в 1961 году, что Юра не был безупречным курсантом, вундеркиндом. Он был порывистым юношей, энтузиастом, и он совершал такие же промахи, как и остальные. Самые низкие оценки он получал за приземления. Ему грозило исключение из училища, если он не научится сажать самолет без дурацкого подпрыгивания на шасси. Раза два Акбулатов поднимался с ним в воздух, чтобы посмотреть, нельзя ли сгладить кое-какие шероховатости. «Мы поднялись, и я внимательно за ним наблюдал. На крутых разворотах с креном он действовал не совсем безупречно, но при отвесном пикировании и вертикальном наборе высоты устроил

такой спектакль, что от перегрузки у меня аж потемнело в глазах. А потом — посадка. Прошла безукоризненно! Я его спрашиваю: „Почему ты каждый раз так не приземляешься?“ А он усмехнулся и говорит: „Я нашел решение“. Оказывается, он подложил под сиденье подушку, чтобы лучше видеть посадочную полосу». С тех пор Гагарин никогда не летал на самолетах без подушки8.

Что ж, это правда: он целеустремленно работал над проблемой приземления и в конце концов решил ее, с помощью подушки и всего прочего. Далее в программе — воздушные стрельбы. В конце концов, что толку от военного летчика, если он не умеет стрелять из пушки, установленной на его самолете? Поначалу при тренировочной стрельбе он мазал мимо всех мишеней, тогда как его товарищи по училищу попадали в «яблочко». Гагарин заново прошел все теоретические занятия на земле, потом снова поднимался в воздух — и наконец расстрелял все мишени так, как полагается.

Случай на спортивной площадке внезапно открыл перед Гагариным новые карьерные перспективы. Он был капитаном баскетбольной команды младших курсантов. После одного матча, когда они сокрушили противника, наставники хвалили его за умелую игру. «Мы победили не потому, что лучше играли, — возразил он. — Мы победили за счет чистой решимости. Мы рвались к победе, а противник не был к ней морально готов». Эти слова произвели впечатление на некоторых старших офицеров, следивших за игрой. Акбулатов и его коллеги стали воспринимать Гагарина как претендента на чемпионское звание. Не гений, зато победитель по натуре. Кроме того, этот юноша любил большие нагрузки. Он вполне мог стать в будущем пилотом истребителя.

В Оренбурге Гагарин познакомился с Валентиной Горячевой, Валей, хорошенькой, кареглазой, на год младше Юрия. Окончив школу, она устроилась работать на городском телеграфе. Как-то вечером Валя пришла на танцы и обнаружила там лишь желторотых курсантов с их щетинистыми, коротко стриженными головами, что ее не очень-то тронуло. В беседе с журналистом Ярославом Головановым в 1978 году она вспоминала, что гражданские ребята в центре Оренбурга казались ей лучше одетыми, с прическами покрасивее и сами они были привлекательнее. Она никак не ожидала, что найдет свою любовь в авиационном училище, туда она приходила лишь повеселиться вечерком. Раза два Валя танцевала с Гагариным, а он шутливо расспрашивал девушку о ее жизни9.

В 10:00 музыка смолкла. Курсантам следовало отправляться спать (в одиночестве), чтобы с раннего утра снова приступить к

занятиям. Гагарин сказал Вале: «Итак, до следующего воскресенья». Она не ответила. «Уже дома подумала: „А почему я должна встречаться с этим „лысым“? И вообще почему он держится так уверенно? Знакомы мы всего один день…“» В следующее воскресенье мы пошли в кино. Не помню, какой фильм мы смотрели, но в отношении к нему наши взгляды разошлись… Около нашего дома он так же, как и в тот первый вечер, сказал: «Итак, до следующего воскресенья».

И они действительно встретились в следующее воскресенье — у нее дома. Валины родители, Иван и Варвара Семеновна Горячевы, жили в Оренбурге на улице Чичерина. Для Вали это был родной город, а для Гагарина — совершенно неведомое место. Родители Вали, как и ее три брата и три сестры, скоро полюбили его, и их жилище стало для него вторым домом. Иван работал поваром в местном санатории и применял свои выдающиеся кулинарные таланты дома. Гагарина нельзя было назвать поклонником той однообразной еды, которой кормили в летном училище, и он с удовольствием ел во время своих посещений дома Горячевых на улице Чичерина. По словам Вали (интервью 1978 года), Гагарина тогда беспокоила лишь одна серьезная проблема: родителям его жилось тяжело, они с трудом сводили концы с концами. Но чем им мог помочь Юра, получавший небольшое курсантское жалованье? Лучше бы, говорил он, после техникума вернуться к родителям в Гжатск, устроиться работать там по специальности. Но Гагарин упорно продолжал учебу в Оренбурге. В феврале 1956 года он получил звание сержанта, а 26 марта впервые совершил одиночный полет на реактивном истребителе МиГ-15.

4 октября 1957 года Советский Союз запустил первый в мире искусственный спутник. Оренбургские курсанты пришли в восторг, услышав эту новость. Лучший друг Гагарина на базе, его тезка Юрий Дергунов, подбежал к нему по летному полю, горланя: «Спутник!» Гагарин тоже ощущал воодушевление, но в то время его больше заботили предстоящие выпускные экзамены в летном училище и любимая девушка Валя. Свадьбу уже назначили — на 27 октября. Он признавался, что тогда ему казались более важными предсвадебные приготовления, чем абстрактные мечты о космических полетах. В те дни он и вообразить не мог, что всего через три с половиной года он станет космонавтом.

Вот и Валя не подозревала, что в один прекрасный день ее муж совершит путешествие в космос. Она вышла замуж за славного, но довольно заурядного юношу, военного летчика, а не будущего покорителя космоса. К тому же Валя наверняка

понимала, что ее вполне обыкновенный брак неразрывно связан с определенными трудностями и риском: она знала, что ей придется переезжать из одного незнакомого города в другой, ведь Юрия будут переводить на новые и новые воздушные базы; знала, что когда-нибудь он может утром уйти на работу, а вечером не вернуться… Видимо, она подготовилась и к этому. Она вправе была ожидать, что государство поможет ей с жильем, медицинским обслуживанием, денежными пособиями, садом и школой для их будущих детей. И она знала, что ей, в свою очередь, возможно, придется безмолвно и безропотно горевать, если муж погибнет во время очередного полета на реактивном самолете. Многие другие жены в ее положении несли на своих плечах такое же бремя, испытывали тот же грызущий страх, и мысль о том, что она в этом не одинока, должна была ее поддерживать. Валя близко сдружилась с некоторыми женами летчиков, а позже — с женами космонавтов. Но она не ожидала, что станет женой самого знаменитого человека в мире. Она была скромной и очень застенчивой молодой женщиной.

Не вызвало у Вали восторга и первое служебное распределение молодого мужа — после того как он с отличием окончил оренбургское училище и 6 ноября 1957 года получил звание лейтенанта: его направили на военно-воздушную базу «Никель», на самом севере Мурманской области, за Северным полярным кругом, от которого базу отделяло триста километров. Его задачей теперь стало пилотирование реактивных МиГ-15 в ходе разведывательных вылетов. Валя отправилась за ним туда, в морозное захолустье, в край свирепых ветров и долгих ночей, иногда слегка разбавляемых несколькими серыми часами сумрачного дневного света. Здесь 10 апреля 1959 года родилась первая дочь молодой четы Гагариных — Лена.

Все долгие зимние месяцы летные условия над «Никелем» были чудовищными. Рулевым поверхностям гагаринского МиГа грозило обледенение, к тому же пилот постоянно рисковал заработать «снежную слепоту», когда небо и земля сливаются в сплошную пелену без всяких признаков горизонта. В те времена бортовые электронные системы захода на посадку и приземления, установленные на МиГе, не отличались особой чувствительностью. Пилотам, пораженным «снежной слепотой», приходилось полагаться на большие наземные радары, которые вели их к радиомаякам, расставленным по периметру взлетно-посадочной полосы. Да и ясная погода таила в себе опасности. Однажды Гагарин опустил самолет на полосу, покрытую «черным» льдом, невидимым для невооруженного глаза, но скользким, точно масло. В Оренбурге он к таким условиям не

готовился. Самолет резко занесло, и шины шасси лопнули от экстренного торможения, которое ему пришлось применить.

Юрий Дергунов, близкий друг Гагарина по Оренбургскому летному училищу, прилагал все усилия, чтобы после окончания его распределили в то же место. Но в первый же свой месяц в «Никеле» он разбился в автокатастрофе и погиб. Гагарин был потрясен, несколько недель после этого он бродил как в тумане. Валя так и говорит: «Несколько недель он ходил как потерянный, не спал целыми ночами напролет. Я понимала, что ему не помогут ни валерьянка, ни снотворные, и если предлагала ему лекарства, то лишь для того, чтобы хотя бы на минуту отвлечь его от тяжелых мыслей»10.

Глава 2
Набор

В октябре 1959 года на всех главных воздушных базах СССР, включая «Никель», появились загадочные комиссии по набору добровольцев. Прибывшие не уточняли, что конкретно они хотят и какую организацию представляют. Отбирали группы летчиков и примерно по двадцать человек вызывали в кабинет для неофициальной беседы с какими-то «медиками». Через несколько дней группы стали меньше, многих отсеяли после таинственных переговоров и обсуждений, а затем начался этап личных бесед вербовщиков с кандидатами — их сильно сократившийся список включал примерно по десять человек от каждой базы. Отобранных счастливчиков отправили в Москву, в военный госпиталь имени Бурденко, и подвергли целому ряду скрупулезнейших обследований. На этой стадии отпали девять кандидатов из каждого десятка — опять-таки из-за тайных решений, принимавшихся за закрытыми дверями.

В своих воспоминаниях Гагарин рассказывал, что прошел в госпитале имени Бурденко несколько проверок зрения, а также бесчисленные беседы с психологами и кошмарный математический тест, когда чей-то голос нашептывал ему в наушники всевозможные решения — все неправильные. Ему пришлось сосредоточиться на собственном мыслительном процессе и игнорировать подсказки «услужливого друга», раздававшиеся в ушах. Каждый из врачей был «строг, как прокурор… Нас обмеряли вкривь и вкось, выстукивали на всем теле „азбуку Морзе“, крутили на специальных приборах, проверяя вестибулярные аппараты… Главным предметом исследований были наши сердца. По ним медики прочитывали всю биографию каждого. И ничего нельзя было утаить. Сложная аппаратура находила все, даже самые минимальные изъяны в нашем здоровье»1.

Диалог Гагарина с его вербовщиками нигде в точности не воспроизводится. Однако пилот Георгий Шонин, один из его товарищей по «Никелю», вскоре после него тоже был отобран для космической подготовки, и его впечатления наверняка схожи с гагаринскими. «Сначала шла обычная тягомотина. Как мне ВВС? Нравится ли летать? Чем я занимаюсь в свободное время? Что читаю? Ну и прочее. Дня через два — новая серия бесед. На этот раз вызвали меньше народу. И сами разговоры стали более конкретными». Шонин поехал в Москву, сам толком не понимая

зачем. Позже он вернулся на базу «Никель» — исколотый, измотанный, обследованный вдоль и поперек, но, судя по всему, врачи сочли его годным для новой работы, о которой он еще ничего не знал. Вербовщики лишь один раз намекнули Шонину, чем ему предстоит заниматься. Они спросили, как бы он отнесся к тому, чтобы полетать на более современных аппаратах? Вот тут-то ему кое-что стало ясно. В то время некоторые авиационные соединения переходили на новые, более совершенные, истребители, и Шонин решил, что никелевскои эскадрилье посчастливилось попасть в их число. Однако вербовщиков не интересовали такие банальности, как подбор пилотов для новой модели МиГа. Потом его спросили: а если речь идет о том, чтобы полететь на чем-то совершенно новом? Шонин тут же остыл, потому что знал массу летчиков, которых переводили в вертолетные группы. Он считал вертолеты сложными, но неинтересными машинами, у которых нет ни скорости, ни стиля, ни, в конце концов, должного статуса. «Я же пилот истребителя, — умоляюще произнес он. — Я нарочно пошел в летное училище, чтобы учиться летать на боевых реактивных машинах, а теперь вы хотите, чтобы я…»

Один из вербовщиков перебил его: «Нет, вы не понимаете. Речь идет о дальних полетах на ракетах. О полетах вокруг Земли».

«Я так и разинул рот от удивления», — вспоминал Шонин. Так или иначе, он согласился. Гагарина приняли за несколько недель до него. Они с Валей наверняка рады были вырваться из мурманских краев, не поступившись честью. Юрий объяснил жене, что его отобрали как летчика-испытателя для самолетов нового типа и теперь они будут базироваться рядом с Москвой. Гагарины уехали из «Никеля» 8 марта 1960 года, с радостью оставив типовую мебель другим семьям, жившим при базе.

Так Гагарин оказался в группе всего из двадцати космонавтов, в конце концов отобранных по всему Советскому Союзу из первоначального списка в 2200 кандидатов. Этот первый отряд станет очень сплоченным, несмотря на очевидное (хотя и молчаливое) соперничество — всем хотелось поскорее отправиться в космический полет. Отношения Гагарина с Германом Степановичем Титовым, его товарищем по отряду, выросли в нечто гораздо более сложное — тайное соревнование за то, чтобы стать первым человеком, полетевшим в космос.

Остальным космонавтам Гагарин казался парнем легким и дружелюбным, в отличие от Германа Титова, которого даже друзья считали несколько заносчивым и отчужденным, а иногда и чудноватым. Он обожал читать стихи или цитировать отрывки из рассказов и романов не только современных советских писателей,

но и классиков русской литературы. Его отец Степан Павлович, учитель, назвал сына именем героя пушкинской «Пиковой дамы»2[4].

Титов обладал невероятной выдержкой. В 1950 году, в четырнадцать лет, он разбил велосипед и сломал запястье, но вместо того, чтобы мчаться домой за утешением, просто притворился, будто ничего не случилось. Он тайком лечился, не желая показывать слабость, потому что уже записался на курсы начальной подготовки в авиационное училище, и не желал, чтобы этот случай помешал выбрать его среди кандидатов. Когда в 1953 году Титов наконец получил курсантские документы, он опасался, что военные врачи могут обследовать его кости и тогда обман раскроется. Но они не стали этого делать. Герман их обманул. Каждый день рано утром он занимался на брусьях, пока его поврежденное запястье не перестало отличаться от здорового. Два года он проходил подготовку на Волгоградской базе ВВС, окончил курс с отличием и в 1959 году подвергся допросам загадочных посетителей — как потенциальный космонавт. Космические врачи терзали Титова серьезнее, чем медики из ВВС, но и им с их рентгеном не удалось обнаружить никаких отклонений, так что его, как и Гагарина, включили в Первый отряд, состоявший из двадцати космонавтов. Уже много позже доктора из комиссии сказали ему, что, если бы они знали о его давней травме запястья, никогда бы не одобрили его кандидатуру.

На открытом лице Гагарина отражались все его чувства. Он был открыт для людей. Титов же был совсем иным — глаза, темные и глубоко посаженные, скрывали от чужих его переживания, губы, казалось, часто неодобрительно сжимались, и в лице порой читалось едва ли не высокомерие. Он отличался вспыльчивостью и не боялся откровенно высказывать свои мысли. На нем хорошо сидела форма, и его темные волосы, лоснящиеся и волнистые, довершали образ кавалерийского офицера-буржуа. Личная гордость, слишком много поэзии, классовая сомнительность — лишь оттого, что он прочел кое-какие книги и отец у него был учителем… Титов явно не принадлежал к числу тех, кто мог бы легко процветать в обществе всеобщего равенства, в советском рабоче-крестьянском раю, если бы не одно ценное качество, перевесившее все его недостатки. Он отлично проявил себя в одной из немногих сфер советской жизни, где поощрялись личные качества и яркая индивидуальность: высоко в небе, защищая Родину на МиГе.

Алексей Архипович Леонов стал еще одной важной фигурой в этой новой космической жизни Гагарина. Они были почти

ровесниками: Леонов родился в 1934 году, но казался старше, виной чему было круглое довольное лицо и начинавшие редеть волосы. В юности он хотел стать профессиональным живописцем и в 1953 году даже поступил в Рижскую академию художеств, но почти сразу же передумал и подал заявление в Чугуевское военное авиационное училище. Леонов проявил себя как одаренный парашютист и получил диплом инструктора. Низенькая, коренастая фигура Леонова давала неверное представление о его физической форме — она была превосходной. Проявляя недюжинную самодисциплину, он занимался фехтованием и бегом, почти всегда находя время для того, чтобы ранним утром совершить четырехкилометровую пробежку. Когда космические вербовщики приехали в Чугуев (это случилось в 1959 году), он быстро получил новое назначение3.

Леонов обладал прекрасным чувством юмора и, когда его не раздражали и не перечили, был весьма милым человеком. Как и все его коллеги-космонавты, он всеми силами стремился добиться успеха в своей новой профессии. На работе и тренировках он бывал холоден и сосредоточен. Благодаря веселому нраву и профессионализму он завоевал симпатии очень многих. Леонов навсегда сохранил страсть к искусству, таская альбомы для набросков повсюду (даже на орбиту); позже он стал одним из главных советских космических художников. Он был самым близким другом Гагарина с первых дней космической подготовки. «Я быстро понял, какой он добрый, — вспоминает он сегодня. — Юра очень любил друзей и уделял им массу внимания. Он не бросал старых друзей и очень легко заводил новых. Наши с ним отношения были особенно теплыми, потому что мы давно друг друга знали, и даже когда он прославился, это никак на него не повлияло. Он всегда оставался прекрасным товарищем».

11 января 1960 года торжественно открылся Центр подготовки космонавтов (ЦПК) под руководством ученого-медика Евгения Карпова. Его первым заместителем, непосредственно отвечающим за набор космонавтов, их подготовку и «идеологическую надежность», стал генерал Николай Каманин, суровый и весьма амбициозный ветеран без малейших следов чувства юмора. Историк космоса

Джеймс Оберг описывает его как «стареющего героя войны, самовластного царя космоса, солдафона»4, а Ярослав Голованов, журналист, тесно связанный с советской космической программой на ее первом этапе, вспоминает его как «чудовищно злобного и недоброжелательного человека, законченного мерзавца-сталиниста». Многие космонавты его терпеть не могли,

но поддерживаемая им строгая воинская дисциплина, безжалостная внимательность к деталям, его стремление оценивать подопечных по наивысшим стандартам были необходимы при подготовке пилотов к предстоящим тяготам космоса.

К тому времени как Гагарин и его девятнадцать товарищей прибыли в ЦПК, в их распоряжении оказались лишь немногочисленные корпуса. Карпов и Каманин выбрали обширную просеку в сосново-березовом лесу, в сорока километрах к северо-востоку от Москвы, и в марте 1960 года начали строить там секретную базу — Звездный городок. Посреди территории вырубили огромный квадрат, отлично защищенный лесом от близлежащих дорог. Выстроили простенькое общежитие, несколько типовых бараков и кое-какие невысокие здания, где должны были располагаться тренировочные залы; некоторые из них, как космонавтам предстояло узнать на собственной шкуре, были специально предназначены для нанесения увечий и для того, чтобы подвергать членов отряда стрессу, вызывать у них чувство одиночества и крайней усталости. Со временем Звездный городок вырос до размеров настоящего города, со своей инфраструктурой — барами, гостиницами, спортивными клубами, административными корпусами. Недалеко, к югу от Звездного городка, в поселке Чкаловский, располагалась обширная и быстро растущая военно-воздушная база, предоставлявшая взлетно-посадочные полосы для грузовых бортов и реактивных самолетов, на которых тренировался отряд, а кроме того, жилье для космонавтов и их молодых семей.

Несмотря на размеры территории, на которой строился Звездный городок, мало кто из окружающих, не вовлеченных в космический проект, хоть что-то знал об этой стройке. Дорога, проходящая через Чкаловский, огибает плотный массив сосняка, который отлично закрывает весь комплекс. По правой же стороне небольшой контрольно-пропускной пункт закрывает собой невинный просвет в чаще. В 1960 году боковое ответвление, уходящее в лес, легко можно было принять за маршрут лесорубов или заброшенную сельскую дорогу, если бы не домик охраны и не жесткое гудронное покрытие, способное выдерживать тяжелые грузовики.

Когда Гагарина и его товарищей набрали в отряд, корпуса Звездного городка еще не были готовы. Первые тренировки космонавтов представляли собой главным образом академическую и физическую работу в различных научных и медицинских учреждениях Москвы, особенно в Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского на Ленинградском

проспекте. Наименее популярным местом среди новобранцев стал Институт медико-биологических проблем — он располагался близ Петровского парка, а возглавлял его Олег Газенко. Здесь все космонавты подвергались ошеломляющему натиску всевозможных медицинских, физических и психологических обследований и проверок. В число процедур, которые они должны были проходить, входило и пребывание в «изолированной камере» — большом герметично закрытом резервуаре, увенчанном переходным воздушным шлюзом и содержащим лишь минимум необходимого для жизни.

Врачи закрывали своих жертв в этой «одиночке» и в ходе научных изысканий повышали или понижали давление воздуха внутри. Пленникам предоставлялся скудный набор заданий: арифметические задачки, тесты на уровень интеллекта, физические упражнения и тому подобное. Не позволялось лишь одно: проводить время с удовольствием. Всякая болтовня запрещалась. Ни книг, ни журналов, ни контактов с окружающим миром, кроме самых скупых диалогов с лаборантами, следившими за камерой. Один такой сеанс мог тянуться от суток до десяти, хотя жертву никогда заранее не предупреждали о его длительности. Целью этого тяжкого испытания было выяснить, сумеет ли человек перенести скуку и одиночество на борту космического корабля — возможно, космонавту придется пробыть на орбите много дней, если в процедуре спуска произойдет какая-нибудь непредвиденная заминка. Таковы были официальные обоснования тестов в камере. Для космонавтов же вопрос стоял куда проще. Относись к «одиночке» с улыбкой, а то никогда не полетишь в космос.

Гагарин прошел несколько таких сеансов без особых неприятностей, хотя позже признавался, что эти тесты были «жутковатыми и нервирующими». Психологи просили его описывать возникавшие мысли и чувства — через одинаковые интервалы, отмеряемые по часам, которые находились внутри камеры. Когда он говорил, слушатели не всегда ему отвечали. Он не знал, то ли они намеренно его игнорируют, то ли просто ушли позавтракать. А может, поужинать… Часы в камере не давали Гагарину четкого представления о «наружном» времени; не мог он и полагаться на рассветные или закатные сумерки, чтобы сориентировать по ним свой образ жизни: в камере не было окон. Электрическое освещение внутри то зажигалось, когда он пытался заснуть, то внезапно выключалось, когда он бодрствовал и был занят выполнением того или другого задания. Время совершенно утратило значение. Гагарина никогда не предупреждали, сколько может продлиться его пребывание в камере: часы? дни?

«Оставаясь в полном одиночестве, человек обычно слишком много думает о прошлом, — позже замечал он, — а я думал о будущем. Я закрывал глаза и представлял себя на „Востоке“, видел, как подо мной проносятся материки и океаны»5.

Журналистке Лидии Обуховой разрешили присутствовать при одном из таких испытаний (ей позволили опубликовать рассказ о том, что она видела, лишь через несколько месяцев после космического полета Гагарина, состоявшегося в апреле 1961 года):

> Озорство не оставляло его и в этой унылой обстановке. Он начинал болтать сам, зная, что за толстыми стенами с электронной начинкой его услышат. Он вспоминал, кто должен дежурить в тот день, и говорил, даже не требуя ответа… Прошло еще несколько дней. По эту сторону камеры знали, что сегодня затворничеству наступит конец, но сам Гагарин ничего не подозревал… Неожиданно из динамика донеслось странное мурлыканье под нос: «…Сколько мне дали электродов… Один электрод с желтым шнурком… Другой электрод с красным…» Врач объяснил: «Иссякли впечатления в камере. Вот он и ищет новых впечатлений. Поет, как кочевник, обо всем, что видит» 6.

Несмотря на душевные пытки, устраиваемые психологами, Гагарин никогда не упускал из вида главный приз — отправку в космос. Он улыбался, он всех очаровывал, строя из себя простодушного деревенского парнишку (особенно ярко смотревшегося на фоне Титова, сурового интеллектуала, тонкого ценителя поэзии), но при этом Гагарин выдержал все тесты, неизменно проявляя храбрость и самообладание.

Когда пришла очередь Титова лезть в «одиночку», именно он стал одним из немногих космонавтов, серьезно задумавшихся о том, что на самом деле должно доказать это нелегкое испытание. Речь шла не только о проверке организма при различном атмосферном давлении и не просто о том, как человек переносит скуку. Он был уверен: предстоит пройти более тонкие проверки. «Говорят, в камере нет никаких звуков, но это чушь. Работает кондиционер, включен вентилятор. Все они шумят, и к этому скоро привыкаешь. Важнее всего сама изолированность. Сможешь ли ты провести десять дней в одиночестве?.. Никто не подглядывает в замочную скважину, но ты-то знаешь, что за тобой наблюдают». Так, одной из проверок, как ему казалось, стала затея с консервами и плиткой. В камере имелась вода для питья и личной гигиены, но ее следовало экономить. В первый день

изоляции некоторые из наиболее порывистых космонавтов энергично вскрывали консервные банки, стремясь развеять скуку и монотонность с помощью еды. Они опорожняли банки в единственную кастрюлю, которая им выдавалась, подогревали ее на плитке и съедали содержимое, а уже потом соображали, что вымыть емкость, судя по всему, нечем, а ведь им предстоит еще много трапез. Титов рассказывает: «Я решил поступить умнее. Положил банки в кастрюлю с водой и разогрел их таким манером. Потом открываешь банки, съедаешь содержимое и выкидываешь жестянки. И ничего не надо мыть». Несколько чашек воды в титовской кастрюле можно было спокойно нагревать вновь и вновь. Так он экономил воду, кастрюля у него оставалась чистой, а психологи — довольными. Вернее, они не были недовольны, а это — самое большее, на что космонавт мог надеяться, пробыв положенное время в камере.

Врачи отнеслись с неодобрением к желанию Титова почитать в камере, но он их перехитрил. Он спросил, не могут ли они найти ему «Евгения Онегина», чтобы он взял книгу с собой внутрь. Нет, ответили ему, это исключено. Такие развлечения не позволяются. Титов заверил их, что книга нужна ему лишь как талисман, дурацкий амулет. Он сказал, что и без того знает роман от корки до корки. Он их умолял и заклинал. И в конце концов они Титову его дали. На самом деле он, разумеется, не помнил его целиком! Так что потом в камере Титов с удовольствием убивал время за чтением этой книги.

Сохранились кадры других сеансов в камере, когда Титов радостно читает наизусть Пушкина, а врачи наблюдают за ним через толстое зеркальное стекло. Он выглядит чрезвычайно уверенным, он так и сияет от гордости за свою замечательную память, за свое знание литературы. К сожалению, он заблуждался, полагая, что его образованность, выше среднего уровня, должна стать его преимуществом. Позже, к своему величайшему разочарованию, Титов поймет, что ошибался, да еще как.

Он не проявлял такой самоуверенности на вращающейся центрифуге, в небольшой капсуле, вертевшейся на конце длинной оси: так создавалось ощущение перегрузок, ожидавших космонавтов при ускорении и торможении. Эта карусель — традиционный аттракцион для летчиков и астронавтов всего мира, и каждый из них его по-своему «обожает». Но гордого пилота Титова нервировало, что он так отдается на милость других. Он говорил, что в самолете можешь заложить петлю с большой перегрузкой, но там ты управляешь аппаратом сам, сам решаешь, когда из этой петли выйти. А эта центрифуга — отвратительная штука. Ускорение тебя все жмет и жмет, но ты

над ним не властен. Просто сидишь, как подопытная морская свинка, — возмущался Титов.

Гагарину тоже центрифуга не нравилась, несмотря на его широко известный талант выносить перегрузки. В ходе проверок в ВВС он выдерживал ускорение примерно семь g. Его истребитель МиГ на отчаянных скоростных виражах выдавал девять, а возможно, и все десять g. Теперь же космическая тренировочная центрифуга быстро довела его до двенадцати. «Глаза у меня не закрывались, дышать было очень трудно, мышцы лица все перетянуло, сердцебиение ускорилось, а кровь в венах стала густой, как ртуть»7.

Возможно, самой зловредной тренировочной процедурой был эксперимент с «кислородным голоданием». Космонавтов запирали в изолированной камере, откуда постепенно, но неумолимо выкачивался воздух. Гагарину следовало не жалуясь выдержать эту проверку, если он хотел, чтобы его признали годным для космической экспедиции. Врачи закрыли испытуемого в резервуаре и стали наблюдать за его лицом с помощью телемонитора, а он в это время снова и снова писал в блокноте свое имя. За процедурой следила журналистка Лидия Обухова; кроме того, сохранилась архивная пленка, снятая лаборантами. По мере того как концентрация кислорода падала, Гагарин писал всё более странные вещи, а в конце концов уже царапал полную ерунду. Воздуха становилось все меньше. Гагарин уронил карандаш, уронил блокнот, уставился в пустоту и внезапно потерял сознание. Но, видимо, сделал он это достаточно поздно, чтобы пройти тест, иначе он бы потерял место в отряде космонавтов. Можно с уверенностью предположить, что он, как и другие космонавты, весьма недолюбливал эту процедуру, потому что она заставляла их выглядеть перед медиками сущими дураками. Инженеры из числа руководства разделяли их отвращение и недоумевали, чего врачи пытаются добиться, подвергая испытуемых такому удушению. На орбите космонавт может лишиться источника воздуха, лишь если в его капсуле произойдет утечка: тогда он должен закрыть смотровое отверстие шлема и переключиться на автономную подачу воздуха. Если же утечка возникнет и в кабине, и в скафандре, тогда космонавт может прощаться с жизнью, но вероятность подобной двойной неудачи пренебрежимо мала. В космосе у вас либо есть воздух для дыхания, либо его нет. Середины и полумер не существует. Инженеры-ракетчики считали эксперимент с «кислородным голоданием» бессмысленным, но врачи придерживались иного мнения, поэтому опыты продолжались.

Для сбитых с толку космонавтов стал почти облегчением переход к парашютным упражнениям. Теперь-то они подшучивали над медиками, потому что большинство врачей не осмеливалось шагнуть вслед за ними из люка самолета. Инструктором выступал Николай Константинович, опытный парашютист, в активе которого имелся рекордный затяжной прыжок с высоты 15 километров. Возможно, будущим экипажам космических кораблей пришлось бы катапультироваться и на парашюте спускаться на Землю с такой же высоты, и задачей Николая Константиновича было показать, что может пойти не так в высоте и как справляться с такими нештатными ситуациями. В частности, разбиралась так называемая «проблема штопора», когда при катапультировании неправильно выброшенное кресло заставляет пилота вращаться вокруг своей оси. А иногда кресло отстреливается чисто, но кувыркается сам аппарат, от которого оно отделяется. В том и в другом случае пилот не раскроет парашют как полагается, потому что стропы перекручены, как нити в веревке, и шелковый купол просто не может развернуться. Тогда летчик должен стабилизировать свое падение и дать парашюту открыться нормальным образом. Николай Константинович учил своих подопечных специально «портить» прыжки, а затем снова обретать контроль над падением, желательно еще до соприкосновения с землей. «При этом очень неприятном явлении тело вдруг начинает стремительно вращаться вокруг собственной оси, — вспоминал Гагарин. — Голова наливается свинцовой тяжестью, появляется резь в глазах, и всего тебя охватывает неимоверная слабость. Попав в штопор, теряешь пространственную ориентировку»8.

Но прыжки с парашютом, по крайней мере, больше походили на настоящую космическую подготовку. Когда Гагарин и его товарищи находились в самолете и занимались чем-то полезным, они чувствовали себя лучше. Они увереннее владели ситуацией. Но для другой группы «жертв», увы, не существовало столь легкого способа избежать докторских уколов и барокамер.

В некотором отдалении от космонавтов еще одна группа испытателей подвергалась похожему набору медицинских процедур — похожему, но более неприятному. Этих юношей отбирали с чуть более низких ступеней авиационно-научной лестницы. Они не обязательно являлись пилотами истребителей или первоклассными теоретиками. Это были просто молодые военные в хорошей физической форме, с довольно средним интеллектуальным уровнем.

В ходе набора их не спрашивали напрямую, хотят ли они полететь в космос. Им предлагалась лишь возможность «принять

участие»: малозаметное, но важное смещение акцента.

Работа испытателей состояла в том, чтобы установить, какие нагрузки способен выдержать человеческий организм. А затем космонавтов как материал несколько более ценный и труднозаменимый можно было доводить до этих пределов, но не дальше. В отличие от будущих космонавтов испытатели формально не меняли профессию, и платили им в соответствии с их воинскими ставками — как солдатам, лаборантам, механикам. Вербовщики старательно внушали им чувство избранности и особой ценности, однако на самом деле по своему положению они мало чем отличались от лабораторных крыс. Когда они получали травмы (а это случалось), им или их родным не выплачивали никакой компенсации: это не было предусмотрено, так как власти не желали разглашать никаких подробностей ведущейся работы. Даже в наши дни, в эпоху гласности, российское космическое руководство не очень-то любит обсуждать вклад этих испытателей в начальный этап развития космической программы, как и в разработку новых реактивных истребителей, парашютов, систем катапультирования и летных костюмов для ВВС. За тридцать лет в различных программах такого рода приняли участие около 1200 испытателей.

Все они были военными-добровольцами, хорошими бойцами и не любили сдаваться, пасовать на глазах у товарищей. Считалось, что они могут в любой момент прекратить участие в любой проверке, если чувство дискомфорта окажется слишком сильным, однако мало кому хотелось так поступить. Подобно тому как каждый космонавт мечтал первым отправиться в космос, вознестись выше, лететь быстрее, так и у испытателей имелись своеобразные вершины, которые они стремились покорить. Кто выдержит самое высокое давление? А самое низкое? Кто вынесет самое большое ускорение, которое дают салазки катапульты? Кто вытерпит резкие экстренные торможения, сотрясающие кости? Кто провел больше всех времени на центрифуге? Кто пережил больше g? Кто самый крепкий, самый сильный, самый храбрый?

Сергей Нефедов, ветеран тогдашних испытаний, с горькой усмешкой вспоминает: «Поначалу мы не знали, что это будут за проверки, но скоро поняли: дело серьезное. Нам сказали, что нас задействуют в эксперименте по „мягкой“ посадке. Смех, да и только! Испытатель должен был выброситься из кресла на какой-то высоте, не колоссальной, но большой — возможно, с такой пришлось бы катапультироваться при посадке настоящего космического аппарата. Кое-кто в результате получил травмы, самые опасные — когда в аппаратуре что-нибудь ломалось или система работала не так, как надо. После этого опыта некоторые

ребята больше не могли встать».

Нефедов потом хвастался, что испытатели вертелись на центрифуге в режиме, который мог бы вырубить маленьких хрупких космонавтов: «Я дошел до семи минут на десяти g. А космонавтам надо было выдержать всего две-три минуты при семи g и двадцать секунд при двенадцати g. Мой коллега Виктор Костин часто переносил ускорения в 27 g, очень кратковременные, их достигали резким сотрясением салазок катапульты. Они длились какие-то микросекунды, но однажды он на долю секунды дошел до 40 g. Поймите меня правильно, мы не гнались за рекордным числом g ради самого рекорда. Мы хотели понять, сколько может продержаться человек. И потом, мы вообще не употребляли слова „рекорд“, потому что не могли претендовать на какие-то спортивные достижения».

В этом было огромное разочарование: они не могли никому сообщить о том, какие они крутые, потому что их работа проходила в режиме строжайшей секретности. Испытатели отлично знали, что их терзают куда сильнее, чем космонавтов. Иногда они смотрели на медиков с их циферблатами и контрольными приборами, невольно задаваясь вопросом: «С одной стороны, эти люди представляют весьма гуманную профессию, а с другой стороны, ускорение будет расти, и лаборанты спросят, не прекратить ли эксперимент, и покажется, что испытуемый уже больше не может, он весь покраснеет, сердце у него будет биться как бешеное, пот будет лить ручьем, но врачи не остановят проверку». Нефедов прямо говорил: «Для испытателей это было очень опасно. Могу процитировать Сергея Молыдина, одного из ученых, которые руководили программой испытаний. Он сказал: „Мы ставили опыты на собаках, и пятьдесят процентов из них выжили. А вы же знаете, человек крепче собаки“. Хороши шуточки! Последствия опытов над нами невозможно было предсказать. Даже если человек выживет, не исключено, что в дальнейшем он станет инвалидом, или сердце откажет, или другие внутренние органы. Конечно, мы могли в любую минуту выйти из эксперимента, но неписаное правило запрещало такой отказ. Если снимешься с проверки, это будет в первый и последний раз, потому что тебя сразу же исключат из группы».

Нефедов заявляет, что половина испытателей, вместе с которыми он работал в 60-е годы, не дожили до 90-х, но он говорит о своей карьере без сожаления. Совсем напротив: он очень гордится, что внес свой вклад в освоение космоса. «Единственная трагическая сторона здесь — то, что наша профессия как бы никогда не существовала. Все проходило в

обстановке строгой секретности, так что никакой соцзащиты от государства, к тому же никто никогда не занимался медицинскими обследованиями испытателей на протяжении долгого периода. А сегодня наши старые друзья, наши коллеги начинают умирать». Он вспоминает особенно жестокий эксперимент, в ходе которого отрабатывался возможный отказ воздухоочистительной системы космического корабля: «К примеру, если на подводной лодке в воздухе скапливается больше трех процентов углекислого газа, этого достаточно, чтобы объявить чрезвычайное положение. А мы с одним моим товарищем в тестовой камере [Института медико-биологических проблем] дошли до трех с половиной, четырех, пяти процентов. Честно говоря, было просто нечем дышать, лицо при этом становится какого-то неприятного оттенка, губы синеют, мозги не действуют, начинает страшно болеть голова, возникает слабость. У нас у обоих пошла кровь из носа, но мы доработали до контрольного времени. Никогда не забуду, как я ему твердил: „Еще полчасика, и всё кончится“. А через тридцать минут: „Ну еще полчасика…“ Мне надо было его хоть как-то подбадривать».

Евгений Кирюшин сохранил яркие воспоминания об измененном состоянии сознания, которое пережил на центрифуге, когда его тело испытало то, что уже даже не назовешь сколько-нибудь нормальной нагрузкой: «Вдруг — свет, очень интересно, сначала чернота, потом желтое, сиреневое, потом словно летишь через пустоту, а потом вообще забываешь обо всех ощущениях. Такое впечатление, что ты — это отдельный мозг, рука, глаз. Вся эта постылая тяжесть остается в кресле, и вдруг ты оказываешься наверху, над собственным телом. Ты совершенно невесом, ты словно бы смотришь на себя сверху. Это момент преображения. Все свои настоящие достижения ты совершаешь именно в эти несколько минут. Но это жуткие эксперименты, все без исключения».

Нефедов вспоминает, как впервые встретился с Юрием Гагариным — 2 января 1968 года, когда Первый космонавт посетил центр медицинских экспериментов и отпраздновал Новый год вместе с испытателями: «Тогда я начал работать с внезапной разгерметизацией, меня она очень заинтересовала. Он спросил: „На что это похоже? Тебе не страшно? Вы отрабатывали падение давления до уровня 50 километров?[5]“ Замечательно было с ним обо всем этом поговорить. Но вдруг он спросил, почему я такой грустный. Я был просто тихий и спокойный, но ему показалось, что я грущу. Он крепко обнял меня и сказал: „Всё в твоих руках, Сергей. Видно, есть у тебя непреодолимое желание“».

Непреодолимое желание. У космонавтов такое имелось, и мир пел им хвалу. У испытателей оно тоже было, но они не могли о нем говорить, разве что Гагарину, который не пожалел времени, чтобы разобраться, почему этот парень добровольно согласился принять участие в безумно опасной серии экспериментов по внезапной разгерметизации. И испытатель поспешно и не очень-то внятно пытался объяснить, почему же он, черт побери, это делает.

Судя по всему, тогда не было недостатка в людях, добровольно желавших принять участие в этой опаснейшей работе. Владимир Яздовский, один из руководителей советского космического проекта на первых его стадиях, не понаслышке знавший все его стороны, вспоминал: «После полета Лайки на втором спутнике[6] в Академию наук пришло около трех с половиной тысяч заявлений — от заключенных, из-за границы, от многочисленных организаций. Люди писали: „Вам не придется меня беречь, только отправьте меня в космос“. Конечно, мы не могли ответить каждому, а кроме того, мы еще не знали, как вернуть человека на Землю после завершения полета, и пока не собирались запускать в космос людей».

Глава 3
Главный Конструктор

Был один человек, который отныне больше, чем кто-либо еще, управлял жизнью Гагарина — как друг и могущественный заступник. Этот человек не был космонавтом, хотя когда-то давно, в юности, научился пилотированию. Он пребывал в тени, где-то в самых верхних эшелонах космической власти. Большинство работавших в советской космонавтике называли его Королем или Шефом, а иногда по его инициалам — просто С.П. Его фамилию никогда не произносили публично, так как власти объявили его личность строжайшей государственной тайной. Долгие годы в многочисленных сообщениях о советских ракетных достижениях, проходивших по радио и в газетах, его называли только Главным Конструктором, без имени и фамилии.

Сергей Павлович Королев родился в 1907 году на Украине. Высшее образование получил в Москве. Став в 1930 году авиаконструктором, он увлекся ракетами. Сначала он видел в них подходящий источник энергии для своих летательных аппаратов, но к концу 30-х годов понял, что ракета как таковая способна сама по себе стать транспортным средством1.

Предвоенные армейские стратеги проявляли большой интерес к работе пионеров ракетостроения. Маршал Тухачевский организовал создание нового исследовательского центра, Лаборатории газовой динамики, прятавшейся за тяжеловесными валами петербургской Петропавловской крепости (на каменной кладке до сих пор видны следы термических ожогов), а в Москве над схожими проблемами трудилась Лаборатория реактивного движения. Благодаря этим параллельным исследованиям выдвинулся соперник Королева — Валентин Глушко, самый многообещающий конструктор топливных насосов и камер реактивных двигателей для ракет. Но Королев смотрел дальше: он размышлял о том, как соединить двигатели с топливными баками, навигационным оборудованием и полезной нагрузкой, чтобы создать ракетные средства передвижения, которые могли бы выполнять определенные функции — сбрасывать бомбы, вести метеонаблюдения в верхних слоях атмосферы, а когда-нибудь и исследовать космос.

Михаил Тухачевский главным образом интересовался крылатыми ракетами-бомбами и другим полезным для Красной армии вооружением. В 1933 году он начал масштабное объединение различных ракетных программ в единый военный

проект. К сожалению, Сталин боялся умных солдат, а потому к 1937 году развернул широкомасштабную чистку среди офицеров, ставшую частью террора, царившего на всех уровнях советского общества. Тухачевского арестовали 11 июня и расстреляли в ближайшую же ночь2. Всех инженеров-ракетчиков, которых он собрал и поддерживал, тут же заподозрили в антисталинских настроениях и арестовали. Королева взяли 27 июня 1938 года. Его ожидало десять лет строгого режима в Сибири: по сути, это был смертный приговор.

В июне 1941 года вторгшиеся в страну фашисты одерживали сокрушительные победы над Красной армией, которая оказалась совершенно не готова к войне. Сталину вскоре пришлось пожалеть о чистке офицерского состава, которую он провел. Почти все уцелевшие командиры представляли собой бездарных лизоблюдов без всякого опыта ведения боевых действий или разработки армейской стратегии. Тогда-то Сергея Королева и многих других ценнейших инженерных работников освободили из лагерей и доставили в главные промышленные центры страны, где они должны были работать на авиационных и оружейных заводах — по-прежнему под охраной. Ближе к концу войны Королева освободили, так как его репутация отчасти восстановилась, и в сентябре 1945 года ему позволили пробраться в самое сердце разрушенной Германии в поисках еще не вывезенных американцами останков блестящей и печально знаменитой ракетной программы Вернера фон Брауна — «Фау-2». В 50-е годы Королев с невероятной энергией и решимостью создает целый ряд все более сложных ракет, тогда как Глушко разрабатывает несколько реактивных двигателей, относящихся к числу самых эффективных в истории.

Для человека, пережившего репрессии и лагеря, административные баталии с конкурентами или косными кремлевскими чиновниками были делом сравнительно нетрудным, особенно при куда менее жестком, чем сталинский, режиме Хрущева, правившего страной в конце 50-х — начале 60-х. Королев, с его фантастической целеустремленностью, организовал своего рода «сеть влияния» — намного более разветвленную и сложную, чем могли бы создать его соперники по аэрокосмической области. К 1956 году он утвердился в качестве руководителя своей собственной промышленной империи, столицей которой стал секретный завод в Калининграде, к северо-востоку от Москвы, скромно именовавшийся Опытно-конструкторским бюро № 1 (ОКБ-1). Королев являлся здесь самодержавным властителем, хотя на кремлевском уровне он и был подотчетен Министерству обороны

под руководством маршала Устинова, а также организации с туманным названием — Министерство общего машиностроения. (В данном контексте «общее» — эвфемизм для обозначения ракет и спутников.)

В 1961 году московская журналистка Ольга Апенченко описывала впечатление, которое производил Королев на окружающих, когда он стремительно шагал по коридорам и цехам ОКБ-1, хотя она старательно избегает называть его фамилию и сам завод. Согласно установленным правилам, она именует его Главным Конструктором, и больше никак:

> Массивный, тяжеловесный, довольно мрачный и суровый человек, Главный Конструктор этого космического корабля предпочитал не раскрываться окружающим. Вокруг меня всегда слышался негромкий оживленный шум, как только он появлялся, — везде, в комнате или в производственном помещении. Трудно сказать, что выражал этот шепоток: восторженный трепет, уважение или то и другое вместе. Едва он входил в цех, всё непонятным образом менялось. Движения лаборантов становились слаженнее и точнее; казалось, даже гудение машин приобретает иные обертона, мощные и ритмичные, словно энергия этого человека ускоряла вращение валов и шестеренок 3.

Юрий Мозжорин, один из главных специалистов по траекториям наведения, говорит, что это был «великий человек, необыкновенная личность. С ним можно было беседовать и о простом, и о сложном. Можно бы подумать, что тюрьма сломила его дух, но нет, совсем наоборот: когда я впервые с ним познакомился, в Германии, где мы исследовали „Фау-2“, он был настоящий король, человек целеустремленный и с сильной волей, твердо знавший, чего он хочет. Между прочим, он был очень строгий и требовательный, он мог тебя обругать, но никогда не оскорблял. Он всегда тебя выслушивал. На самом деле его все любили».

Почти все… Валентин Глушко, столь же целеустремленный, как и Королев, работал в собственном конструкторском бюро. Пока его двигатели подходили для ракет Королева, эти двое избегали открытых столкновений, но два гиганта советского ракетостроения не могли ужиться друг с другом. Несомненно, напряженность между ними зародилась еще летом 1938 года, когда Глушко почему-то приговорили всего лишь к восьми месяцам «домашнего ареста», а Королева отправили в лагерь. Возможно, Глушко предал большинство своих коллег, тогда как

Королев хранил столь дорого ему обошедшееся молчание. Еще одним его соперником явился Михаил Янгель, разрабатывавший в своем днепропетровском конструкторском бюро реактивные ракеты, предназначенные исключительно для военных целей. Четвертой крупной фигурой советского ракетостроения стал Владимир Челомей, у которого хватило благоразумия взять к себе инженером Сергея, сына Хрущева.

До сих пор самая серьезная угроза автономии Королева и его ОКБ-1 исходила от высших кремлевских и околокремлевских чинов и от Министерства обороны: те и другие беспокоились, что его космические проекты тормозят развитие необходимых систем вооружений. И тогда он перехитрил их, создав ракету-носитель двойного назначения, а затем доказал, что пилотируемый космический корабль его конструкции можно переделать в беспилотный спутник-шпион. Выполняя ответственные военные задачи вместе с теми, что интересовали его лично, он обошел Янгеля и Челомея и сохранил жесткий контроль над большинством космических программ СССР до самой своей смерти — до 1966 года. Его гениальность заключалась в стандартизации многих важнейших узлов космического корабля, так что ошеломляющую череду пилотируемых и беспилотных аппаратов удавалось собирать на базе сходных компонентов. До этого не сумел дойти ни один из инженеров НАСА.

Американский историк космоса Энди Олдрин (сын Базза Олдрина, астронавта «Аполлона-11»), разъясняет тонкую тактику Королева: «Те, кто руководил военными ракетными программами, находились рядом с ним еще с войны. Во многом именно ему они были обязаны карьерой, так что не хотели открыто противостоять ему. Кроме того, военные толком не понимали его технологий и втайне ему просто доверялись. Поэтому когда Королев заявил: „Со спутниками-шпионами пока ничего не получится, сначала надо [заложить основу и] разработать пилотируемые аппараты“, у них по большому счету не было выбора, им оставалось принять его слова на веру. Можно сказать, он их надул… Он отлично понимал, как надо обращаться с советскими властями».

Одним из самых могущественных союзников Королева стал академик Мстислав Келдыш, неутомимо продвигавший новые космические экспедиции и орбитальные научные эксперименты. Этот специалист по математическому обсчету ракетных траекторий создал собственную базу в Москве, основой которой стал его специально построенный вычислительный центр. Подобно Королеву он обладал незаменимым опытом политической игры. Пока Королев строил ракеты, Келдыш разрабатывал маршруты их будущих полетов.

Больше всего Королева раздражало то, что при космических запусках он по-прежнему был вынужден полагаться на не очень-то умное сотрудничество Советской армии, поскольку его работа с ракетами была тесно связана с военными сферами. Он мог повернуть армейское оборудование на выполнение собственных целей, но не мог сделать так, чтобы ревнивые генералы вдруг исчезли. Впрочем, если ему кто-то мешал, он, как правило, не боялся поставить этого человека на место, обращаясь с ним как с младшим по званию. Олег Ивановский, ведущий инженер королёвского КБ, вспоминает: «Однажды какой-то очень высокий чин отказался на время космического полета предоставить доступ к важному каналу радиосвязи. Королев, говоря с ним по обычной телефонной линии, закричал: „Работать не умеешь! Давай-ка мне канал, а то в сержанты разжалую!“ Мы поразились, как грубо он разговаривает с вышестоящими».

Первый секретарь КПСС Никита Хрущев и его коллеги по Политбюро активно поддерживали Королева, когда их это устраивало, хотя власти не особенно интересовались подробностями устройства космической аппаратуры. В ракетных технологиях их больше восхищал внешний блеск и потенциальное политическое значение, а не детали механизмов. Когда в 1955 году начала разворачиваться первая ракетная программа Королева, Главный Конструктор попросил ведущих членов Политбюро проинспектировать его работу. Хрущев пишет в своих мемуарах:

> Устинов доложил мне, что конструктор Королев приглашает посмотреть на его баллистическую ракету. Мы решили поехать туда почти всем составом Президиума ЦК партии. На заводе нам показали эту ракету. Честно говоря, руководство страны смотрело тогда на нее как баран на новые ворота. В нашем сознании еще не сложилось понимание того, что вот эта сигарообразная огромная труба может куда-то полететь и кого-то поразить взрывным ударом. Королев нам объяснил, как она летает, чего может достичь. А мы ходили вокруг нее, как крестьяне на базаре при покупке ситца: щупали, дергали на крепость 4.

Сергей Белоцерковский, коллега Королева, отвечавший за научные исследования, проводимые космонавтами, так формулирует позицию Политбюро по вопросам космоса: «Отношение властей к Королеву было потребительским. Пока он оставался незаменимым, пока он был им нужен для разработки ракет, щита, прикрывающего Родину, ему позволяли делать все,

что необходимо, но работы, связанные с пилотируемыми космическими полетами, приходилось вести под прикрытием военных разработок. Штука в том, что Королев запускал своих космонавтов на тех же самых ракетах-носителях».

Его основной «рабочей лошадкой» служила реактивная космическая ракета-носитель двойного назначения Р-7 — «семерка», как ее ласково называли те, кто ее создавал и на ней летал. Топливом для Р-7 служила смесь жидкого кислорода и керосина; у «семерки» имелось четыре отделяемых боковых блока-ускорителя, и она стала первой в мире действующей межконтинентальной баллистической ракетой (МКБР). Каждый блок («ступень») аппарата содержал в себе четырехкамерный двигатель Глушко. Следует признать, что двигатели Глушко были великолепными — собственно, их до сих пор применяют в усовершенствованных ракетах, сделанных на базе Р-7 и доставляющих современные аппараты «Союз» к орбитальной станции «Мир»[7]. Новаторство Глушко заключалось в создании компактных топливных насосов и системы труб для обслуживания четырех камер сгорания одновременно. Поэтому суммарную реактивную тягу двадцати отдельных двигателей на Р-7 обеспечивают всего пять таких устройств.

Первые два запуска Р-7 прошли неудачно, однако 3 августа 1957 года эти ракеты успешно пролетели по траектории, рассчитанной для МКБР, а всего через два месяца начали свою карьеру в качестве космических ракет-носителей — 4 октября выведя на орбиту первый в мире искусственный спутник.

Энди Олдрин с восхищением говорит о том, как быстро Королев сумел прийти к своим невероятным космическим победам. «Он вместе с компанией ракетчиков после запуска первого спутника пытался удрать в отпуск, но они отдохнули всего два дня, когда Королеву позвонил Хрущев: „Товарищ Королев, приезжай в Кремль, ты нам нужен“. Конечно же он туда отправился и сел рядом с советскими лидерами, и они ему сказали: „Через месяц — сороковая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Мы хотим, чтобы в честь такого знаменательного события вы запустили еще один спутник“. Они предложили: пусть спутник передает из космоса „Интернационал“, но у Королева возникла другая мысль. Он решил отправить в космос животное, чтобы заложить основу для предстоящего пилотируемого полета. И действительно, всего через месяц он вместе со своими ребятами завершил создание нового космического аппарата и запустил его».

«Спутник-2» взлетел 3 ноября, с собакой Лайкой на борту. Это событие прямо указывало на то, в каком направлении

развивается советская космическая программа. «Американцев поразил первый русский спутник, а теперь еще и Лайка. Выяснилось, что темная, непонятная, отсталая страна на другом краю света вдруг резко вырвалась вперед и опередила США».

31 января 1958 года американцы с помощью собственной небольшой ракеты наконец запустили свой первый спутник — «Эксплорер-1». Хрущев презрительно именовал его «грейпфрутом», так как он весил всего 14 кг (вес «Спутника-1» — 80 кг, а «Спутника-2» — 500 кг). Впрочем, «Эксплорер-1» тут же совершил одно из важнейших научных открытий XX столетия: несложная аппаратура Джеймса ван Аллена обнаружила существование радиационных поясов Земли5.

Когда осенью 1959 года дело дошло до отбора людей для пилотируемых космических полетов, Королев рассмотрел личные дела всех наиболее перспективных кандидатов и 18 июня 1960 года вызвал двадцать самых выдающихся пилотов в калининградское ОКБ-1, чтобы они увидели настоящий космический корабль. (До этого его узлы и компоненты еще не были собраны.) Алексей Леонов вспоминал, как, знакомясь с ними, Главный Конструктор произнес небольшую речь, призванную снять напряжение, овладевшее космонавтами: «Он сказал: „В сущности, мы делаем самую простую вещь на свете. Мы что-то изобретаем, находим подходящих людей для того, чтобы это построить, даем многочисленные заказы на компоненты по всей стране — самым лучшим заводам, с самым большим опытом. А когда они наконец доставляют то, что мы просили, нам остается только собрать все эти узлы вместе. Не так уж это сложно“. Однако мы, конечно, понимали, что для постройки космического корабля этого недостаточно». Но космонавтов тронули сердечность и дружелюбие Королева. Он называл их «мои орлята».

По словам Леонова, в тот день в кабинете Главного Конструктора Юрий Гагарин произвел хорошее впечатление: он внимательно слушал, задавал дельные вопросы о космосе и ракетах. В этой официальной полувоенной обстановке (молодых новобранцев впервые представляют командиру) любознательность Гагарина можно было легко счесть проявлением дерзости, но Главному Конструктору было приятно, что будущие космонавты способны задать прямой вопрос. Леонов вспоминает: «Он велел Юре встать и произнес: „Расскажи-ка мне, орленок, о своей жизни и родных“. Казалось, на десять-двадцать минут он забыл об остальных, обо всех нас. Думаю, Юра ему сразу же приглянулся».

Германа Титова, человека слегка надменного, не испугала репутация Главного Конструктора и его авторитарные замашки. «Что я тогда знал, зеленый лейтенантик с храбрющими глазами и почти без единой разумной мысли в голове», — покаянно признаётся он. В последующие месяцы и годы его отношения с Королевым так и не приобрели настоящей теплоты. «Видимо, двум львам тесно в одной клетке. Я не хочу сказать, что был львом под стать Королеву, но у нас действительно сложились непростые отношения».

Фаворитами Главного Конструктора стали Юрий Гагарин и Алексей Леонов, хотя Королев опекал и защищал всех космонавтов, которые летали на его ракетах и свято верили в их надежность.

После этого первого знакомства Королев отвел космонавтов в самое сердце ОКБ-1. Они проследовали в главный сборочный цех. Королев и Олег Ивановский, один из ведущих космических конструкторов, стали объяснять пилотам, что они видят перед собой, но по-настоящему понять это оказалось нелегко. Там аккуратным рядком стояла дюжина космических аппаратов, по возрастанию степени готовности: на одном конце шеренги — голая оболочка, на другом — почти полностью собранный корабль. На архивных кадрах запечатлена эта необыкновенная сцена. Каждый корабль состоял из серебристой сферы, расположенной на верхушке конического основания, покрытого проводами и трубами, а внизу имелся еще один конус, обращенный вершиной вниз и окруженный металлическими лопастями с тонкими бороздками. Этот двойной конус представлял собой отделяемый модуль с аппаратурой, а лопасти в нижней части служили радиаторами. Большие сферы (их называли шарами) служили кабинами для пилотов6. У этих машин, сделанных без учета аэродинамики, не было рулевых поверхностей и с виду — никаких средств реактивного перемещения; у них даже не было нормального оборудования для приземления. Они не могли стоять на полу, и их приходилось ставить в металлические фермы, чтобы они располагались вертикально, — как шаткие дома, которые поддерживают лесами. «Мы не могли это в себя вместить, — рассказывает Титов. — Совершенно невообразимая штука — шар без крыльев, вообще без всего. Летчику такое понять трудно. Конечно, мы, пилоты, никогда раньше ни с чем подобным не сталкивались».

Это были космические капсулы «Восток».

Целые пучки электрических проводов шли от тестирующих устройств и заводских кабелепроводов, змеились по полу, вылезали из стен, свешивались с потолка. Каждый из них,

подобно хищному корню, проникал в тело столь лелеемых людьми космических машин, тестировал, анализировал, питал их энергией или отключал их от нее, по мере того как инженеры в белых халатах проводили свои бесконечные испытания. Завод походил на джунгли, где всем правят гигантские серебристые жуки.

Олег Ивановский, имевший репутацию неутомимого оратора, посвятил космонавтов в удивительные подробности, касавшиеся узлов корабля. «Кое-что они из меня вытянули». При этом он изучал лица двадцати будущих космонавтов, смотревших на него. Двадцать молодых людей, двадцать имен, двадцать незнакомцев. Разумеется, Королев их уже знал, но Ивановский до этого никогда с ними не встречался. «Они с любопытством глазели на наши аппараты, словно в первый раз увидели какие-то космические технологии. Я знал, что все они летчики и авиация им знакома, но надо честно признать: кто из них мог бы уже успеть привыкнуть к этой новой машине?»

Королев оборвал лекцию Ивановского и разъяснил полетные характеристики «Востока» языком, который легче было понять пилотам, прошедшим подготовку на МиГах. Однако он предупредил слушателей:

— Вам еще многому предстоит научиться. В один день всего не расскажешь. Мы создадим специальные классы, чтобы вам подробно изучить всю систему. Будете ходить на лекции, а потом устроим вам экзамены.

Один из них, славный парень с неотразимой улыбкой, спросил Королева:

— Сергей Павлович, а оценки будете ставить?

— Да, и мы вас выгоним! — рявкнул на него Королев. — Прекратить улыбки! Чему вы там улыбаетесь, Юрий Алексеевич?

Королев изучающе смотрел на парня, следя за его реакцией: вероятно, Главный Конструктор намеренно пытался разрушить то настроение, которое перед этим создал у себя в кабинете. Гагарин постарался изобразить на лице серьезность, но при этом вовсе не испугался. Он сохранил полнейшее спокойствие, а Королев, по всей видимости, как раз и добивался такого отклика. Ивановский знал это по собственному опыту: всего несколько недель назад Королев в ярости уволил его. Он часто устраивал такие внезапные увольнения, а на другое утро восстанавливал человека в должности. Так он выпускал пар. В тот раз он орал на весь сборочный цех: «Ты больше у меня не работаешь! Запишу тебе выговор в личное дело». Ивановский прокричал в ответ: «Это невозможно, вы меня только что уволили! Я у вас и так больше не

работаю». Королев снова начал кричать на него, но скоро инцидент забылся. Главный Конструктор восхищался людьми, которые способны были устоять перед ним, которые играли в открытую и не скрывали серьезных проблем лишь для того, чтобы сохранить за собой место. После этого случая у Королева сложились очень доверительные отношения с Ивановским. А теперь этот самоуверенный мальчишка из Смоленской области…

Вдруг Королев предложил космонавтам поближе познакомиться с одним из «Востоков» — моделью, которую использовали при наземных испытаниях, но на которой стоял почти полный набор оборудования для настоящего космического полета, в том числе катапультное кресло и приборные панели. Алексей Леонов вспоминает, как Королев велел им разуться (чтобы не нарушать чистоту корабля), подняться по лесенке и залезть в открытый люк шара. Без малейших колебаний Гагарин выступил вперед. «Разрешите, Сергей Павлович?» Он скинул ботинки и вскарабкался наверх.

Что касается эпизода с ботинками, то один из членов первого отряда космонавтов, Валерий Быковский, утверждает, что Гагарина вовсе не просили их снять. Собственно, пилоту не обязательно стаскивать обувь перед тем, как он усядется в кабину нового МиГа, так зачем же делать это сейчас? «Так вот разуваются, входя в дом, в русских деревнях», — подумалось Быковскому7. С этой минуты он был уверен, что первым в космосе станет именно Гагарин.

А Гагарин не обращал внимания на товарищей: его полностью захватила кабина космического аппарата. Внутри она была выстлана легкой резиновой пеной коричневатого цвета. Эта подкладка скрывала подлинное нутро корабля — бесконечную сеть труб и системы распределения электроэнергии. Лишь через несколько недель космонавтам предстояло познакомиться с этими тайнами, сейчас окутанными для них мраком неизвестности. Пока же Гагарин, проведя беглый осмотр, мог увидеть лишь то, что больше всего бросалось в глаза. Вероятно, он обнаружил, что отсек гораздо менее загроможден, чем кабина его МиГа. Циферблатов и приборов здесь оказалось явно меньше. Основную часть пространства занимало катапультное кресло, на котором он сейчас развалился. Оно казалось успокаивающе-знакомым, только здесь он лежал на спине, а не сидел выпрямившись, как в самолете. На стене, прямо напротив лица, располагался простенький пульт с немногочисленными тумблерами, несколькими индикаторами, хронометром и маленьким глобусом Земли. Неискушенному человеку он мог показаться просто детской обучающей игрушкой, но в

последующие месяцы Гагарин и его коллеги узнали о спрятанных внутри корабля гироскопах и акселерометрах, передающих данные на этот шарик, благодаря чему тот вращался в точном соответствии с положением «Востока» на орбите, говоря пилоту, в каком месте над Землей находится корабль. Другие индикаторы на приборной панели отсчитывали число витков вокруг планеты и показывали внутренние параметры: температуру, давление, содержание углекислого газа и кислорода, уровни радиации. Космонавтам предстояло узнать, что не все из этих устройств предназначены непосредственно для них самих. Им следовало с заданными интервалами снимать показания приборов и по радиоканалу сообщать результаты всевозможных замеров на Землю, где уже другие решат, что означают эти показания и как распорядиться кораблем.

Слева Гагарин, вероятно, увидел еще одну небольшую панель, на которой имелось четыре ряда тумблеров. По словам Леонова, он поиграл ими и сразу понял, что сумеет дотянуться до них лишь правой рукой. «Естественное» расположение кресла, свойственное кабине самолета, здесь не применялось, хотя его опущенная правая рука удобно легла на маленький рычаг, который для каждого пилота «Востока» служил, по сути, ближайшим аналогом рычага управления истребителем. Справа, повыше, располагался радиоприемник, совмещенный с радиопередатчиком. Оставалось лишь еще одно устройство — ящик для продуктов. До него было легко дотянуться и правой, и левой рукой.

Внизу, под ногами, чуть впереди, Гагарин мог увидеть круглый иллюминатор с мелкими калибровочными делениями-рисками — «Взор», оптическое устройство для ориентации корабля в пространстве, состоящее из линз и зеркал. При наблюдении через «Взор» кривизна земного горизонта казалась сильно увеличенной. Когда «Восток» находился под определенным углом по отношению к Земле, пилот мог наблюдать по всему внешнему краю «Взора» сверкающее кольцо горизонта — признак того, что аппарат занял правильное положение для возврата в атмосферу (с поджигом реактивного двигателя). Устройство чем-то походило на кривое зеркало из парка аттракционов: изобретательные инженеры за неимением лучшего оборудования сделали из него прецизионный инструмент космической навигации.

Убранство кабины этого опытного образца «Востока» все же несколько отличалось от того, что Гагарин увидит, отправившись в полет на реальном космическом аппарате. Со временем он встретится с новым оборудованием — например с докучной

телекамерой, наставленной ему прямо в лицо, или с яркой лампой, бьющей прямо в глаза, чтобы врачи могли фиксировать выражение его лица. На левой же панели расположится клавиатура с цифрами — два ряда по три цифры в каждом, всего шесть. Ее назначение не сразу стало понятно — как ему, так и кому-либо из его товарищей, забиравшихся в кабину после него.

Через несколько минут его позвали наружу. В кабину стали по очереди залезать другие космонавты, а Королев с Ивановским, просунувшись в люк, показывали им элементы управления.

Потом, выходя из сборочного цеха, космонавты оживленно обсуждали «Восток», гадая, кто первым на нем полетит. Алексей Леонов вспоминал, как приобнял Гагарина и заметил: «Сегодня для тебя очень важный день. По-моему, выбор пал на тебя». Некоторые члены отряда поддакнули. Гагарин успел произвести впечатление, впервые поднявшись на борт космического корабля.

А между тем Валя начинала понимать, какие тяготы приходится переносить жене космонавта. В 1978 году она рассказывала журналисту Ярославу Голованову: «Юра приходил домой поздно, часто уезжал в командировки. О своих делах он не очень-то распространялся, а если я проявляла женское любопытство, отшучивался… Наверное, он просто не имел права рассказывать о ней (о работе) в семье…» Она признавалась: «Временами мне казалось, что служебные дела в Звездном всё больше и больше отнимают у меня Юрия. Я старалась делать вид, что не замечаю этого. И все же странная тревога порою овладевала мной…»8

Однажды во второй половине 1960 года Гагарин привел домой нескольких своих приятелей-космонавтов, и Валя, вернувшись из больницы в Звездном городке, где она работала, услышала, как они шепчутся: «Теперь уже скоро… Пойдет, наверное, Юра. А может, Гера или кто другой…»

Глава 4
Подготовка

Когда Королев с коллегами привезли в СССР из Германии трофейные «Фау-2», для их запуска был построен небольшой полигон в 180 километрах к востоку от Волгограда (Сталинграда), близ городка Капустин Яр. В январе 1957 года началась работа на гораздо более крупной базе в Плесецке, на Северном полярном круге: трансполярные маршруты представляли собой кратчайший с баллистической точки зрения путь к Северной Америке. Плесецк стал основной базой советских межконтинентальных баллистических ракет, хотя «брешь в ракетной обороне США», о которой Джон Кеннеди с таким успехом вещал во время своей избирательной кампании 1960 года, в общем-то оказалась мифом. Кеннеди нарисовал устрашающую картину несметного количества советских ракет, нацеленных на США, и настаивал на разработке методов адекватного противодействия. Но в то время в Плесецке могли одновременно располагаться не больше четырех королёвских Р-7, и вряд ли их сумели бы запустить в одну и ту же секунду. В любом случае ракетный баланс тогда был в пользу Америки.

Самый знаменитый советский космодром построили как можно ближе к экватору, чтобы вращение Земли с запада на восток давало тяжелым ракетам при взлете дополнительную энергию. 31 мая 1955 года главный инженер Владимир Бармин вместе со своими сотрудниками подцепил лопатой первый ком земли в одном из самых заброшенных уголков планеты — в бескрайней, совершенно плоской, голой степи посреди Казахстана. Новый комплекс выстроили вокруг старого поселка Тюратам, который казахи-кочевники назвали по месту погребения Тюры, любимого сына Чингисхана. По другой версии, название переводится как «Могила стрелы», что сочли неподходящим для космодрома, с которого будут запускать ракеты. Советские власти отвергли старый топоним и нарекли это место «Байконур»: городок с таким названием находился в 370 километрах к северо-востоку от будущего космодрома. Эта уловка призвана была запутать западные разведки, чтобы они не смогли установить точное месторасположение базы, но те узнали правду, как только с Байконура после двух неудач была 3 августа 1957 года успешно запущена первая испытательная межконтинентальная Р-7: ее засекли радарные станции в Турции. Рядом с ракетной базой заложили город Ленинск, где планировалось поселить сто тысяч

советских специалистов и тридцать тысяч солдат охраны.

С октября по март все здесь занесено толстым слоем снега, часто случаются бураны. Лишь в апреле эти края становятся более или менее пригодными для жизни: снег тает, и на две-три недели степь покрывается пышным цветочным ковром. А когда цветы увядают и испаряются последние капли воды из жалких лужиц, начинают плодиться комары. В течение долгого лета почва приобретает твердость камня, жара безжалостна, песчаные бури постоянно угрожают и людям, и механизмам.

Инженеров, работавших над строительством комплекса в 1955 году, на первый взгляд можно было принять за политзаключенных. Они жили в палатках, где страдали то от мороза, то от зноя и духоты, к тому же у них было весьма неподходящее оборудование: начинать работу пришлось лопатами и заступами. Первой задачей стала прокладка железнодорожной ветки, состоявшей из трех участков и отходившей от железной дороги Москва — Ташкент (которая, в свою очередь, была проложена по древнему караванному пути). НАС А снабжало свой флоридский космодром с помощью нескончаемого потока грузовых самолетов, барж, вертолетов и шестнадцатиколесных тягачей, кативших по гладким автострадам, а Советы отправились в космос на поезде. Лишь когда завершилась прокладка путей, ведущих в глубь степи, на Байконур смогли доставить современную строительную технику1.

За два года строители соорудили аэропорт, гигантский ангар, где ракеты можно было собирать и тестировать под крышей, бункеры для наблюдения и управления, а также опорную платформу и защитные траншеи для возведения первой стартовой башни. 250-метровая платформа, установленная на бетонных колоннах высотой и размером с многоэтажный дом, нависала над укрепленным склоном старой шахты словно гигантский балкон. Ракеты устанавливали на фермах-опорах, причем сопла их двигателей были направлены вертикально вниз, в квадратное отверстие в платформе, чтобы в первые моменты после поджига раскаленные продукты сгорания, выстреливая через отверстие, попадали на склон и не наносили вреда самой стартовой площадке.

Вскоре появились и другие стартовые площадки, и в следующие десять лет самые разнообразные сооружения раскинулись по степи на сотни квадратных километров. До 1973 года ни один иностранец не видел Байконура — разве что как смутную мешанину треугольничков, непонятных линий и теней на разведывательной аэрофотосъемке, которую с большим риском проводили шпионские самолеты, базировавшиеся в Турции. 1 мая

1960 года произошел один из самых больших конфузов в истории американской воздушной разведки: над Уралом сбили самолет U-2. Его задачей было пролететь над Байконуром и сфотографировать стартовые площадки. Пилота Гэри Пауэрса захватили в плен, и он, к великой радости Хрущева, предстал перед судом в Москве. Тогдашний президент США Дуайт Эйзенхауэр, которому оставалось пребывать у власти всего несколько месяцев, тщетно пытался протестовать, заявляя о неспровоцированном нападении на «американский метеорологический аппарат, летевший с базы в Турции», который «по недосмотру сбился с курса»2. Эйзенхауэр тут же запретил дальнейшие полеты самолетов U-2 над советской территорией.

В результате этой унизительной истории родилась одна из самых дорогостоящих, секретных и технологически сложных космических программ — американский проект по разработке спутников-шпионов. Руководили им главным образом ЦРУ и Министерство обороны. Эти проекты прозвали «черными», потому что о них мало что знали, хотя их бюджет едва ли не превосходил средства, отпущенные для НАСА на более «видимые» проекты исследования космоса3.

Первые байконурские стартовые площадки для Р-7 — больше ни для кого не секрет. Они действуют и по сей день.

На металлических пусковых башнях краской нарисованы звезды, обозначающие число запусков: каждая звезда соответствует пятидесяти стартам. Одна из башен украшена шестью звездами… Отсюда отправилась первая в мире пилотируемая космическая экспедиция. Сегодня с космодрома взлетают корабли «Союз», доставляющие космонавтов на борт станции «Мир».

Современное байконурское «досье запусков» выглядит безупречно, однако первые годы существования комплекса омрачены неудачами. В частности, шесть месяцев, предшествовавших первому пилотируемому полету «Востока», вместили в себя массу чрезвычайно обескураживающих событий. 10 октября 1960 года королёвский зонд «Марс-1» поднялся на жалкие 120 километров, а потом свалился на землю, точно подмокшая петарда. Базовые блоки двигателя Р-7 включились как планировалось, но верхняя межпланетная ступень, разработанная слишком поспешно, не сумела вытолкнуть аппарат за пределы действия земного притяжения. Спустя четыре дня точно так же упал и второй зонд. В то время Хрущев находился на сессии ООН. Ему не терпелось похвалиться проектом «Марс», но сделать это не удалось. Срочная шифрованная телеграмма из Москвы очень расстроила советского лидера.

В середине октября на Байконуре уже возвышалась новая опытная модель для запуска — Р-16, одна из военных машин Михаила Янгеля, призванная заменить королёвскую Р-7, которая оказалась чересчур своенравной для космических исследований, не говоря уж о том, чтобы служить стратегической ракетой. Если Советский Союз хотел когда-нибудь создать действительно надежную движущую силу для своих МКБР, ему следовало найти ракету, которую можно быстрее подготовить к запуску. Р-7 была сравнительно неплоха, однако на ее заправку и предстартовую подготовку уходило не меньше пяти часов. Проблемой стал жидкий кислород — очень эффективное топливо, сгоравшее внутри двигателя, но его нельзя было заготавливать задолго до полета: уже через несколько часов оно нагревалось и из жидкости превращалось в газ. Давление в баках доходило до критической точки, и содержимое могло взорваться, поэтому скапливавшийся газ следовало отводить, замещая его свежими порциями высокоохлажденной жидкости. Чем дольше Р-7 стояла на площадке, тем больше это прожорливое создание нуждалось в новой пище. Ракету Р-16 разработали с целью существенно снизить время предстартовой подготовки, в полном соответствии с потребностью частей быстрого реагирования. Новинку можно было заправить и при необходимости выдерживать несколько дней или даже недель без потери окислителя, так как Янгель отказался от высокоохлажденного жидкого кислорода и керосина, предпочтя им азотную кислоту и гидразин. Эти химикаты долгое время хранятся в ракете при нормальном давлении и температуре без необходимости вентиляции и без риска утечки. Р-16 нужно было поставить на постоянное дежурство в стартовой шахте, откуда она могла нанести удар по американцам практически сразу же после того, как будет отдана такая команда. Единственным затруднением оказалось то, что эти «топлива долговременного хранения» на самом деле хранились плохо. Они обладали колоссальной коррозионностью и поэтому делали как раз то, чего не должны были делать: совершали утечки.

Октябрьские неудачи с зондами «Марс» охладили пыл Хрущева, но он по-прежнему был полон решимости поразить своих зарубежных коллег на сессии ООН и в своих публичных выступлениях сосредоточился на военном превосходстве СССР. «Мы делаем ракеты, как сосиски на конвейере!» — гордо восклицал он. Вернувшись в Москву, он потребовал, чтобы маршал Митрофан Неделин, главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения, подготовил какую-нибудь зримую демонстрацию советской военной мощи. Хрущев больше не хотел мокрых петард. Неделин тут же полетел на Байконур,

чтобы 23 октября лично проконтролировать первый запуск янгелевской Р-16.

С наступлением часа «Ч» из основания ракеты начала сочиться азотная кислота. Как поступает начальник космодрома, если полностью заправленная ракета дает течь? Он осторожно сливает топливо и прокачивает через баки негорючий газ азот, чтобы избавиться от остаточных паров. На следующий день он посылает одного-двух механиков посмелее, в тяжелых пожарных костюмах, чтобы они «почистили» ракету для последующего спуска и проверки. А Неделин тут же отправил на площадку десятки людей из наземной службы, чтобы те, если возможно, подтянули какие-нибудь вентили, устранили утечку и побыстрее подняли Р-16 в небо. Указания Неделина были настолько безумными, что сотрудники космодрома пришли в растерянность: они попросту не знали, как их выполнить. В бункере запуска следовало бы остановить программу на всех автоматических системах управления и отключить их, чтобы они больше не подавали ракете сигналов поджига двигателей. Неделин приказал, чтобы программы поджига пересмотрели и отложили, но не отменили. Каким-то образом на верхнюю (вторую) ступень Р-16 была подана неверная команда. Произошел запуск двигателя, и огненная струя тут же прожгла верхушку следующей (первой) ступени, которая и взорвалась, мгновенно уничтожив всех, кто находился рядом, у пусковой башни. Верхнюю ступень уже ничто не поддерживало, и она обрушилась на землю, извергая топливо и пламя. Новенькие гудронированные площадки и подъездные пути вокруг башни расплавились от жара, а потом вспыхнули. Сотрудники наземных служб кинулись врассыпную, спасая жизнь, но оказались в ловушке, попав в вязкий расплавленный гудрон, горевший вокруг. Пламя распространилось на километры, волна огня сметала все на своем пути. Погибло более 190 человек, в том числе и Неделин, восседавший на стуле у пусковой башни, — его поглотила стена пылающих химикатов4.

Тридцать лет на Западе почти ничего об этом не знали, хотя из многочисленных разведдонесений было очевидно: что-то пошло не так. В частности, американский спутник-шпион «Дискаверер» накануне фотографировал Байконур, и в ЦРУ с интересом отметили подготовку новой ракеты. 24 октября «Дискаверер» снова пролетел над этим местом по своей заранее намеченной орбите, но не зафиксировал ни пусковой башни, ни ракеты, лишь огромное черное облако дыма, портящее пейзаж. Ракета взорвалась, ну и что? Американские ракеты тоже время от времени взрывались. Видимо, просто выпал неудачный денек.

Масштабы катастрофы выявились не сразу, поскольку все новости о ней были засекречены. В конце концов население Советского Союза узнало печальную весть: маршал Неделин и несколько других руководителей ракетных войск погибли «в авиакатастрофе». Конечно, отсутствие множества знакомых лиц скоро заметили тысячи космических работников за пределами Байконура, но подобные тяжелые и неудобные вопросы допускалось обсуждать лишь частным образом. О внезапном исчезновении десятков молодых военных техников из команды Янгеля, большинству из которых было от девятнадцати до двадцати одного года, в то время не узнал почти никто. Известили только матерей погибших.

Гагарину и его товарищам-космонавтам сообщили, что взорвалась опытная ракета (не «семерка» Сергея Павловича, а другая) и что несколько техников получили ранения. Несомненно, они понимали истинное положение вещей, однако в те дни космонавты, запертые в тренировочных залах Звездного городка, были вдалеке от главных ужасов. Собственно, взрыв лишь ненадолго отсрочил подготовку «Востока». Выжившие после трагедии сотрудники байконурских наземных служб были в состоянии продолжать работу. Стартовые площадки, трубопроводы для топлива и бункеры, предназначенные для обеспечения пилотируемого полета, уцелели, а трагический запуск Р-16 унес жизни лишь немногих из самых ценных техников Королева.

А потом, меньше чем за три недели до первого пилотируемого полета, погиб один из космонавтов. Валентин Бондаренко, веселый двадцатичетырехлетний парень, был любимцем отряда. Когда пришла его очередь лезть в изолированную камеру, он отлично выполнил задание. Чтобы проверить его реакции, ему назначили весьма долгий срок пребывания — пятнадцать дней. 23 марта он готовился к выходу из камеры. Отрабатывался «высотный» режим. Воздух в камере следовало доводить до нормального давления очень медленно, иначе Бондаренко грозила «кессонная болезнь». Оставалось еще полчаса, прежде чем лаборанты могли бы выровнять давление и открыть люк. Бондаренко вытянулся, вылез из верхней шерстяной одежды, покалывавшей кожу, и с явным облегчением сорвал с себя медицинские датчики, прикрепленные к верхней части его тела и рукам. Зудящую кожу он протер смоченной в спирте ватой. Видимо, он слишком неосторожно отбросил кусочки ваты. Один из них угодил на раскаленную электроплитку и тут же вспыхнул. В ограниченном пространстве камеры, перенасыщенной кислородом, огонь распространился почти мгновенно.

Валентина вытащили; он был весь в ожогах и испытывал страшную боль. «Я сам виноват! Простите!» — кричал он. Врачи восемь часов боролись за его жизнь, но травмы оказались слишком серьезными. Обстоятельства его гибели стали достоянием гласности лишь в 1986 году5.

Существовала лишь одна сторона космического полета, к которой подготовить космонавтов в Звездном городке было практически невозможно — невесомость. Королев и его советники вообще-то не планировали позволять своему первому пилотируемому космическому аппарату совершить больше одного витка вокруг Земли — ведь никто тогда не знал, сможет ли человек провести хотя бы один день без привычного чувства гравитации.

Поначалу невесомость представляла колоссальный психологический барьер для руководителей советской космической программы. Единственной «земной» возможностью испытать это ощущение была шахта лифта, преодолевавшего 28 этажей, — в Главном здании МГУ, одном из самых высоких строений в тогдашней Москве. Соорудили специальную клетку, которая совершала свободное падение в шахте и затем опускалась на «буфер» из сжатого воздуха.

Космонавты могли парить над полом клетки самое большее две-три секунды. Юрий Мозжорин, специалист-баллистик, работавший с Королевым, объясняет: «Это было наше первое погружение в океан неопределенности. Мы всего боялись. Вот почему Сергей Павлович выступал за постепенность. Первая космическая экспедиция с человеком на борту — один виток. Следующий полет — двадцать четыре часа. Следующий — три дня, чтобы понять, как человек это перенесет».

Американские астронавты НАСА летали по длинным параболическим траекториям на борту реактивных «Боингов-707». По идее, это были грузовые аппараты, но если убрать все сиденья и емкости для груза, в кабине появлялась масса свободного пространства. Астронавты могли парить до двух минут кряду — это более чем достаточно, чтобы разрешить мрачную тайну невесомости. Советские инженеры так и не додумались использовать подобным образом свои грузовые самолеты, по крайней мере — в начале 60-х годов. В ходе подготовки космонавты испытывали тридцать секунд «почти невесомости», извиваясь в заднем кресле истребителя МиГ-15, закладывавшего почти такую же параболическую дугу, но это было ненамного полезнее в практическом отношении, чем падать вниз в университетской шахте лифта. Титов вспоминал, что опыты на МиГе были дольно бесполезными, к тому же чересчур краткими:

едва ли ощущения сильно отличались от тех, что он испытывал во время боевых тренировок. «Когда не очень удачно выполняешь сложный маневр, иногда чувствуешь что-то похожее, и в лицо тебе летит вся грязь и пыль с пола кабины. Эти короткие ускорения — еще не совсем невесомость. [В космосе] бывает совсем иначе, там тебе иногда приходится длительное время жить в условиях невесомости». Более того, кабины МиГов были так набиты оборудованием, что в них едва ли удалось бы приличным образом парить.

Страх перед невесомостью оставался непобежденным — по крайней мере на тот момент. Провели расчеты, согласно которым тормозные двигатели «Востока» должны были включиться задолго до того, как корабль завершит первый виток вокруг планеты. Это сводило период невесомости к минимуму. Однако существовала весьма небольшая вероятность, что из-за отказа тормозных двигателей аппарат может застрять на орбите еще на несколько оборотов вокруг Земли. Энди Олдрин ярко описывает риск, которому подвергался первый космический путешественник: «Ты поднимаешься на орбиту и вертишься вокруг Земли, а потом ракета, которая тебя доставила наверх, должна опять включиться, чтобы замедлить движение корабля и доставить тебя обратно, вниз. Если она не сработает, ты будешь вечно вращаться на орбите и медленно умирать… Конструкторы Королева предложили вывести первый пилотируемый аппарат на суборбитальную, более безопасную траекторию, но он ясно дал понять, что не хочет побеждать американцев с таким небольшим отрывом. Нет, он хотел выиграть с разгромным счетом».

Запасов воздуха на «Востоке» хватило бы на десять суток (шестнадцать сферических баков ожерельем опоясывали перемычку между шаром и приборным отсеком; одни резервуары содержали азот, другие — кислород, они чередовались друг с другом). Орбиту корабля специально рассчитали так, чтобы он пролетал над самым краем внешних слоев атмосферы: тогда в случае серьезных неполадок естественное трение в атмосфере в течение нескольких суток замедлит движение аппарата. Оставалось только гадать, случится ли это до того, как у космонавта кончится воздух, вода и пища.

С помощью академика Келдыша и его московских электронно-вычислительных машин Мозжорин вычислил, что сферический спускаемый аппарат «Востока» можно безопасно ввести обратно в атмосферу в конце первого же орбитального витка, если тормозные ракеты в приборном модуле сработают нормально. Но даже при хорошем состоянии ракет существовала вероятность, что тормозящий маневр придется отложить до тех

пор, пока «Восток» не примет нужную ориентацию. Теоретически считалось, что тормозные системы можно запустить в любой момент, но не было гарантии, что они опустят капсулу в пределах территории Советского Союза.

Угол наклона орбиты «Востока» по отношению к экватору составит 65°. Каждый виток с запада на восток займет 90 минут. При этом Земля будет плавно вращаться, совершая полный оборот вокруг своей оси за 24 часа. Таким образом, при каждом обороте аппарат будет пролетать по разному маршруту — над разными участками Земли. Математика ситуации была ясна. Оптимальные условия для благополучного возвращения сложатся через час после начала первого витка или же спустя целый день — на середине семнадцатого витка. Запуск тормозных ракет на любом промежуточном витке оказался бы рискованным: аппарат мог опуститься в океан или же на иностранную территорию. В том и в другом случае возникла бы весьма щекотливая ситуация: могли бы раскрыться советские технологические тайны, а капиталисты стали бы хвастаться «спасением» космонавта, приземлившегося на территории их страны.

В конце концов решения всех этих политических проблем запечатали в три конверта и отправили в информационное агентство ТАСС. Содержавшиеся в них разнообразные документы подготовил Мозжорин — не только баллистик-картограф, но и специалист по пропаганде. Он настолько детально представлял себе, как и куда может сесть спускаемый аппарат по завершении полета, что для него было вполне естественно разработать необходимые меры на случай, если модуль все-таки приземлится за рубежами СССР. При такой незадаче ТАСС следовало вскрыть соответствующий конверт и передать в эфир содержащееся там сообщение. Мозжорину приказали подготовиться и к худшему варианту. Следовало составить максимально взвешенное заявление для прессы даже на тот случай, если капсула взорвется в космосе или в шаре произойдет утечка. Казалось, это мудрое решение — предусмотреть все вероятные исходы и заранее написать сообщения. «Мы подготовили три конверта для ТАСС, с разными заявлениями, — вспоминал Мозжорин. — Конверт номер один — на случай полного успеха. Номер два — на случай вынужденной посадки на зарубежной территории. Номер три — на случай катастрофы. Сотрудники радио и телевидения выжидали. Когда мы увидели, что космонавт достиг орбиты, и получили данные, высоту, склонение, период орбитального движения, Кремль приказал ТАСС вскрыть конверт номер один».

Документы для этого «успешного» конверта составить было

непросто. «Когда спускаемый аппарат на своих парашютах достигнет семи тысяч метров, космонавт должен катапультироваться и дальше спускаться на собственном парашюте. Мы не были уверены, включать ли этот элемент в наше сообщение».

Проблема была проста. Советы намеревались, если полет пройдет нормально, претендовать на высотный рекорд для авиации, согласно регламенту, утвержденному особым международным соглашением. Королев очень внимательно прочел эти правила и с тревогой отметил, что пилоты, стремящиеся поставить такой рекорд, обязаны оставаться внутри своего летательного аппарата вплоть до самой посадки. Если летчик выбросится до приземления машины, значит, в ходе полета возникли проблемы. А тогда — никакого рекорда. Можно было бы не катапультировать обитателя «Востока», но Королев сомневался, что человек способен без травм перенести резкое приземление спускаемого аппарата после возврата в атмосферу. Гай Северин, ведущий конструктор снаряжения для пилотов истребителей, уже разработал катапультное кресло для кабины «Востока» — на случай, если запуск Р-7 произойдет неудачно и космонавту придется срочно уходить из зоны мощного взрыва. Если ту же систему применить для выхода из корабля в конце полета, не придется беспокоиться о том, что спускаемый аппарат чересчур сильно стукнется о землю. В будущем спускаемые модули оснастят более мощными парашютами и целым набором ракет в основании, чтобы смягчить удар о землю при посадке. В дальнейшие годы верхние ступени в передней части Р-7, обладавшие большей мощностью, позволяли этой ракете нести на себе более крупные и лучше оборудованные корабли. Но пока рассчитанные соотношения «мощность — масса» не позволяют первому «Востоку» никаких роскошеств. Пока шар нельзя оснастить ракетами для мягкой посадки, и у космонавта остается единственный выход — катапультироваться.

Николай Каманин приказал спортивному комиссару Ивану Борисенко внимательно изучить правила, касающиеся регистрации рекорда высоты. Но к февралю 1961 года задачу так и не удалось решить. Было уже поздно что-либо менять. Стратегическая неправда казалась куда выгоднее, чем масштабная перестройка «Востока». В мозжоринском конверте номер один содержалось «успешное» сообщение для ТАСС, лживо утверждавшее, что космонавт приземлился не покидая корабля. «Долгое время эту легенду подкрепляли официальные документы, — говорит Мозжорин. — Только в эпоху гласности нашему народу и всему миру открыли правду». В других

конвертах, по всей видимости, излагалась совсем иная история. Так, если бы «Восток» опустился не на советской территории, применение катапультного кресла стало бы вопиюще очевидным для иностранцев. Мозжорин не помнит, какие именно формулировки он использовал, и сожалеет, что потом конверты были утрачены. «Жаль, что мы их уничтожили. Сегодня они представляли бы историческую ценность».

В этих документах для ТАСС нелегко было описывать даже самые простые детали. На подготовительном этапе казалось естественным назвать капсулу для первого пилотируемого полета в космос «Восток-1», ожидая, что за ней последуют другие; но Олег Ивановский, ведущий конструктор аппарата, вспоминает: «Если бы мы дали ему номер, тогда было бы ясно, что мы затеваем целую серию. А мы не хотели, чтобы кто-нибудь решил, что мы готовим новые полеты, вот почему „Восток“ номера не получил».

Четвертый документ, совсем иного рода, приготовили для хранения в самой капсуле «Востока». Космонавты не должны были этого знать, хотя даже в последние недели перед самым первым пилотируемым полетом в космос велись яростные споры о том, какую степень контроля можно позволить космическому пилоту во время его экспедиции. Все сосредоточилось вокруг загадочного пульта из шести клавиш на левой панели управления «Востока».

Беспилотные космические аппараты управлялись бортовыми электронными системами, по радиоканалам связанными с центром управления полетом на Земле, и это само по себе представляло нелегкую задачу. Но какие новые проблемы возникнут, если в корабль поместить человека? Врачи беспокоились, как бы космонавт-одиночка не сошел с ума, сраженный чувством духовной и психологической оторванности от товарищей, оставшихся на Земле, тогда как службы безопасности тревожились, как бы он не сбежал на Запад, при завершении полета намеренно приземлившись на территории какого-нибудь зарубежного государства. К осени 1960 года в дискуссиях об управлении наметился странный перекос. Цель состояла уже не в том, чтобы дать пилоту власть над его собственной машиной, а в том, чтобы полностью лишить его этой власти. Было решено: управление «Востоком» будет полностью автоматизированным, как у всех беспилотных аппаратов. Возможно, в нештатной ситуации космонавту позволят ненадолго взять на себя управление, правда, при одном условии — если он докажет свою вменяемость.

Инженеры разработали шестиклавишный пульт, который

отключал навигационные системы от бортовых компьютеров и позволял пилоту самому «рулить» кораблем, когда возникала необходимость в ручном управлении. Ему сообщат шифр, который следует набрать на клавиатуре, только если руководители полета, находящиеся на Земле, решат, что умственно и психически пилот готов к выполнению такой работы. С присущей ему логикой Сергей Королев разбил этот план на составляющие и задал вопросы об основных допущениях. Зачем отдавать пилоту контроль над аппаратом? Вероятно, из-за того, что отказали автоматические системы, и он вынужден перехватить управление. Но, если корабль выйдет из-под контроля и придет в незапланированное движение, радиосвязь с Землей может прерваться как раз в тот момент, когда пилоту понадобится услышать секретный шифр, задействующий ручное управление. Идея с клавиатурой казалась опаснее, чем вариант «пусть все идет как идет».

Врачи предложили компромисс: можно устроить так, чтобы пилот сумел найти код лишь в том случае, если радиосвязь прервется. Олег Ивановский, один из ведущих конструкторов «Востока», поясняет: «Они решили, что, если он дотянется до конверта, хранящегося где-то внутри кабины, вскроет его, вытащит листок бумаги и прочтет число, которое на нем напечатано, а затем наберет это число на клавиатуре, то есть произведет определенную последовательность продуманных действий, тем самым он докажет, что не сошел с ума и по-прежнему отвечает за свои поступки. Это была опасная комедия, проявление дурацкой секретности, в атмосфере которой мы в те дни существовали». План был явно обречен на провал. Понятно, что конверт следовало разместить в пределах досягаемости, не прятать там, где его слишком трудно будет найти, на случай если в нем действительно возникнет срочная и настоятельная потребность. Психически неуравновешенный космонавт мог бы вскрыть его в любой момент и взять управление кораблем в свои руки. Марк Галлай, заслуженный летчик-испытатель, был прикреплен к космической программе для того, чтобы помочь тренировать космонавтов «Востока». В интервью историку Джеймсу Харфорду он сказал: «Все испытатели считали эти тревоги глупыми. Многие пилоты летали в стратосфере ночью или в условиях густой облачности… У нас много говорили об этой клавиатуре. Мы чувствовали: вероятность, что пилот вдруг спятит, куда меньше, чем возможность отказа радиосвязи… Королеву тоже не нравилась идея с клавиатурой, но он решил согласиться, чтобы успокоить врачей… А если космонавт нажмет клавиши по ошибке? Кто его накажет?»6

Забавно: американские космические пилоты вели такую же битву, но в зеркальном отображении. Осторожные инженеры НАСА поначалу хотели установить полностью автоматизированные системы, но астронавты настаивали, чтобы им предоставили свободу управления. Они использовали громкие заявления в журнале «Life» и на телевидении, чтобы продавить это право распоряжаться собственным полетом или хотя бы добиться равного партнерства с наземными специалистами. Астронавты-индивидуалисты упорно боролись и со всевозможными космическими заводами. В конце концов они добились своей цели: многие компоненты будущего космического аппарата делались так, чтобы астронавтам было удобно ими пользоваться.

Для беспилотных испытательных полетов «Востока» не возникало необходимости готовить клавиатурные коды или тассовские конверты, да и беспокоиться о спасении людей не приходилось. Если аппарат опустится на чужой территории, его можно уничтожить с помощью дистанционного управления и десятикилограммового заряда взрывчатки. Если же не пройдет «разрушительная» команда по радио, через 64 часа после приземления бортовой таймер все равно подорвет машину. Это отучит американских ракетчиков совать нос в дела, которые их не касаются.

Собственно, первые капсулы «Восток» не нуждались в особой помощи, чтобы разрушиться. Первая опытная модель, запущенная 15 мая 1960 года, уже в космосе вышла из-под контроля, начала неуправляемое движение, а потом и вовсе исчезла. 28 июля на борт другого, модифицированного «Востока» поместили двух собак, Чайку и Лисичку. Теперь пришла очередь Р-7 разочаровать своих создателей. Вскоре после запуска ракета взорвалась, уничтожив и собак, и все остальное. В тот день будущие космонавты «Востока» посещали Байконур с первым ознакомительным визитом. Они стали свидетелями запуска корабля, созданного, судя по всему, для того, чтобы благополучно доставить их в космос. Герман Титов с мрачной иронией вспоминал: «Мы видели, как летает эта ракета. И, что еще важнее, видели, как она взрывается».

19 августа в космос отправили двух других собак — Белку и Стрелку. На сей раз, к большому облегчению Королева, Р-7 без капризов вышла на заданную высоту, и экспедиция прошла гладко. Обе собаки успешно вернулись на Землю, совершив 17 витков вокруг планеты. Хрущев пришел в восторг. Но Королев и космические врачи были тайно обеспокоены одним небольшим

инцидентом, который произошел в полете. У Белки случилось головокружение от невесомости, и ее вырвало в кабине. Означает ли это, что и людям станет дурно, когда они поднимутся в космос? Камеры, установленные на корабле, во всех подробностях зафиксировали поведение собак. Путешествие им явно не понравилось, но по возвращении они, похоже, чувствовали себя отлично.

19 сентября 1960 года Королев официально представил свой проект космического полета с человеком на борту, и Центральный комитет Коммунистической партии одобрил его. Документы подписали десять видных фигур: сам Королев, его старый сподвижник маршал Неделин (честолюбивый главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения), министр обороны маршал Устинов, недоверчивый Валентин Глушко… Если дело увенчается успехом, их ждет великая слава. Если же возникнут осложнения, эти десять человек сумеют свалить вину на других…7

Королев планировал запустить космонавта уже к концу 1960 года, но «Восток» по-прежнему отказывался ему подчиняться. 1 декабря сгорела еще одна злополучная пара собак — при возвращении спускаемый аппарат вошел в атмосферу под слишком отвесным углом. 22 декабря (запуски осуществляли в бешеном темпе) новому собачьему дуэту удалось выжить при аварийном катапультировании на специальной платформе, когда Р-7 потерял импульс на полпути к орбите. Двигатель верхней ступени не запустился, и «Восток» упал на землю.

Медики без особого сожаления подвергали собак малоприятным лабораторным экспериментам. Инженеры-ракетчики больше сочувствовали четвероногим космонавтам. Юрий Мозжорин вспоминает о рискованной спасательной операции, когда дорога была каждая секунда: опасения сотрудников космического проекта за жизнь своего питомца оказались сильнее страха перед десятикилограммовыми взрывными устройствами в опытных капсулах. «В 1960 году, примерно в марте, мы отправили собаку в часовой полет. Вдруг нам сообщили, что полет аварийно прекращен и мы больше не получим никаких данных. Мы тут же рассчитали, куда упадет капсула. Получалось — в Сибири, в районе Тунгуски, как раз там, где в 1908 году упал большой метеорит, такое уж совпадение. Все расстроились, говорили: жаль, что собака взорвется. И вдруг через антенны, которые были прикреплены к парашютным стропам, прошел сигнал. Значит, корабль уцелел».

Хорошая новость, если не считать некоторых мелких деталей. Когда на Земле поняли, что орбита аппарата сужается и он

падает, была подана «разрушительная» команда. Но ничего не произошло. Очевидно, корабль еще был цел, когда начал свой неуправляемый возврат в атмосферу, но на Землю не пришло никаких сигналов, которые подтвердили бы, что собака на своей платформе катапультировалась. Может быть, она по-прежнему томится в спускаемом шаре? И был ли активирован таймер взрыва? В таком случае собака бы с силой ударилась о землю вместе с аппаратом лишь для того, чтобы спустя 64 часа все равно взорваться! «На Байконуре десять человек тут же погрузились в Ил-14. Стоял густой туман, но они все равно полетели». В помощь им отрядили сотрудников КГБ, которых отправили в более жизнерадостные края — в Куйбышев (Самару), привезти оттуда пару свободных от дежурства саперов, любивших выпивку и девушек. «Их вытащили с какой-то вечеринки, они уже порядочно набрались. Этих ребят доставили на самолете в Сибирь, а мы отсчитывали оставшиеся минуты. Вдруг заряд рванет не через шестьдесят четыре часа, а раньше? Кто знает, как поведет себя таймер? Риск был большой».

Приземлилась капсула возле Северного полярного круга. В марте световой день в этих широтах длится не больше нескольких часов. К счастью, парашют заметили с воздуха незадолго до наступления темноты. Бомбу обезвредили, и собаку спасли.

Эта драматическая история произошла во многом из-за того, что нарушилась радиосвязь с космическим кораблем. У американцев в НАСА имелось преимущество — раскинувшаяся по всему миру сеть станций, работавших на прием радиосигналов, благодаря чему удавалось поддерживать контакт с космическими аппаратами «Меркьюри». Американцы, заключив специальные соглашения с Австралией, Нигерией, Индией, Канарскими островами и Мексикой, установили на их территории большие и мощные радиоантенны-«тарелки». Затем инженеры связи создали широкую сеть ретрансляционных башен и проложили подводные кабели, чтобы соединить эти станции с центром управления полетов на мысе Канаверал. (Знаменитый хьюстонский центр тогда еще не построили.) По сути, «Сеть слежения за „Меркьюри“»8 стала и техническим, и дипломатическим достижением, таким же впечатляющим, как сам аппарат. Она послужила основой для разработки международной системы, которая действует и по сей день. Космические аппараты НАСА всегда остаются на связи, если не считать коротких промежутков, когда их закрывает Луна или какая-то планета.

Советские специалисты не могли создать такую систему, так как зарубежные союзники страны располагались в неподходящих местах. Как только космический корабль исчезал за самым

дальним горизонтом Родины, связь с ним прекращалась. Для решения проблемы четыре грузовых судна водоизмещением в 12 тысяч тонн оснастили специальными радиомачтами и отправили бороздить океаны. Суда передавали сигналы с космического аппарата в Советский Союз, и они ретранслировались на Байконур, где их изучал Королев. Поскольку Запад легко мог перехватить эти послания грузовых судов, из соображений безопасности все приходилось шифровать. Мозжорин рассказывал: «За нашими судами следили с воздуха. Самолеты подлетали очень близко и делали многочисленные снимки. Они [западные наблюдатели] никогда не спускались на борт наших судов, хотя, видимо, и догадывались об их назначении по месторасположению и времени. На случай, если они все-таки окажутся на борту, у команды имелась инструкция — немедленно сжечь все шифровальные книги в специальной печи. А когда та или иная космическая экспедиция закончится, суда как ни в чем не бывало возобновят доставку коммерческих грузов, повезут по назначению зерно, пальмовое масло и прочее».

Рассказывают, что некий Иван Иванович первым полетел в космос, и случилось это 25 марта 1961 года, почти за месяц до Гагарина. Он был одет в такого же типа скафандр и снабжен такой же моделью катапультного кресла и парашютного снаряжения. Он хорошо слетал на своем «Востоке» и даже нашел время для передачи на Родину нескольких радиограмм, хотя его космические наблюдения оказались довольно необычными. Он транслировал на Землю рецепты приготовления супов — то щей, то борща со сметаной. Подробности сейчас утрачены, однако, судя по всему, это была сознательная попытка сбить с толку западные станции прослушивания, которые могли следить за полетом.

Спуск и посадка Ивана Ивановича вызвали большое волнение среди тех, кто смотрел на это с земли. Жители ближней деревни видели, как он спускается на парашюте, и решили: что-то не так. В тот момент, когда его ноги коснулись земли, он упал и, видимо, потерял сознание. Разумеется, люди побежали к нему, чтобы помочь, но войска быстро оцепили простертое тело космонавта. Солдаты не пытались оказать ему помощь, они лишь безучастно стояли вокруг: казалось, они преспокойно позволят ему умереть. Селяне были поражены9.

В дальнейшем вокруг этого случая сложилось что-то вроде русской версии легенды о Розуэллльском инциденте[8]. Якобы до Гагарина запускали какого-то засекреченного космонавта, который погиб при возвращении… Масла в огонь подлила статья

в прокоммунистической британской газете «Dayly Worker», вышедшая всего за два дня до полета Гагарина и написанная (точнее, состряпанная) Дэннисом Огденом, московским корреспондентом издания. Один прославленный летчик-испытатель получил травмы в автокатастрофе, но Огден решил, что это космонавт, неудачно приземлившийся на космическом корабле под названием «Россия». Еще в 1979 году специалисты Британского межпланетного общества всерьез воспринимали некоторые из этих слухов:

«Имя первого человека, поднявшегося в космос, окружено некоторыми противоречиями. Эдуард Бобровский, французский телеведущий, посетивший Москву в апреле 1961 года, рассказал, что, по данным источников, заслуживающих доверия, Сергей Ильюшин, сын знаменитого русского авиаконструктора и отчаянный пилот, использовал все свое влияние, чтобы полететь в космос за три или четыре недели до Гагарина. После возвращения команда спасателей нашла его в ужасном состоянии. С тех пор Сергей Ильюшин находится в коме»10.

На самом деле Сергеем звали знаменитого конструктора, а имя его сына — Владимир, не говоря уж о том, что фамилия Бобровский не очень-то похожа на французскую. Слухи не ослабило и то, что техники Королева, готовившие запуск, крупными черными буквами намалевали «МАКЕТ» на лице Ивана Ивановича и на спине его скафандра еще до того, как закрепить его в шаре и отправить в небо. Не повлиял на слухи и тот факт, что рецепты супов, транслируемые из космоса, явно были записью, а не исходили из уст живого космонавта, находящегося на орбите. Как вспоминает Олег Ивановский, тема этих сообщений стала предметом горячих споров перед полетом: «Нам требовалось проверить, можно ли с помощью радиосвязи передавать человеческую речь из космоса, так что мы решили записать пленку. Но сотрудники госбезопасности заявили: „Нельзя, а то на Западе услышат человеческий голос и решат, что мы тайно запустили космонавта-шпиона“. Не забывайте, прошло всего несколько (одиннадцать) месяцев после истории с Гэри Пауэрсом. Тогда мы решили записать какую-нибудь песню, но ребята из госбезопасности возразили: „Вы что, с ума сошли? На Западе подумают, что космонавт спятил и вместо выполнения шпионского задания распевает песни!“ Тогда предложили записать хоровое пение: никому ведь не придет в голову, что мы запустили в космос целый хор. В конце концов так и сделали — записали хор и рецепты».

9 марта отправили в небо менее реалистичный манекен, предшественника Ивана Ивановича. Когда эти два испытания

прошли успешно, Королев решил: «Восток» готов принять на борт настоящего живого пилота. Приходилось идти на риск, выбора не было. В космос вот-вот должен был отправиться американец в рамках проекта НАСА «Меркьюри». Американцы тоже готовы были сажать в ракеты отважных добровольцев-военных, притом что история предыдущих запусков и у них не отличалась безупречностью. Ничего, главное — победить Советы.

По случайности Мозжорин и его специалисты-баллистики получили в свое распоряжение многие из документов, открыто публиковавшихся НАСА, но им приходили и секретные донесения разведки о подготовке к старту на мысе Канаверал, в том числе — сведения о задержках по техническим причинам и о неудачных запусках беспилотных аппаратов, затормозивших проект «Меркьюри» на первых этапах. Это отчасти объясняет, почему советские успешные запуски нередко на считаные недели или даже дни опережали аналогичные программы США. Мозжорин вспоминал: «Помню, как-то раз я получил документ на трех страницах — данные о секретных орбитах американских спутников. Я сказал: „Да на что они мне? Тут просто расчеты по ньютоновским законам гравитации“. Но, думаю, нашим разведчикам пришлось эти цифры где-то специально добывать. Конечно, американцы знали, что мы делаем, но молчали, пока молчали мы. Каждая сторона притворялась, будто понятия не имеет, чем занимается противник. В каком-то смысле это была мальчишеская игра, но в результате обе стороны добились огромного технического прогресса и возникла всемирная космическая индустрия, приносящая пользу каждому».

Между тем, без особой связи с этими запутанными стратегическими играми на международном уровне, Мозжорину пришлось организовать самые простые и дешевые меры безопасности из всех, какие он знал. Меры эти были направлены исключительно на благо космонавтов. «Мы положили пистолет в аварийный набор „Востока“, на случай если наш пилот приземлится в африканских джунглях или в каком-то подобном месте и вынужден будет защищаться от диких животных. Конечно, не от людей. Если он встретит людей, он должен будет попросить их о помощи. Не предполагалось, что он станет в них стрелять».

Глава 5
Перед полетом

К концу 1960 года из отряда космонавтов, насчитывавшего двадцать человек, отобрали шесть кандидатов для первого полета «Востока». В список включали на основании проявленных космонавтами за этот год способностей и на основе результатов их тренировок, хотя действовал и более «случайный» фактор — рост, а точнее, его недостаток. В катапультном кресле «Востока» мог разместиться лишь человек скромного телосложения. Маленький Гагарин подходил идеально, как и Герман Титов. Весьма многообещающим кандидатом был Алексей Леонов, но он оказался слишком высоким для «Востока» в его тогдашней конфигурации.

7 марта 1961 года Валентина Гагарина родила второго ребенка — дочь Галю. Через три недели после этого счастливого события Гагарину пришлось отбыть на Байконур, где ему с Титовым предстояло отработать завершающие предполетные проверки. Сейчас они оставались единственными реальными кандидатами на участие в первом полете: список все сужался. Оба знали, что окончательный выбор произойдет лишь в самый канун старта, намеченного на 12 апреля. Конкуренция была жесточайшая, хотя и молчаливая. «Конечно, мне хотелось, чтобы выбрали меня, — признавался Титов. — Я хотел первым попасть в космос. Почему бы и нет? И не только ради того, чтобы стать первым, а просто потому, что всем нам было интересно посмотреть, что там».

Титов и Гагарин старались превзойти друг друга в искусстве взаимного сотрудничества, понимая, что профессионализм и командный дух помогут им выделиться. Григорий Нелюбов, третий потенциальный кандидат, намеренно пытался выдвинуться в качестве единственного подходящего человека для исторического полета, но его расчеты оказались неверны. К концу марта его уже не рассматривали как кандидата.

Первым заданием космонавтов по прибытии на Байконур было научиться надевать скафандр. Само решение использовать скафандр приняли только в середине 1960 года, после ряда непростых дискуссий. Многие конструкторы полагали, что давления внутри «Востока» будет достаточно, чтобы защитить пилота, к тому же Королев беспокоился о лишнем весе, который неизбежно принесет скафандр со своей автономной системой жизнеобеспечения. Но в конце концов его убедили те, кто ратовал

за безопасность. Он обратился к Гаю Северину, самому опытному в СССР разработчику снаряжения для пилотов и систем катапультирования, и без обиняков заявил: «Мы разрешим лишний вес [на „Востоке“], но скафандры нам нужны не позже, чем через девять месяцев»1.

Северин создал скафандры на основе авиационных высотных компенсирующих костюмов, которые он разработал на исходе корейской войны. Корейские пилоты МиГов, сделанных в СССР, часто теряли сознание, если в бою совершали слишком резкий вираж, а их американские противники при таких маневрах не отключались. Северин понимал, что хорошо облегающий высотный костюм поможет противостоять перегрузкам. После того как Северин одел пилотов более подходящим образом, американцы уже не так рвались преследовать МиГи на крутых виражах. Его космические скафандры имеют сходную конструкцию и как бы поддерживают космонавта, помогая ему бороться с ускорением, которое дает ракета Р-7. Такое тесное облегание тела, особенно ног, предотвращает отток крови в нижнюю часть туловища и недостаточное ее поступление в мозг. Прочные и воздухонепроницаемые внутренние слои этого космического наряда были сделаны из крепкой прорезиненной ткани голубоватого цвета, а внешний слой, оранжевый, знакомый Западу по рекламным снимкам, был не так уж важен для выживания, являясь лишь внешним «комбинезоном», прикрывающим бугры и стыки внутреннего. Яркая ткань облегчала поиски космонавта в том случае, если он упадет в район, покрытый снегом, а в апреле таких мест в Советском Союзе было предостаточно.

Теперь Северину предстояло объяснить космонавтам, как действует его костюм, а руководивший подготовкой космонавтов Николай Каманин внимательно за этим наблюдал. Этот урок предназначался и обслуживающему персоналу: техникам следовало уметь безупречно обращаться с каждым компонентом, чтобы в день запуска ничего не упустить. Для тренировок выделили два запасных костюма, чтобы «основные» скафандры оставались нетронутыми до самого полета. Затем, полностью облачившись, космонавты по очереди забирались через люк в копию шара «Востока», а техники учились их пристегивать. Николай

Каманин надзирал за утомительно-однообразной отработкой аварийного катапультирования: в кабине следовало привести в нужное положение все переключатели, убедиться, что скафандр и шлем герметично закрыты, и, что весьма важно, подготовить тело, напрячь мышцы в ожидании мощного удара. В случае

реальной опасности Гагарин и Титов должны будут проделать все это без малейших раздумий.

3 апреля двух соперников-космонавтов в последний раз одели в эти резервные скафандры, чтобы снять на пленку, как они забираются в «Восток». Будущие покорители космоса по очереди произносили пламенные прощальные речи у подножия пусковой башни. На этих кадрах Р-7 не видна, потому что ракета тогда лежала в сборочном ангаре, а подробности ее конструкции хранились в величайшем секрете. То была государственная тайна. Техники воспроизвели процесс запирания космонавтов в шар, что было проделано в другой зоне главного ангара, служившего для подготовки корабля, а не на самой стартовой площадке. В последующие месяцы некоторые из этих постановочных эпизодов смонтировали с короткой, но подлинной съемкой подготовки к старту, осуществленной оператором Владимиром Суворовым при куда менее благоприятных условиях. В тот великий день предстартовая группа просто не могла предоставить ему такой же широкий доступ к кораблю и пусковым устройствам, как при репетиции в ангаре2.

7 апреля Титов и Гагарин отправились вместе с Каманиным на стартовую площадку. Они во всех деталях осмотрели оборудование пусковой башни и отработали процедуру аварийной эвакуации с площадки на случай, если при старте начнется пожар. А если космонавта закроют в корабле и что-нибудь пойдет не так еще до того, как ракета Р-7 оторвется от земли, катапультное кресло вышвырнет его наружу, подальше от неприятностей. Однако на столь малой высоте он не успеет раскрыть парашют, поэтому инженеры рассчитали соответствующую «дистанцию катапультирования» и растянули над землей, в тысяче метров от площадки, огромную сетку. На эту сетку космонавт и упадет, если только расчеты верны. Несколько раз это путешествие проделывал манекен, точно цирковой клоун, которым стреляют из шутовской пушки. Впрочем, дело было нешуточное.

Каманин напомнил космонавтам о возможности ручного управления. Если они будут сидеть в корабле, находящемся на площадке в ожидании взлета, и в центре управления полетом вдруг сочтут, что с ракетой какие-то нелады, кресло с космонавтом катапультируется автоматически. Если же автоматика не сработает, Королев с помощью специального ключа активирует механизм кресла на расстоянии, исходя из собственных оценок. Себе одному он не доверял, что вообще было для него характерно. Поэтому он приказал выдать такие же ключи двум другим руководителям, которые будут находиться

рядом с ним. А если в критической ситуации ни одна из этих мер безопасности не сработает как надо? Тогда космонавту придется выстреливать кресло самостоятельно, как пилоту подбитого МиГа.

В этот момент лекции Титов походя сделал весьма неудачное замечание, сообщает Каманин в одной из апрельских дневниковых записей. Титов сказал:

— Думаю, незачем тратить время и переживать об этом. Автоматическая система катапультирования сработает без сучка без задоринки.

Тогда Каманин повернулся к другому кандидату:

— А ваше мнение, Юрий?

Гагарин хорошо подумал, прежде чем ответить. Можно предположить, что ему не хотелось ни смущать Титова, ни подвергать оскорбительному сомнению опыт инженеров, создавших автоматические системы, хотя Каманин явно желал услышать иное мнение — отличное от титовского.

— Согласен, автоматика не подведет, — произнес Гагарин, тем самым и поддержав Титова, и выразив должную уверенность в надежности конструкции корабля. — Но если я буду знать, что в случае отказа аппаратуры смогу сам катапультироваться, это само по себе повысит мои шансы.

Каманин не дал на это конкретного ответа, однако во всех подробностях записал диалог. Еще 6 апреля он отмечал:

> Я весь день наблюдал за Гагариным… Сегодня он держится молодцом — в его поведении я не заметил ни одного штриха, который не соответствовал бы обстановке. Спокойствие, уверенность и твердые знания — вот его характеристика за день 3.

Судя по всему, Каманину непросто было решить, кто из двоих станет первым. Буквально накануне он склонялся к тому, чтобы выбрать Титова:

> Титов все упражнения и тренировки выполняет более четко, отточенно и никогда не говорит лишних слов. А вот Гагарин высказывал сомнение в необходимости автоматического раскрытия запасного парашюта… Во время одной из бесед с космонавтами, когда я рекомендовал им пройти катапультирование с самолета, Гагарин отнесся к этому предложению довольно неохотно.

Каманин, похоже, винил каждого из двух главных кандидатов

в сходных ошибках при отработке катапультирования с самолета. Но на его окончательную рекомендацию, возможно, повлиял не контролируемый им фактор: по политическим причинам казалось предпочтительнее выбрать колхозного мальчишку, а не сына учителя. Впрочем, в его дневниках приведены более тонкие причины сделанного выбора:

> Титов обладает более сильным характером. Единственное, что меня удерживает от решения в пользу Титова — это необходимость иметь более сильного космонавта на суточный полет… Трудно решать, кого посылать на верную смерть, и столь же трудно решить, кого из 2–3 достойных сделать мировой известностью…

По-видимому, Каманин решил, что Гагарин способен совершить полет, состоящий из единственного орбитального витка. Титова он оставил в резерве для длительной и потому более трудной космической экспедиции, которую предполагалось осуществить в ближайшем будущем. Учитывая обстоятельства, Титов тогда вряд ли мог воспринимать это решение как похвалу.

Незадолго до своей роковой ошибки с Р-16 маршал Неделин построил на Байконуре деревянный домик — для разнообразия, чтобы на время отвлекаться от вечных тускло-коричневых бараков и устрашающе-функциональных бункеров. Это была открытая конструкция, скорее беседка, чем настоящее здание — деревянный пол, сводчатые проходы, декоративные решетки и колонны, премило выкрашенные белым и голубым. Поблизости журчал прохладный ручеек. В зимние морозы строение невозможно было приспособить для какой-либо разумной цели, удушающим летом — тоже, однако в апреле на несколько драгоценных недель степь расцветала и воздух наполнялся сладковатым ароматом полыни… Тогда летний домик отлично подходил для вечеринок.

В 1998 году седой шестидесятитрехлетний Герман Титов жаловался на печальное состояние домика. «Теперь там ветрено. Рядом росли вязы, но их срубили. Надо бы посадить новые, но никому до этого нет дела. Новых русских это не интересует. Для них космические полеты — просто бизнес. При Хрущеве космонавтика хотя бы развивалась. А при нынешних демократах все разваливается. Чему их только учит история? Безмозглые дураки, не понимают, что, когда они умрут, воспоминания о них тоже уничтожат. Не останется ни единого бугорка. Даже могилки не останется».

Этот домик имел для Титова особое значение. Ведь именно тут 9 апреля 1961 года, всего за три дня до намеченного первого

пилотируемого полета «Востока», будущие космонавты отмечали его «опалу» — с водкой, свежими апельсинами, яблоками и другими столь же замечательными кушаньями, разложенными на длинном столе. Владимир Суворов, официальный оператор группы, запечатлел сцену на цветную пленку, так что яркость фруктов видна и сейчас.

Днем раньше суворовская камера зафиксировала более официальное событие, проходившее в другой части Байконура, — заседание Государственной комиссии, на котором председательствовали Королев, Келдыш и Каманин. В ходе этого заседания был выбран первый космонавт. Перед ними стояли шесть главных кандидатов. В ключевой момент гордый Юрий Гагарин выступил вперед, чтобы получить свое историческое задание. На самом деле все это было срежиссировано заранее. Комиссия уже встречалась накануне, и на том секретном совещании не присутствовал никто из космонавтов. После совещания Николай Каманин вызвал Титова и Гагарина к себе в кабинет, где просто и буднично объявил им, что полетит Гагарин, а Титов будет его дублером. «Запасным». И больше никаких объяснений. Ничего. Гагарин постарался спрятать свою обычную улыбку и обещал хорошо выполнять свои обязанности. Титов говорил: «Вам могут рассказать, что я его тут же обнял. Чушь! Ничего подобного не было. Так или иначе, решение приняли. Я это понимал». Каманин пишет в дневнике, что «была заметна… небольшая досада Титова».

Титов отыграл свою роль на фальшивом заседании Государственной комиссии. Во время заседания на середине тщательно отрепетированной, якобы «спонтанной» благодарственной речи Гагарина у оператора Суворова кончилась пленка. Королев постучал ложечкой по стакану, призывая всех к молчанию, словно ему предстояло сделать какое-то важнейшее объявление: «Оператору нужно зарядить новую ленту, так что мы на время прервемся». Все рассмеялись и потом праздно сидели, пока Суворов менял пленку. Затем Первый космонавт повторил свое выступление слово в слово. Суворова поразил юный вид Гагарина. «Он был маленький и крепкий, но казался таким молодым! Как мальчишка, с неотразимой улыбкой и очень добрыми глазами»4.

На следующее утро состоялся куда более вольный праздник в летнем домике. Титов держал свои чувства в узде. «Конечно, я расстроился, но все шло, как говорится, по плану». Сейчас остается только гадать, могло ли в те дни все повернуться иначе. Ведь Титов был совершенно уверен, что Первым космонавтом станет именно он…

Разумеется, выбрать Первого космонавта помогали на высочайшем уровне. Федор Бурлацкий, доверенный советник и спичрайтер Хрущева, точно знает, почему Гагарина предпочли Титову. «Гагарин с Хрущевым во многом были похожи. Один и тот же тип русского характера. А Титов — более замкнутый, не с такой открытой улыбкой, не такой обаятельный. Гагарина выбрал не только Хрущев, но сама судьба».

Спустя много лет, в 1998 году, после могучего глотка водки, пробудив воспоминания и притушив гордость, поседевший шестидесятитрехлетний Титов признавался: «Я хотел быть первым. Почему нет? Прошло много лет, и теперь я бы сказал, что они тогда сделали правильный выбор. Юра оказался парнем, которого все полюбили. Меня они не любили. Я не из тех, кого все любят. А Юру любили. Я это понял, когда приехал к его матери и отцу под Смоленск после того, как он погиб. Да, правильно сделали, что выбрали Юру».

Сергей Белоцерковский, научный руководитель Гагарина, предполагал, что Первым космонавтом мог бы стать Владимир Комаров, «но в то время его дальнего родственника подвергли репрессиям». Белоцерковский считал, что Гагарина выбрали благодаря счастливой ошибке. «Я с удивлением обнаружил, что брат и сестра Юры побывали в немецком плену. Обычно это считалось темным пятном на биографии — если ты жил на оккупированной территории. Проверяющие инстанции либо проглядели это, либо не приняли во внимание. Можно сказать — ошибка, но очень удачная. Если бы мы совершали больше таких ошибок, назначая людей на ответственные посты, у нашей страны было бы меньше проблем. У руководителей, не следующих букве предписаний, каким был Королев, обычно более высокие нравственные стандарты».

В 5:00 утра 11 апреля ворота главного сборочного ангара раздвинулись, и удерживаемая в горизонтальном положении на гидравлической платформе, установленной, в свою очередь, на специальной дрезине-автомотрисе, в предрассветный холодок тяжело выкатилась Р-7 с «Востоком» на носу. Впереди, совсем рядом, вышагивал по рельсам Королев, сопровождая свое детище, словно взволнованный папаша. Автомотриса двигалась медленнее пешехода, чтобы ракета не пострадала от вибраций. Стартовую площадку отделяло от ангара четыре километра, и всю дорогу Королев шел рядом. Титов объяснял: «Для Главного Конструктора эта ракета была как ребенок. Вот почему он все время ее сопровождал. Доставка ракет на площадку обычно идет очень медленно: в те времена скорость всегда ассоциировалась с

проблемами. А ракеты „Восток“ были довольно нежные, хотя и мощные. Особенно первая».

В час дня Королев проводил Гагарина и Титова на вершину пусковой башни, чтобы провести генеральную репетицию загрузки — уже при вертикально стоящей ракете-носителе. Изможденного Королева внезапно охватил приступ слабости, пришлось помочь ему спуститься с башни и добраться до его коттеджа на окраине стартового комплекса, чтобы он передохнул. Позже Гагарин узнал, что Главный Конструктор, с виду коренастый и крепкий, на самом деле был человеком очень нездоровым5.

Между тем в армейских казармах на окраине Саратова генерал Андрей Стученко проснулся в предрассветной тьме от телефонного звонка некоего высокопоставленного кремлевского начальника[9]: «В ближайшее время в космос полетит человек… Космонавт приземлится на территории вашего округа. Вы должны организовать его встречу, обеспечить и обезопасить его приземление. За его сохранность отвечаете головой»6. Стученко ответил, что все выполнит. Он схватил карту своего военного округа, разбил ее на квадраты и целый день с максимально возможной скоростью развертывал там войска, которые должны были высматривать удивительное зрелище — парня, летящего с неба.

Накануне полета, вечером, Титов и Гагарин обосновались в домике, располагавшемся в нескольких километрах от стартовой площадки. Николай Каманин ненадолго зашел к ним. Как отмечено в его дневнике, Гагарин отозвал генерала в сторонку и шепнул:

— Знаете, я, видно, немного не в своем уме.

— Почему?

— Завтра лететь, а я до сих пор не верю, что полечу, и сам удивляюсь своему спокойствию. Совершенно спокоен, понимаете? Это нормально?

— Это отлично, Юра. Очень рад за тебя. Спокойной ночи!

Конечно же на несколько минут заглянул Сергей Павлович, чтобы устроить своих подопечных на ночь. «Не знаю, из-за чего весь сыр-бор, — поддразнивал он их. — Через пять лет можно будет по профсоюзной путевке летать в космос». Все расхохотались. Королев невозмутимо глянул на часы и тоже пожелал им спокойной ночи. Это был сигнал укладываться.

Владимир Яздовский, руководивший медицинским обеспечением предстартовой подготовки, провел до того целый день в их комнате. Он вставил датчики давления в матрасы

подопечных, чтобы регистрировать движения космонавтов, если те будут ворочаться во сне. Провода тянулись от коек к подозрительному свежепросверленному отверстию в стене, за которым располагались несколько аккумуляторов. Кабель, передававший данные, через несколько сотен метров нырял в другое здание, где медики установили свои приборы. Конечно, эксперимент предполагалось держать в секрете, но Юрий и Герман по горькому опыту знали, что доктора получают информацию об их состоянии круглые сутки. («В замочную скважину никто не подглядывает, но ты-то знаешь, что за тобой все время наблюдают».) История утверждает, что оба спали великолепно. Здравый смысл предполагает обратное. Гагарин позже признался Королеву, что в ту ночь не сомкнул глаз. Его преследовали не только мысли о предстоящем полете. Он изо всех сил старался не ворочаться — тогда утром врачи сочтут его отдохнувшим и годным для выполнения задания. Его высокодисциплинированный дублер Титов наверняка проделал тот же трюк. В результате наутро оба оказались гораздо менее свежими, чем если бы доктора просто оставили их в покое. Перед сном Гагарин по секрету сообщил Каманину, что все время считал свои и Титова шансы на полет равными, но знал, что малейший намек на беспокойство во время «сна» в ночь перед полетом может качнуть весы. Несколько месяцев спустя он шутливо говорил Королеву, что его, Гагарина, отправили в космос утром 12 апреля лишь потому, что Титов ночью ворочался на своей койке7.

Специалисты из американской разведки отлично знали, что подготовка к запуску «Востока» идет полным ходом. Вашингтонское время на восемь часов отставало от байконурского. Пока космонавты отдыхали на своих электрифицированных матрасах, президент Кеннеди появился в вечерней телепрограмме канала Эн-би-си, спонсируемой зубной пастой «Крест». Вместе со своей женой Жаклин он беседовал с журналистами Сэндером Вэнокуром и Рэем Шерером о трудностях воспитания маленьких детей президентской четы и о «ручном» стиле управления страной. Во время разговора Кеннеди вскользь обронил, что изнутри Овального кабинета события нередко представляются сложнее и запутаннее, чем их видит окружающий мир. Он улыбался и шутил перед телекамерами, хотя уже знал, что всего через несколько часов его ждет серьезное поражение8.

В 5:30 Королев и Яздовский стремительно ворвались в затемненную комнату космонавтов и включили свет:

— В чем дело, ребята? Лежачая забастовка?

Гагарин и Титов изобразили пробуждение от глубокого и безмятежного сна.

— Как спалось? — спросили врачи.

— Как учили, — осторожно ответил Гагарин. Королев ушел осматривать ракету, но после того, как

Гагарин и Титов умылись и побрились, он позавтракал с ними, отведав изысканные яства из туб: космонавты потребляли калории и витамины, представленные в необычайно аппетитной форме темно-коричневой пасты. Даже из жестко отцензурированного рассказа Гагарина об этом дне, изложенного в «Дороге в космос», очевидна крайняя усталость Королева:

> Пришел Главный Конструктор. Впервые я видел его озабоченным и усталым — видимо, сказалась бессонная ночь… Мне хотелось обнять его, словно отца. Он дал мне несколько рекомендаций и советов, которых я еще никогда не слышал и которые могли пригодиться в полете. Мне показалось, что, увидев космонавтов и поговорив с ними, он стал более бодрым 9.

Из здания, располагавшегося через дорогу, прибыли врачи, чтобы провести финальный осмотр космонавтов. С собой они принесли еще кое-что из своих любимых игрушек — набор круглых датчиков, приклеивающихся к телу. Полуголые Титов и Гагарин терпеливо стояли и ждали, пока датчики прикрепят к их туловищам. Евгений Карпов, директор Звездного городка, вручил каждому по букету цветов, чтобы их подбодрить. Ему передала их Клавдия Акимовна, пожилая женщина, обычно жившая в этом домике. Сейчас он не мог ее сюда впустить, и, вероятно, это было к лучшему — вдруг она поведает трогательную историю о своем сыне, который был летчиком, как и Юрий, но погиб во время войны. Этот грустный рассказ был бы сейчас некстати. Карпов ласково попросил ее уйти и отнес цветы в комнату космонавтов. В тот великий день ему хотелось сказать что-нибудь торжественное и значительное, но он не мог придумать ничего подходящего. «Вместо советов, напутствий я только, как и другие, шутил, рассказывал веселые историйки и небылицы… За столом, во время завтрака, мы выдавливали из туб космическую пищу и делали вид, что она удивительно вкусная»10.

После завтрака, когда медики покончили со своими датчиками и клеем, космонавтов отвезли в главный сборочный ангар. Огромный зал, где размещался «Восток», был пуст. Ракета и капсула уже находились на стартовой площадке, однако в закрытом боковом помещении оставались небольшие, но важные

компоненты снаряжения, которые еще предстояло подготовить: скафандры.

До сих пор с Титовым и Гагариным обращались совершенно одинаково. Теперь же, в ярко-белом сиянии раздевалки, они почувствовали кое-какие изменения. Титов первым получил свое белье с подкладкой, первым влез в компенсирующий костюм, первым облачился в ярко-оранжевый внешний комбинезон. К тому времени, как он уже полностью оделся, Гагарин еще не был готов. Титов знал, что радоваться по этому поводу не стоит. Техники одели его первым, а Гагарина вторым, чтобы Первый космонавт провел меньше времени в жарком скафандре, перед тем как попасть на стартовую площадку. По пути к пусковой башне их скафандры охлаждали с помощью встроенных вентиляторов, подключенных к автобусу. Титову следовало быть готовым — на случай, если что-нибудь произойдет. Возможно, в скафандре ему было чуть теплее, чем Юрию, но готовность он должен был сохранять такую же, как Гагарин. В тот момент Титов уже понял: то, что его одели первым, почти наверняка означает, что он останется вторым.

Гагарину же приходилось справляться с собственными неожиданными открытиями. В своем официальном отчете о полете «Дорога в космос» он пишет: «Люди, надевавшие на меня скафандр, стали протягивать листки бумаги, кто-то подал служебное удостоверение — каждый просил оставить на память автограф. Я не мог отказать и несколько раз расписался». Евгений Карпов до последнего мгновения следил за Гагариным. Он отметил некоторое беспокойство, которое испытывал Первый космонавт по поводу этих автографов. «Впервые после прибытия на Байконур он оказался в замешательстве, не в состоянии, как обычно, мгновенно отвечать людям. Он спросил: „А это правда нужно?“ Я сказал ему: „Привыкай, Юра. После полета придется миллион раз так подписываться“». Гагарин провел много месяцев за техническими и физическими тренировками, и у него было мало времени, чтобы подумать о том, что произойдет, когда он вернется на Землю из космоса. Теперь же, едва ли не в самый последний момент перед стартом, он ощутил слабое предчувствие того колоссального социального бремени, которое ляжет на его плечи.

Облаченные в самые достославные рыцарские доспехи XX века, Гагарин и Титов занимают свои места в автобусе: пара очень похожих космонавтов, почти ровесники, оба на пике физической формы, оба прошли изнурительные медицинские испытания и методичные тренировки. Их космические скафандры и шлемы идентичны. Сегодня может полететь любой из них, но судьба

выберет Гагарина. Когда автобус остановился у подножия пусковой башни, Титов искренне пожелал ему удачи. Оператор Владимир Соколов вспоминал эту сцену в своем дневнике:

> По старой русской традиции нужно трижды поцеловать отправляющегося в путь в щеки. Когда на тебе здоровенный скафандр и шлем, это совершенно невозможно, так что они просто похлопали друг друга по шлемам, и это выглядело очень забавно… Потом Гагарин вылез из автобуса и неуклюже двинулся к Главному Конструктору. В этом громоздком наряде ему явно непросто было ходить 11.

Титов остался в автобусе, равнодушно глядя в окно на бетонированный бункер управления. На «ежи». Так все их называли: пучки зазубренных брусьев, под нелепейшими углами торчавших из крыши. По расчетам, если неудачно запущенная ракета упадет на верхнюю часть бункера и взорвется, «ежи» успеют сломать ее до того, как она врежется в саму крышу. Основную взрывную волну удастся отвести, и сидящие в бункере, возможно, выживут, чтобы произвести запуск в другой день. В «ежах» было больше смысла, чем в этом сидении внутри автобуса — в качестве гагаринского «запасного». Титов помнит свои тогдашние мысли с мучительной ясностью. «Мы долго тренировались вместе. Оба мы были пилоты истребителей, так что понимали друг друга. Он — командир полета, а я — его дублер, на всякий случай. Но мы оба знали, что никакого „случая“ произойти не должно. Что может произойти на такой поздней стадии? Что он, схватит простуду по пути от автобуса к пусковой башне? Сломает ногу? Чушь, чушь. Нам не следовало выходить к стартовой площадке вместе. Один из нас должен был уйти».

Но Титов признаётся, что у него в голове крутилась неотвязная дразнящая мысль: «Скорее всего, ничего не произойдет, а вдруг? Нет, сейчас ничего не случится, но что, если?..» Владимир Яздовский, один из руководителей предстартовой подготовки, вспоминает ощутимое напряжение Титова, сидевшего в автобусе: «Конечно, он надеялся, что, когда Гагарин поднимется в капсулу, у него в скафандре обнаружится трещинка или еще что-нибудь, и Номер Два тут же станет главным, но Гагарин вошел в лифт пусковой башни очень осторожно, поднялся в капсулу и уселся в кабину, и, когда он отрапортовал мне, что нормально пристегнут, я приказал Титову снять скафандр. Он ответил мне резко, он явно волновался, но потом успокоился и больше не проявлял своих чувств».

У основания пусковой башни собрались Королев, академик Келдыш и другие важные лица, чтобы поприветствовать Гагарина и пожелать ему счастливого полета. «Ну, пора отправляться. Я уже побывал в шаре, посмотрел, каково там», — сказал Королев. Он вытащил из кармана маленький металлический шестиугольник, копию мемориального знака, отправленного на Луну автоматическим зондом «Луна» в 1959 году[10]. При жесткой посадке он был намеренно разрушен, чтобы десяток таких же значков разлетелись во все стороны. «Возможно, когда-нибудь вы сможете подобрать оригинал, Юрий Алексеевич», — произнес Королев12.

В своем дневнике Каманин сухо отмечает:

> Выйдя из автобуса, Юра и его товарищи немного расчувствовались и начали обниматься и целоваться. Вместо пожелания счастливого пути некоторые прощались и даже плакали — пришлось почти силой вырывать космонавта из объятий провожающих.

Потом Королев зашагал к бункеру и вскоре исчез под «ежами». Гагарин поднялся наверх, а Титов остался внизу.

Гагарин добрался до верхушки стартовой башни на лифте, и техники придерживали его за плечи, пока он перекидывал ноги через край люка «Востока» и, извиваясь, устраивался в катапультном кресле. Когда он уселся, Олег Ивановский и заслуженный летчик-испытатель Марк Галлай просунулись в кабину как можно дальше и подтянули свисавшие концы креплений, чтобы прочнее привязать его к креслу. Затем они подключили шланги скафандра к системе жизнеобеспечения «Востока». Теперь Гагарин стал частью своего корабля — точнее, частью системы катапультирования. В цилиндрической нижней половине его кресла имелась пара сопел твердотопливных ракет, а кроме того, там находилась автономная система подачи кислорода на случай, если на орбите шар даст течь или Гагарину придется выбрасываться из корабля где-то между Землей и настоящим космосом, возможно, на высоте десять-пятнадцать километров: воздух там еще есть, но он слишком холодный и разреженный, чтобы им можно было дышать.

Внизу, в бункере, Королев и его техники с удовлетворением наблюдали, как на экранах, отражавших состояние системы жизнеобеспечения, мерцают всё новые и новые сигналы — по мере того, как подключают шланги. Система подачи кислорода работала нормально, и утечек в скафандре, судя по всему, не было. В это время у подножия пусковой башни Титов, нервничавший в автобусе, получал последние на сегодня

указания, лишавшие его последних надежд первым полететь в космос.

А тем временем Ивановский постучал кулаком по шлему Гагарина (это означало «до свидания»), но его волновала еще одна деталь — шифр для клавиатуры. «Я чувствовал, что это неправильно — отправлять Юру в космос, не давая ему никакой реальной возможности управлять собственным аппаратом, — вспоминал он. — Что бы там ни говорили психологи, он все-таки был настоящим военным летчиком». Понятно же, что главная цель всей его подготовки — позволить ему выкарабкаться из смертельных опасностей, подстерегавших его в этом ненадежном агрегате, мчащемся с колоссальной скоростью. Ивановский помнил свою обиду за Гагарина. «Доктора не могли судить о том, повредится ли он в уме при перегрузках, они-то сами никогда не летали». Предполагается, что если в автоматических системах ориентирования «Востока» возникнут неполадки, то Гагарину конечно же придется самому взяться за тумблеры и решать проблему по-своему, ведь считалось же, что он должен сам выводить свой МиГ из штопора, не спрашивая разрешения медицинской комиссии. «Восток» — необычная машина, но все-таки тоже летательный аппарат. Самое худшее, что с ним может случиться, — взрыв на старте, или взрыв в полете, или взрыв при посадке. Все эти опасности Ивановский именует «неприятностями». «Всегда существует вероятность, что с летательным аппаратом какого угодно типа произойдут неприятности», — говорил он. Единственное новшество заключалось в том, что «Восток» мог не сделать ни того, ни другого, ни третьего, а просто спокойно вертеться по своей орбите, и, если тормозные ракеты откажутся работать, Гагарин начнет медленно задыхаться, без всякой надежды на спасение, без всякой возможности выбраться из кабины, спуститься на парашюте и совершить мягкую посадку на землю. Тогда «Восток» станет для него вечной гробницей… Ивановский подытоживал риск, заложенный в саму природу жизни космонавта: «Не исключено, что его работа, особые знания и мастерство потребуют от него гибели».

Ивановский беспокоился обо всех худших вариантах, хотя признавал, что в то время никто из его коллег открыто не говорил об этом, и меньше всего — сами космонавты. О своем решении, которое он принял на пусковой башне, о своем маленьком бунте, он говорит так: «Откуда мне знать, почему я так поступил? Видимо, я просто ненадолго изменил дисциплине». А поступил он вот как: в последний раз перед запуском просунулся в люк,

жестом показав Гагарину, чтобы тот поднял забрало шлема — так они смогут поговорить без помощи рации. Радиопереговоры не бывают тайными, а эту беседу, конечно, никто не должен был слышать. Ивановский собирался открыть Великий Секрет — три цифры, которые Гагарину придется набрать на пульте из шести клавиш, чтобы включить ручное управление кораблем.

«Я сообщил ему: „Юра, цифры — три-два-пять!“ А он улыбнулся: „Каманин мне уже сказал!“»[11]

Даже жестокосердный сталинист в последний момент проявил гуманность. Как потом выяснилось, проявили ее также Галлай и Королев, хотя мало кто сомневался в их презрительном отношении к затее с клавиатурой. Так или иначе, Великого Секрета больше не существовало. Вероятно, Ивановского утешило, что трое других специалистов, в том числе и сам Главный Конструктор, уже нарушили запрет. Формально говоря, Ивановский разгласил государственную тайну, и за это преступление его могли отправить в лагерь.

Ивановский слегка успокоился и в последний раз перед полетом сжал руку Гагарина, облаченную в перчатку.

Вместе с Галлаем он приготовился герметически закрыть капсулу; им помогали командующий ракетными войсками Владимир Шаповалов и два младших сотрудника космодрома, обслуживавшие стартовую площадку Сначала они проверили контакты крышки люка, чтобы убедиться, что от них поступает ясный и недвусмысленный сигнал. Когда сам люк запрут, контакты подтвердят, что он закрыт герметично. Кроме того, при необходимости они подорвут набор миниатюрных зарядов, вставленных в кольцо люка, которые отстрелят крышку через тысячную долю секунды после команды — на случай, если Гагарину потребуется катапультироваться из-за каких-то неполадок. Казалось, что через контакты шел нормальный сигнал, поэтому крышку установили и начали завинчивать тридцать болтов по ее окружности. Пары болтов, противоположных друг другу, затягивали синхронно, чтобы зафиксировать замки люка равномерно.

Как только завинтили тридцатый болт, зазвонил телефон. «Мы думали, это Королев из своего бункера, приказывает нам спуститься с пусковой платформы», — вспоминал Ивановский.

Да, это был Королев, но в голосе его звучало недовольство.

— Почему не докладываете? Как у вас дела? — требовательно спросил он. — Правильно ли установлена крышка?

Ивановский заверил его, что всё нормально, что они всё закончили несколько секунд назад.

— Нет сигнала КП-3, — рявкнул Королев. КП-3 —

специальный электрический контакт прижима крышки, сигнализирующий о ее нормальном закрытии. — Успеете снять и снова установить крышку?

Ивановский предупредил Королева, что из-за такой операции дальнейшая подготовка к старту может задержаться как минимум на тридцать минут.

— У нас нет КП-3, — настойчиво повторил Королев со своей обычной неумолимостью.

Крышку пришлось снимать. У Ивановского мелькнула ужасная мысль: каково будет Гагарину, когда тот увидит, как рассвет проникает в его кабину сквозь широкое круглое отверстие, вдруг открывшееся у него над головой? «Я спросил Королева: „Можно сообщить Юрию? А то он будет переживать, подумает, что люк открывают, потому что полет отменили и мы собираемся его вытащить из капсулы“. Королев ответил: „Всё передадим. Спокойно делайте свое дело, не спешите“. Но Ивановский не успокоился. „Спокойно“? Спокойно, как же! Можете себе представить, в каком мы были состоянии. Мы втроем накинулись шестью руками на эти тридцать болтов, их приходилось откручивать специальным ключом. Крышка люка весила килограммов сто, диаметром она была с метр, массивная штуковина. Это был не какой-то совсем уж постыдный случай, но он нас, конечно, смутил».

И смутил, и измотал. Перед этим Ивановский и его коллеги неустанно проводили предполетные проверки «Востока» — с того самого момента, когда утром 11 апреля ракета оказалась на стартовой площадке. Они проверили систему жизнеобеспечения, реактивные системы, навигационные гирокомпасы: пугающее соседство электроэнергии и взрывчатых веществ в любой момент могло привести к их неверному соединению, разорвав Гагарина в клочья (и, возможно, скинув ракету со стартовой площадки и сея смерть и разрушение на пол-Байконура, как в трагической истории с Неделиным). Они тогда проверяли и перепроверяли всевозможные детали, а вот теперь какая-то пара винтиков люка угрожает все загубить в последние минуты перед стартом! Они сняли крышку, и Ивановский с трудом заставил себя заглянуть в кабину Что подумает Юрий? «Его лица я в тот момент увидеть не мог, видел только верхушку белого шлема. К левому рукаву скафандра было пришито маленькое зеркальце, оно позволяло космонавту смотреть вверх, на люк или в другие места [верхней части кабины], которые были от него закрыты [краем громоздкого шлема]. Он шевельнул рукой, наклонив зеркальце, чтобы я мог поймать в нем его лицо. Он улыбался. Всё шло отлично». Гагарин негромко насвистывал себе под нос, пока

Ивановский с коллегами ставили крышку люка на место.

Снова эти тридцать болтов. Снова одновременное затягивание противоположных. Голос Королева в телефоне, на сей раз более спокойный: «КП-3 в порядке». (Ивановский не хотел ни на кого перекладывать вину, но, насколько он помнил, крышка люка с самого начала выглядела совершенно нормально, и он решил, что кто-то в бункере неправильно интерпретировал поступавшие данные). И вот наконец объявили сорокаминутную готовность, и из бункера абсолютно вовремя подали сигнал на частичное отсоединение ферм и переходов, окружавших ракету. Платформа, на которой стояли Ивановский и четверо его коллег, начала отделяться от «Востока». Теперь она может в любую секунду повернуться под углом 45°, и тогда они свалятся вниз. Дурацкий момент: по телефону они попросили ненадолго задержать отделение. Потом они на счастье похлопали по шару «Востока» и постарались как можно быстрее слезть с пусковой башни. Едва они коснулись ногами земли, как гидравлические моторы снова начали отводить платформы от ракеты.

Ивановский направился в ближайший бункер управления, а оператор Владимир Суворов предпочел остаться на открытом воздухе, в нетерпении ожидая главной съемки в своей жизни. Вместе с помощниками он подготовил всевозможные камеры, ручные и автоматические, расставил их по периметру площадки, но тут всех стали теснить солдаты, у которых имелся строгий приказ — перед запуском очистить территорию от людей. Командовавший ими офицер пришел в ярость из-за того, что Суворов имел смелость остаться снаружи:

— Съемочные группы не допускаются. Здесь командую я, и я вам приказываю — немедленно в укрытие!

Но праведный гнев оператора оказался сильнее.

— У нас официальное задание! Я напишу вам записку! — воскликнул он. — Я остаюсь снаружи по собственному желанию. Если со мной что-то случится, вся ответственность — только на мне, договорились?

— Ладно, ладно. Никаких обид.

Охрана удалилась, и в результате Суворов все-таки снял свои исторические кадры13.

Автобус отъехал от площадки, и Титова проводили в бункер наблюдения, чтобы он снял скафандр. Техники Гая Северина принялись стягивать с него перчатки, воздушные шланги и привязные ремни, словно разбирая его на куски. Титов был похож на узел перепутанной ткани, с безвольно опущенными руками и заплетающимися ногами, с наполовину снятым воротом. Вдруг техники отпрянули от Германа и ринулись к выходу из бункера.

Начался запуск, и они хотели его увидеть. На какие-то ужасные мгновения Титов остался один в своем скомканном скафандре. «Они про меня забыли, — печально вспоминал он. — Я был совершенно один». Он побрел к выходу вслед за всеми, вскарабкался по ступенькам и вылез на специальную наблюдательную платформу на крыше бункера. На всю оставшуюся жизнь он сохранил яркие воспоминания о том, чему стал свидетелем в следующие секунды и о чувствах, переполнявших тогда его душу: «Я услышал пронзительный вой топливных насосов, которые закачивали топливо в камеры сгорания, он был как очень громкий свист. А когда запускают двигатели, идет полный спектр звуковых частот, от визга до басовитого рокота». Он знал, что Р-7 висит над ущельем защитной траншеи на четырех изящных фермах, поддерживавших ее. Двигатели будут несколько секунд выходить на режим, приспосабливаясь к невероятным нагрузкам перед тем, как дадут полную тягу. «Я видел, как основание ракеты выплевывает огонь, когда запустили двигатели, и мелкие и крупные камни [окружавшей степи] летели по воздуху, такая шла реактивная струя». Он наблюдал, как «клешни», зажимавшие ракету, расходятся, точно гигантские металлические лепестки, освобождающие громадное металлическое семя; и уже позже, много позже, звук, чересчур громкий, чтобы его услышать: это дошла запоздавшая звуковая волна. «Она, как молот, стучит в грудную клетку, от нее перехватывает дыхание. Чувствуешь, как бетонный бункер сотрясается от этого звука… Свет от запуска ракеты очень яркий… Я видел, как она поднимается, чуть покачивается из стороны в сторону — значит, вспомогательные рулевые сопла нормально выполняют свою работу… Трудно рассказывать о запуске ракеты. Ни один из них не похож на другой, а я видел их множество. Описывать старт ракеты словами бесполезно. Это надо видеть. Каждый раз — будто впервые».

Титов смотрел, как слепящее пламя поднимается все выше, сжимается в искру, в точку, в гаснущий отпечаток на сетчатке, и в конце концов остался лишь едкий дымный след, колышущийся на ветерке и постепенно рассеивающийся. Наступившая тишина почему-то казалась более оглушительной, чем мощная звуковая волна при старте. Все на платформе стояли, повернувшись к Титову спиной.

Потом он снова спустился в бункер. Радиосвязь доносила голос Гагарина, рапортовавшего из космоса. «Так странно было слышать Юрин голос… Мы вместе сидели здесь каких-то полчаса назад, а теперь он там, где-то наверху. Это трудно было осознать. Время для меня словно остановилось. Вот что я чувствовал».

Титов был на Земле, а Гагарин — наверху. Первый человек в космосе. Его имя останется в памяти человечества, пока оно будет существовать. Если какой-то из космонавтов и был более разочарован, чем Титов, так это Григорий Григорьевич Нелюбов, который подошел буквально на волосок к тому, чтобы отправиться в первый космический полет. Он был почти ровесником Гагарина, он полетал на усовершенствованных истребителях МиГ-19 как пилот Черноморского флота, прежде чем войти в состав Первого отряда космонавтов, насчитывавшего двадцать кандидатов. Умный и блестящий человек, Нелюдов обладал единственным недостатком: ему постоянно требовалось находиться в центре внимания. В некоторых кругах очень склонялись в его пользу, но в конце концов его поместили на третье место, после Титова, что стало для него величайшим разочарованием.

Космическая карьера Нелюбова вскоре оборвалась — собственно, он так никогда и не побывал на орбите. 4 мая 1963 года Николай Каманин исключил его из отряда космонавтов за пьяную стычку с военным патрулем на железнодорожной платформе. Патруль задержал его за неподобающее поведение, а он (по словам Олега Ивановского) кричал: «Не имеете права! Я знаменитый космонавт!» Военные согласились отпустить Нелюбова, если он извинится за грубость, но он отказался. Два других космонавта, Аникеев и Филатьев, были просто свидетелями конфликта, но Каманин под горячую руку отчислил и их.

Нелюбов снова стал пилотировать МиГи на дальней авиабазе, где пытался убедить летчиков, коллег по эскадрилье, что когда-то был космонавтом и даже служил дублером самого Юрия Гагарина, но никто ему не верил. 18 февраля 1966 года в состоянии острой депрессии он бросился под поезд и погиб.

Изображение Нелюбова убрано на большинстве групповых портретов космонавтов, связанных с проектом «Восток». В 1973 году остроглазые западные историки обнаружили снимок, избежавший цензуры. Партийное руководство Звездного городка разрешило опубликовать это фото, не понимая его значения — фотография обнажила правду, скрывавшуюся долгие годы14.

Глава 6
108 минут

Примерно за час до старта Королев вышел на связь:

— Как слышите меня? Мне нужно вам передать..

— Вас слышу хорошо.

— Юрий Алексеевич, хочу вам просто напомнить, что после минутной готовности пройдет минуток шесть, прежде чем начнется полет. Так что вы не волнуйтесь.

— Вас понял. Совершенно спокоен.

— После минутной готовности шесть минуток будет, так сказать, всяких дел. — Королев имел в виду, что из-за незначительной технической проблемы процедуру запуска на шесть минут задержат.

Затем Гагарин услышал голос космонавта Поповича:

— Ты понял, кто с тобой говорит?

— Понял — Ландыш.

— Юра, ну, не скучаешь там?

— Если есть музыка, можно немножко пустить1.

Королев заботился о самых мелких деталях полета и занялся этим лично, приказав своим техникам найти какие-нибудь записи и сейчас же их поставить.

— Ну как, музыку дали вам, нет? — осведомился он через несколько минут.

— Пока не дали.

— Понятно, это же музыканты: пока туда, пока сюда, не так-то быстро дело делается, как сказка сказывается…

— Дали про любовь.

— Дали музыку про любовь? Это толково, Юрий Алексеевич, я считаю.

8:40. Гагарин почувствовал дрожь корабля — это захлопываются далекие клапаны; ракета покачивается, когда отводят топливные шланги.

— Юрий Алексеевич, мы сейчас вот эту переговорную точку переносим отсюда, со старта, в бункер. Так что у вас будет пятиминутная пауза.

8:51. Музыка смолкает. Гагарин слышит строгий, глубокий голос Сергея Павловича, теперь он очень серьезен:

— Юрий, пятнадцатиминутная готовность.

Для космонавта это сигнал: надо надеть перчатки и опустить прозрачное стекло шлема. В эти последние минуты перед стартом никакого «обратного отсчета» («пять-четыре-три-два-один», как в

НАСА) по системе публичного оповещения не велось. (Да и самой системы публичного оповещения не было.) Ракету запустят в заранее намеченное мгновение — в 9:06 по московскому времени. Юрий Мозжорин, специалист по навигации «Востока», как-то сказал: «Американцы делали свой обратный отсчет, просто чтобы добавить драматизма для телевидения». Последние предполетные секунды Гагарина совсем не похожи на кульминационные эпизоды остросюжетного фильма.

— Ключ на старт.

— Дается продувка.

— Ключ поставлен в дренаж…

— Дается зажигание…

Начинаются всевозможные вибрации, слышится пронзительный вой, грохот, низкий рокот. Гагарин знал, что в какой-то момент оторвался от земли, но когда это случилось, он так и не понял: это мгновение могли точно определить лишь электрические контакты раздвигающихся ферм пусковой башни. Четыре мощных захвата отошли от боков ракеты синхронно, не отставая друг от друга даже на сотую долю секунды. Гагарин неподвижно лежит в кресле, он напряг все мышцы. В любую секунду что-нибудь может произойти с двигателем, и тогда крышка люка над его головой отлетит, и система катапультирования выбросит космонавта в утреннее небо, точно пулю. Этот «спасительный» выброс может его убить; сломать позвоночник; переломить шею, словно цыпленку. Краем люка ему может оторвать ноги. И ко всему надо быть готовым…

Перегрузки нарастают. Пока никакого аварийного катапультирования… Сам он этого не помнил, но ему сказали, что при взлете он крикнул: «Поехали!» Официально одобренный рассказ Гагарина о старте из «Дороги в космос» ясно показывает его потрясение и восторг:

> Я услышал свист и все нарастающий гул, почувствовал, как гигантский корабль задрожал всем своим корпусом и медленно, очень медленно оторвался от стартового устройства. Гул был не сильнее того, который слышишь в кабине реактивного самолета, но в нем было множество новых музыкальных оттенков и тембров, не записанных ни одним композитором на ноты и которые, видимо, не сможет пока воспроизвести никакой музыкальный инструмент, ни один человеческий голос 2.

— Время — 70[12].

— Понял вас, 70. Самочувствие отличное, продолжаю полет,

растут перегрузки, все хорошо.

— 100. Как себя чувствуете?

— Самочувствие хорошее. Как у вас?..

Прошло две минуты с начала полета, и Гагарин стал замечать, что в радиомикрофон говорить трудновато. Перегрузки давили на его лицевые мышцы, «но это было не так уж тяжело. На МиГе при крутых виражах нагрузка была почти такая же», вспоминал он позже. Странно было, когда вдруг его приподняло и резко бросило вперед (удержали ремни). Мощная дрожь корабля показала ему, что четыре боковых стартовых двигателя Р-7 отделяются. «Семерка» приостановила набор скорости, словно переводя дыхание перед финальным спуртом. Затем заработала вторая ступень, и ощущение огромной тяжести вернулось.

Через три минуты после старта головной обтекатель отстрелял свои пиротехнические заряды, отделяясь и обнажая шар. Гагарин мельком увидел в иллюминаторы темно-синее небо: он уже находился на большой высоте. Теперь его стала немного раздражать яркость лампы, дававшей освещение для телевизионных камер. Из-за этого он щурился, когда определенным образом наклонял голову, например, пытаясь посмотреть в иллюминатор.

Пять минут в небе. Еще один толчок: отделилась отработавшая вторая ступень. Сложная аппаратура ценой в миллионы рублей была без всякого сожаления выброшена, точно использованная спичка. Дальше «Восток» поднимался на орбиту лишь на верхней ступени, с одним-единственным маленьким ракетным двигателем. Через девять минут после того, как он покинул площадку, Гагарин оказался на орбите. Вибрации прекратились, но сказать, что наступила полная тишина, было нельзя. Лишь те, кто никогда не поднимался на орбиту, имеют привычку описывать «необычное безмолвие открытого космоса». В корабле стоял шум от кондиционеров, вентиляторов, насосов, клапанов системы жизнеобеспечения, и еще больше вентиляторов таилось за пультами управления, они должны были охлаждать электрические цепи. Так или иначе, уши Гагарина все равно закрывали наушники, шипевшие и потрескивавшие собственными статическими разрядами, а кроме того, в них постоянно доносились требования руководства полетом: от космонавта ждали новостей. «Наступила невесомость, — рассказывал он. — Чувство невесомости переносится хорошо, приятно».

«Восток» плавно вращался — отчасти для того, чтобы не тратить топливо на ненужные маневры и предотвратить перегрев: нельзя было допустить, чтобы Солнце освещало одну и ту же часть аппарата слишком долго. В иллюминатор Гагарин вдруг

увидел проблеск голубого — такого яркого, какого он никогда в жизни не видел. В иллюминаторе прошла Земля, сместилась вверх и скрылась из вида, затем снова появилась в другом иллюминаторе с противоположной стороны шара и ушла вниз. Небо стало угольно-черным. Гагарин пытался разглядеть звезды, но телевизионная лампа в кабине била ему прямо в глаза. Вдруг в одном из иллюминаторов блеснуло ослепительно-яркое Солнце. А потом — снова Земля — горизонт у нее не прямой, а закругленный, точно край гигантского мяча, и над этим краем виден слой атмосферной дымки, невероятно тонкий.

Корабль двигался на восток, неизменно на восток, он пролетал восемь километров в секунду, циферблаты гласили: скорость — 28 000 км/ч. Но никакой скорости Гагарин не ощущал.

— Как самочувствие?

— Продолжаю полет, все идет хорошо, машина работает нормально. Слышимость отличная… Вижу Землю… Видимость хорошая… Наблюдаю облака… Красиво, красота-то какая!

Прошло меньше чем двадцать минут после запуска, а «Восток» уже проплывал над Сибирью. Затем, пролетев над Северным полярным кругом, восточной частью Северного полушария, корабль двинулся к северной части Тихого океана. В Петропавловске-Камчатском, едва ли не самой крайней точке «советского субконтинента», станция слежения рассчитала скорость и высоту прохождения «Востока» на основании поступающих данных телеметрии. Это была последняя возможность провести точные замеры перед тем, как инициативу перехватят станции морского базирования, оснащенные хуже. Алексей Леонов прибыл в Петропавловск-Камчатский за день-два до того, как Каманин и Государственная комиссия сделали на Байконуре окончательный выбор космонавта для полета. Так что, когда Леонов ждал сигналов от «Востока», в том числе и нечеткой телевизионной картинки из кабины, он понятия не имел, кто из его друзей будет в этой кабине. «Когда Юра полетел, еще не было никакого подобия теперешнего Центра управления полетами (расположенного в Калининграде, чуть севернее Москвы). Поэтому космонавтов ознакомили с различными аспектами экспедиции и разбросали по всем главным станциям слежения СССР. Вот я и отправился на Камчатку. У меня имелся совсем маленький телеэкран, и, когда я увидел картинку с „Востока“, я не понял, Юра это или Герман, но потом различил движения, характерные для Юры. Как только мы с ним вышли на связь, он услышал мой голос и сказал: „Привет Блондину!“ Так он меня

прозвал».

Петропавловск-Камчатский получил телеметрию с «Востока», и сигналы старательно зашифровали, а затем по наземной радиосвязи передали в Москву, где Юрий Мозжорин, академик Келдыш и команда операторов ЭВМ расшифровали закодированное сообщение и ввели данные в свои гигантские вычислительные устройства.

Но Петропавловск-Камчатский давал возможность лишь весьма кратковременного радиоконтакта с космическим аппаратом. Меньше чем через тридцать минут после того, как байконурским ранним утром «Восток» взмыл в небеса, он уже поплыл над Тихим океаном, в бескрайней тени спящего земного полушария. Внизу почивали обе Америки, Северная и Южная, эти объятые ночью континенты проносились под кораблем, и Гагарин видел их на своем маленьком навигационном глобусе лишь как смутные очертания со старинных географических карт. Теперь, в этом темном царстве, он мог различить звезды. Они были четкие, яркие и горели, не мерцая. Сейчас он видел больше звезд, чем в самые ясные зимние ночи на Земле.

Орбита увлекала «Восток» в Южное полушарие, и аппарат пронесся через Южную Атлантику, затем — над мысом Горн. С Земли Гагарину приказали подготовить переключатели к возврату в атмосферу. Он сверился по «Взору», правильно ли системы сориентировали корабль: сопла тормозных ракет должны были смотреть против направления движения, под определенным углом. Но Гагарину не нужно было переключать много тумблеров. Главным образом ему следовало сообщать наземным службам, управлявшим полетом, как ведет себя корабль. По всем рассказам, он так ни разу и не коснулся элементов управления и не нажал трех секретных цифр на клавиатуре.

В 10:25 по московскому времени, через 79 минут после начала полета, тормозные двигатели «Востока» точно в срок начали замедление корабля — он тогда пролетал над Западной Африкой. Они действовали ровно 40 секунд, а затем, как и следовало, отключились, исполнив последнюю обязанность, требовавшуюся от приборного и тормозного отсека, укрепленного позади шара. Четыре металлических захвата, удерживавших шар, отстрелило: взорвались небольшие заряды. При разделении Гагарин почувствовал, как его шар бешено вращается.

Первая фаза схода с орбиты прошла по плану. В секунды затишья, когда автоматические системы занимались своим делом, Гагарин начал осознавать грандиозность того, что он совершил: «Интересно, что скажут люди на Земле, когда им сообщат о моем полете», — подумалось мне… Вспомнилась мама, как она в

детстве целовала меня на сон грядущий в спину между лопаток. «Знает ли она, где я сейчас? Сказала ли ей Валя о моем полете?» 3

Нет, его родные не ожидали услышать эту новость, потому что весь полет окружала завеса секретности. Гагарину запрещалось сообщать Вале, но он решился на «ложь во спасение», сказав ей, что полетит 14 апреля, чтобы она не волновалась в истинный день запуска.

Зоя же готовилась заступать на смену в главной больнице Гжатска, когда утро словно взорвалось. «Для нас это было очень тяжело. Мы узнали обо всем по радио. Юра говорил маме, что собирается в командировку. Когда мама спросила: „Далеко?“, он ответил: „Очень“, так что мы не знали, куда и когда он поедет». Они даже не собирались в то утро включать приемник — маленький сын Зои (тоже Юра) делал уроки, а радио могло бы ему помешать сосредоточиться на задачках. Анна что-то наскоро стряпала. Зоя вспоминала: «Вдруг к нам вбежала Мария, жена Валентина, она задыхалась от волнения. Крикнула: „Юра!“ Мама так и замерла: „Что, что такое, разбился?“ Мария ответила: „Нет, пока нет“. Теперь все это кажется смешным, но тогда мы очень переживали. Наконец Мария объяснила: „Он в космосе!“ Я сразу сорвалась, ни о чем не подумав: „Господи, да у него же две маленькие девочки, как он мог? С ума сошел!“»

Но Анна оставалась совершенно спокойной. Она потянулась за пальто: «Я к Вале в Москву. Ведь одна она там, ребятишки несмышленые…»4

Да, она была внешне спокойна, но тоже утратила ясность мысли. Понятно, что она не могла просто выйти из дома и пойти в Москву. Сначала требовалось добраться до железнодорожной станции, а это несколько километров. Может быть, Валентин поможет ее подвезти.

И уже потом они включили радио.

Анна надела свое стеганое пальто и лучший платок, а потом ушла за билетом на поезд. Зоя позвонила в больницу и сказала, что плохо себя чувствует и не сможет прийти на работу. «К нам зашла соседка, и мы вместе слушали радио. Музыка перед новостями была веселая, и у нас немного отлегло от сердца. Потом музыка кончилась, и диктор сообщил, что имя майора Юрия Алексеевича Гагарина занесут в Книгу почета ЦК комсомола. Так поступают с погибшими, подумала я».

Но, к большому облегчению Зои, сообщения ТАСС вернулись к оптимистическому тону, и снова раздалась музыка, разудалый патриотический марш. Диктор сказал, что Гагарин благополучно

приземлился. «У меня просто гора с плеч свалилась», — рассказывает Зоя.

Валентин Гагарин, живший по соседству, шел на работу после обеденного перерыва, который он провел дома. Тогда-то он и услышал новости, хотя и не напрямую. Дочь Оля позвала его: «Папа, скорей домой иди. Мама плачет»5.

Было много криков и беготни из одного дома в другой. Юра в космосе! Нужно, чтобы кто-то довез Анну до станции, она едет в Москву…

Валентин мог исполнить это желание с помощью какого-нибудь грузовика: он работал в автохозяйстве. Появившись на работе, он увидел: делается что-то странное. Скорее даже *не* делается. «Все машины, как всегда, выстроены, готовы к выезду. Двери гаража открыты, но никого из водителей в кабинах нет, и моторы никто не завел. А принимающие не звонят, что грузы не доставлены. Хотя всегда звонили…» Никто в автохозяйстве никуда не ехал. Валентин отправился к своему начальнику Аркадию Григорьевичу, чтобы отпроситься у него отвезти мать на станцию. «Григорьев говорит: „Ты что, не видишь? Сегодня шофера не работают, все слушают по радио про твоего брата в космосе“. Тогда я спросил, нельзя ли мне на часок одолжить грузовик. Григорьев был на таком подъеме, что заорал: „Да бери какой хочешь! Бери какой поближе и двигай!“ Я залез в бензовоз, потому что это была первая машина на моем пути, у которой в замке зажигания торчал ключ».

Валентин подобрал Анну у старой электроподстанции. До поезда в Москву оставалось пятнадцать минут. На подъезде к станции пришлось объясняться с милиционером на мотоцикле: тот желал знать, куда Валентин так отчаянно спешит. Но когда выяснилось, что в бензовозе мать Первого космонавта, все пошло как по маслу. Поезд уже отходил, но диспетчер дал ему сигнал остановиться. «Мама поднялась в вагон, и кассирша тоже туда вбежала, потому что в спешке мама забыла взять сдачу».

После всей этой нервотрепки Валентину пришлось отправиться прямиком в райком — отвечать на многочисленные телефонные звонки.

В свою очередь, Алексей Гагарин, отец космонавта, в это утро вышел из дома очень рано. Он работал в колхозе возле Клушина, их родного села. Гагарин-старший спокойно занимался своим делом, когда к нему подошел другой колхозник и стал задавать странные вопросы насчет Юрия.

— А тебе-то что? — настороженно спросил Алексей.

— Ты что, не слышал? По радио сказали — мол, Гагарин Юрий Алексеевич, майор, в космосе летает…

— Майор, говоришь? А мой в старших лейтенантах ходит… Однако все ж приятно, если Гагарин.

И снова необычное совпадение. Алексей решил заскочить в сельсовет и узнать, что происходит. Заглянув в дверь, он увидел, что там полно народу и все шумят. Председатель сельсовета Василий Бирюков беседовал по телефону с секретарем Гжатского райкома. Тот говорил:

— Необходимо выяснить, где родился космонавт. Он есть в ваших книгах учета?

— Не нужно мне никаких книг! — возбужденно крикнул Бирюков. — У меня тут сам его отец! Соединяю с ним.

Ошеломленный, не готовый к таким событиям, Алексей взял трубку. Не то чтобы он не понял, в чем дело, просто слишком расчувствовался, чтобы говорить.

Чиновники из Гжатска хотели, чтобы Алексей тут же к ним прибыл, но именно сейчас это было почти невозможно — из-за весеннего паводка, затопившего все дороги. Хромота Алексея и общее состояние его здоровья не позволяли ему долго идти пешком, так что Бирюков добился, чтобы отца космонавта посадили на лошадь, на которой он смог бы преодолеть распутицу. Затем его усадили в кузов трактора, который кратчайшим путем двинулся через поля, оставляя в стороне залитые дороги. В конце концов Гагарина-старшего доставили в Гжатск, где он присоединился к Валентину и Борису, которые уже находились в райкоме и отвечали на нескончаемый поток телефонных звонков.

Валентин вспоминал: «Каждому из нас отвели по персональному кабинету и по телефону. Секретарь райкома попросил: „Вы можете рассказать про его биографию? А то мы не справляемся со звонками. Вопросы задают такие, что только вы в состоянии ответить на них“. Мы сели к аппаратам. Звонили беспрерывно, звонили из Москвы, Ленинграда, Киева, Владивостока, звонили из городов, названий которых я прежде никогда и не слыхивал. Звонили из-за границы. Из социалистических стран — Румынии, Польши, Венгрии…» Телефонисткам приходилось ограничивать разговоры двумя-тремя минутами. «В два часа приехали телевизионщики… Здание райкома весь день гудело, как взбудораженный улей».

До этого момента никто в мире не знал о Юрии Алексеевиче Гагарине, летчике, крестьянском пареньке из Смоленской области.

Зоя вспоминала: «Конечно, у нас не было ни минуты отдыха. Отовсюду приезжали журналисты». О да. Откуда ни возьмись —

толпа репортеров с фотоаппаратами и диктофонами. Они пытались добраться до Гжатска на «Волгах», «Чайках» и ЗиЛах, но из-за весенней распутицы дороги близ города оказались проходимы лишь для тракторов. Московским корреспондентам пришлось оставить свои машины за несколько сотен метров до гагаринского дома и дальше пробираться пешком, в городских ботинках, по грязи. Некоторые хорошо оснащенные съемочные группы прилетели на вертолетах. В то утро Анна распахнула окна дома, чтобы впустить свежий весенний воздух. Это была ошибка. Кое-кто из журналистов вежливо стучался в дверь, просясь войти, но многие залезали прямо в окна. Дом кишмя кишел журналистами, шарившими в вещах Гагариных, трогавшими, теребившими, хватавшими всевозможные предметы. Действовали они весьма эффективно, вторгались в личную жизнь едва ли не хуже КГБ и вряд ли были вежливее. Они спрашивали, нельзя ли одолжить семейные фотографии, брали их, обещая вернуть в целости и сохранности, но так и не возвратили ни одной. «После этого не было нам покоя, — вспоминает Зоя. — Отовсюду звонили. Хотели выяснить, кто такой Юра, откуда он. Они ничего не знали!»

Конечно, своего телефона у Гагариных не было. Ближайшие доступные аппараты располагались в райкоме, где Алексей и Валентин сражались со звонками. Позже позвонил сам Юрий и сообщил, что у него все в порядке. Анна сумела поговорить с ним вечером. «Но мы, конечно, еще до конца не верили, что все в порядке, пока его не увидели, — вспоминает Зоя. — Знаете, у нас говорят: не пощупаешь — не поверишь».

Во многих опубликованных рассказах утверждается, что спуск Гагарина на Землю прошел гладко, без серьезных происшествий. Сам Гагарин всегда предусмотрительно отстаивал собственную версию событий. В его официальном повествовании о полете «Дорога в космос» содержится почти неуловимый намек на некоторые проблемы: «Произошло автоматическое включение тормозного устройства… Невесомость исчезла, нарастающие перегрузки прижали меня к креслу. Они все увеличивались и были значительнее, чем при взлете. Корабль начало вращать, и я сообщил об этом „Земле“. Но вращение, обеспокоившее меня, быстро прекратилось, и дальнейший спуск протекал нормально»6.

«Вращение, обеспокоившее меня…» Для Гагарина единственной возможностью сказать правду о функционировании «Востока» в течение полета был его доклад на заседании Государственной комиссии. Как всегда, председательствовали Королев, Келдыш и Каманин. Решено было, что нецелесообразно посвящать «чужих» в какие-либо важные технические детали. И,

разумеется, Гагарину незачем было сообщать миру, что Первый космонавт мог погибнуть.

Перед самым возвратом в атмосферу главные соединительные элементы, связывавшие приборный отсек с шаром, отделились нормально, однако соединительный кабель с толстым пучком проводов, снабжавших шар энергией и информацией, отошел не совсем чисто. Несколько минут шар и задний модуль оставались соединенными друг с другом, точно ботинки с перепутавшимися шнурками. Страшная пара, кувыркаясь, неслась к Земле шаром вперед.

Тяжесть шара специально была распределена неравномерно, чтобы более толстый слой теплоизоляции за спиной Гагарина помог шару развернуться самостоятельно и встретил обжигающий напор земной атмосферы. Но такое положение теперь занять не удавалось: приборный отсек мешал нормальному обтеканию и нужному распределению массы. «Корабль начал быстро вращаться… Получился кордебалет, — докладывал Гагарин на закрытом заседании Государственной комиссии. — Я ждал разделения. Разделения нет… При выключении ТДУ все окошки на ПКРС погасли…[13] Затем вновь начинают загораться окошки на ПКРС… Разделения никакого нет… Я решил, что тут не все в порядке… Начинается замедление вращения корабля; причем по всем трем осям. Корабль начал колебаться примерно на 90° вправо и влево… Ощущал колебания корабля и горение обмазки. Я не знаю, откуда потрескивание шло: или конструкция подтрескивала, расширялась ли тепловая оболочка при нагреве, но слышно было потрескивание. В общем, чувствовалось, что температура была высокая»7.

Шар раскалился при возврате в атмосферу, и его окружил ионизационный слой, сквозь который не могли пробиться радиосигналы. Судя по всему, Королев и его наземные службы управления до конца осознали эту проблему лишь после того, как Гагарин приземлился.

Нагрев в атмосфере наконец прожег соединительный кабель, и приборный отсек отделился, но в результате шаром выстрелило по касательной, как из рогатки, и он снова тошнотворно завертелся. В какой-то момент скорость вращения стала настолько невыносимой, что Гагарин начал терять сознание: расплывались показания на приборах, в глазах потемнело.

Вероятно, Государственная комиссия провела обсуждение этой проблемы слишком поздно, и инженеры не успели провести необходимую модификацию техники перед экспедицией Германа Титова. Так или иначе, во время своего полета 6 августа он столкнулся с похожими трудностями. После полета Гагарин

описывал неполадку с разделением совершенно спокойно и безмятежно, однако Титов замечал, что, если его собственный опыт чего-то стоит, Первый космонавт неминуемо должен был задаться вопросом: «Что прочнее, капсула или другой модуль? Что сломается первым? Включаешь все записывающие устройства и передатчики, чтобы отправить сообщение на случай, если не выживешь. Видишь, как вращается маленький глобус, часы по-прежнему идут, а значит, информация до сих пор поступает по кабелям от приборного отсека. Капсула вращается очень быстро. Потом — мощное сотрясение. Отсеки врезаются друг в друга. Только вот нужно ли все это, а?.. Страшно ли было? Интересный вопрос. Меня там могло испепелить живьем, ну и что? Такое случалось».

Наконец Гагарин услышал, как мимо его шара со свистом проносится более плотный воздух, и стремительное вращение аппарата слегка замедлилось. В обугленный иллюминатор он видел бледно-голубое небо. Это его потрясло, но он знал, что в любую секунду с ним могут случиться новые беды. На высоте семь километров произошел отстрел крышки люка над его головой. Шум был чудовищный. Казалось, кабина стала такой открытой, такой обнаженной. Судя по опубликованному рапорту Гагарина о полете, в эту безумную секунду он подумал: «Не я ли это катапультировался?»

Рапорт не совсем согласуется с воспоминаниями Владимира Яздовского, одного из руководителей предстартовой подготовки и члена группы наземного контроля. По его словам, Гагарин включил катапультирование сам.

Вся процедура должна была осуществляться автоматически. Когда датчики зарегистрируют, что атмосферное давление соответствует высоте семь километров, Гагарина вместе с креслом выбросит из шара, а на четырехкилометровой высоте отделятся двигательный блок катапультного кресла и купол большого парашюта, чтобы дальше космонавт более плавно спускался на своем личном парашюте, меньшего размера. Если кресло само не отстрелится от шара вовремя, у пилота имелась возможность вызвать катапультирование самостоятельно, однако ему разрешалось делать это лишь по веским причинам8.

Когда в плотных слоях атмосферы шар начал замедлять свое падение и жар спал, восстановилась радиосвязь Гагарина с наземными службами. По словам Яздовского, «он сообщил, что перегрузки по-прежнему очень большие и что они его тащат в разные стороны. Мы ответили: „Держись“. Мы уговаривали его не катапультироваться слишком быстро, но он сделал это сравнительно рано, на неизвестной высоте».

Похоже, на Земле не знали о трудностях с разделением, которые Гагарину пришлось перед этим пережить, и не понимали, почему он жалуется на чрезмерное вращение и перегрузки. Возможно, Гагарину не хватило времени объяснить подробнее; или же он осознавал, что ему не следует обсуждать неполадки с разделением по голосовой связи, чтобы не подслушали западные станции слежения. Переговоры Гагарина с Землей на завершающей стадии полета не опубликованы, однако историк Филип Кларк считает, что после того, как приборный отсек отделился, шар еще долго мог вращаться с невыносимой скоростью. Решение Гагарина катапультироваться пораньше не обязательно было вызвано паникой. Возможно, он считал, что вращение капсулы помешает отстрелу кресла, а значит, чем раньше он совершит попытку выбраться, тем лучше.

Во всяком случае, катапультирование и приземление Гагарина прошли гладко. Как только прогорели ракетные заряды кресла, раскрылся большой парашют, призванный замедлить его падение. Затем отделилось само кресло, как и было запланировано, и Гагарин стал более плавно снижаться — уже на собственном парашюте.

Когда на Байконуре утро, в Вашингтоне ночь. В 1:07 по североамериканскому восточному времени радарные станции США зафиксировали пуск ракеты Р-7, а пятнадцать минут спустя станция слежения на Алеутских островах обнаружила явные признаки прямых переговоров с космонавтом. Советник Белого дома по науке Джером Уиснер позвонил Пьеру Сэлинджеру, пресс-секретарю Кеннеди, и сообщил ему новость. Сэлинджер уже подготовил заявление, с которым предстояло выступить президенту. Несколько часов назад тот отправился спать с дурным предчувствием. Уиснер спросил, разбудить ли его, как только русские запустят свою ракету. «Нет, — устало ответил глава государства, — сообщите мне утром»9.

В 5:30 по вашингтонскому времени мир узнал об успешном приземлении Гагарина и его встрече. Один прыткий репортер позвонил на флоридский космодром НАСА и спросил, сможет ли Америка догнать русских. Руководитель пресс-службы Джон Пауэре по прозвищу Коротышка в тот момент как раз на несколько часов задремал на своей тесной служебной койке. Вместе со многими другими сотрудниками НАСА он вкалывал по шестнадцать часов в сутки, готовя астронавта Алана Шепарда к первому полету на аппарате «Меркьюри». Звонок телефона в предрассветной тишине вызвал у Коротышки раздражение и застал его врасплох. «Это еще что?! — проорал он в трубку. — Мы

все спим!» Наутро газетные заголовки гласили: «Русские отправили человека в космос. Наша пресс-служба заявляет: США спят».10

Днем 12 апреля президент Кеннеди провел пресс-конференцию в Вашингтоне. Обычно на публике он был самоуверен и красноречив, но на сей раз, казалось, уверенности в нем поубавилось. Его спросили:

— Господин президент, один из членов конгресса сегодня заявил, что устал от вечного отставания США от русских в области космоса. Каковы наши перспективы, догоним ли мы их когда-нибудь?

— Все устали, а я больше всех. Дайте нам время. Сначала будут приходить дурные вести, но потом — хорошие. Надеюсь, мы будем осваивать другие сферы, в которых сможем стать первыми, и не исключено, что это принесет всему человечеству более долгосрочную выгоду. Но сейчас мы отстаем11.

Глава 7
Возвращение домой

Королев, Мозжорин и баллистики из ОКБ-1 точно знали, в каком направлении двинется шар Гагарина, ворвавшись в атмосферу и устремившись к Земле. Но они не знали, как далеко пролетит аппарат в этом направлении. ЭВМ Келдыша давали расчеты траектории лишь с точностью до нескольких километров. В бескрайнем космосе этого более чем достаточно. Однако для «Востока», возвращающегося на родину, эти километры были весьма существенны: одно дело — благополучно сесть в чистом поле, другое — проломить крышу и уничтожить всех, кто находится под ней. Маршрут возвращения «Востока» выбирали с большой тщательностью, постаравшись, чтобы на его пути оказалось как можно меньше зданий. В сценариях спуска предпочтение отдавалось обширным лугам, лесистым равнинам и полям.

В наши дни российские капсулы приземляются в бескрайних (и, как предполагается, необитаемых) степях Казахстана, не так уж далеко от того места, откуда они когда-то впервые взлетели. Хорошо отработанная процедура обнаружения аппарата и встречи экипажа осуществляется уже несколько десятилетий. А тогда, в 1961 году, Королев и его сотрудники, составлявшие план космической экспедиции, были не очень-то готовы сбросить своего Первого космонавта в никуда. Гагарин приземлился неподалеку от того района, где он, член Саратовского аэроклуба, когда-то впервые поднялся в воздух на стареньком Як-18. Точное место его посадки: Саратовская область, 26 километров к юго-западу от города Энгельса, возле деревни Смеловка.

С земли невозможно было увидеть ни отстрел крышки люка, ни внезапный выброс катапультного кресла Гагарина: все это происходило на семикилометровой высоте. Однако тракторист Яков Лысенко услышал где-то в небе над головой отчетливый хлопок. Конечно, Яков посмотрел вверх. Спустя двадцать секунд до него долетело слабое эхо взрыва люковых зарядов. За это время Гагарин со своим аппаратом успел спуститься на три километра, приближаясь к земле под раскрытыми парашютами. Теперь его уже можно было различить невооруженным глазом. Впрочем, не исключено, что на самом деле Лысенко слышал другой хлопок, раздавшийся несколько ближе к земле, когда на высоте четырех километров отцепился стабилизирующий парашют шара и раскрылся другой купол. «Если над тобой

пролетает самолет или что-то такое, можно услыхать грохот, но я-то никакого самолета не видал, — говорит Лысенко. — Моторы не ревели. Я стоял и глядел, и вот я увидел в воздухе шар. Ну, не то чтоб шар, а так, спускалось что-то на парашюте. Я подумал: летчик из самолета».

Лысенко кинулся в Смеловку — поднимать тревогу. Для храбрости он собрал друзей, и они двинулись через поля туда, где, как он наблюдал, сел «пилот». Гагарин, похоже, очень обрадовался встрече с простыми людьми. «Мы подошли, а он уже шел к нам, — рассказывал Яков. — Он был очень бодрый и довольный, после удачного-то приземления. На нем был летный костюм, или как там это называется. Он нам сказал: „Давайте знакомиться, братцы. Я первый человек в мире, который побывал в космосе, Юрий Алексеевич Гагарин“. Он всем пожал руки. Я представился, и он попросил: „Ребята, не уходите. Сейчас вот-вот прибудет начальство. Они приедут на машине, их будет полно, но вы побудьте тут. Давайте-ка снимемся на память“. Но о нас, понятно, все забыли. Приехали не то из города, не то из гарнизона, сразу посадили его в машину. Он просил нас не уходить, но его увезли, и больше мы его не видели».

С устрашающей быстротой, откуда ни возьмись, появилась официальная группа встречающих. Генерал Стученко все утро осматривал небеса с помощью радара ближнего радиуса действия. Гагарина и его спускаемый аппарат обнаружили задолго до того, как они упали на землю, и Стученко тут же рассредоточил силы согласно обстановке. «Военные прилетели на самолете. Некоторые даже высаживались на парашюте, — вспоминал Лысенко. — Просто какая-то армия интервентов. Нам не разрешили подходить близко. Какие-то они все были странные».

Может, Лысенко и не самый многомудрый человек, ведь он простой тракторист, но он отлично выражает геополитическое значение увиденного в тот день: «Советский Союз объявил, что запустили космический корабль, первый в мире. На нем полетел Юрий Алексеевич Гагарин. Радовалась вся страна. Какая это была обида для заграницы. Америка — мощная страна, но и они все-таки не смогли стать первыми. Как говорится, важно, кто первым перебежит болото. Вот как я это понимаю».

Лысенко и его приятели не были единственными людьми, наблюдавшими посадку первого космонавта. Гагарин ясно пишет об этом в своем официально одобренном рассказе о приземлении:

> Ступив на твердую почву, я увидел женщину с девочкой, стоявших возле пятнистого теленка и с

любопытством наблюдавших за мной… Я ведь все еще был в своем ярко-оранжевом скафандре, и его необычный вид немножечко их пугал… «Свой, товарищи, свой!» — ощущая холодок волнения, крикнул я, сняв гермошлем. «Неужели из космоса?» — не совсем уверенно спросила женщина. «Представьте себе, да», — сказал я 1.

«Холодок волнения». Каждый тогда в Советском Союзе знал о судьбе американского шпиона Гэри Пауэрса, сбитого над русской территорией в мае прошлого года. Может быть, этот пилот в оранжевом — еще один иностранный шпион, спустившийся на парашюте с подбитого самолета? Некоторые западные историки космоса утверждают, что какие-то колхозники даже двинулись на Гагарина с поднятыми вилами и опустили их, лишь разглядев большие красные буквы «СССР», красовавшиеся на лбу белого гагаринского гермошлема, а Ярослав Голованов рассказывает: «Когда увидели гагаринский оранжевый скафандр, женщины перепугались, все же помнили ту прошлогоднюю историю с Пауэрсом. Они стали спрашивать: „Куда вы идете? Что вы задумали?“ Они подумали: а вдруг он шпион?»

Информация ТАСС о полете прозвучала по радио практически одновременно с реальным спуском Гагарина. По всей вероятности, колхозники действительно поначалу встретили его с определенным беспокойством — ведь некоторые из них, видимо, ушли из дома на работу рано утром и не слышали по радио сообщений о космическом полете…

Кому же все-таки выпала возможность первым встретить космонавта? Лысенко с товарищами или женщине с ребенком, о которых упоминает сам Гагарин? «А, я и позабыл, — поправляется Лысенко. — Все верно, когда мы пришли туда, где он сел, жена местного лесника, Тахтарова, сажала картошку со своей внучкой, у них там рядом был участок. Когда он приземлился, нас там не было. Она испугалась и хотела убежать. А потом уж он нас увидел.

В тот же день на этом месте, примерно там, где ноги Гагарина, вернувшегося из космоса, впервые коснулись земли, поставили нехитрый столбик с табличкой:

НЕ ТРОГАТЬ

12.04.61

10 ч. 55 м.

моск. врем.

Через два дня там был установлен более солидный каменный обелиск с надписью: „Здесь приземлился Ю. А. Гагарин“. Но никакие памятные знаки не отметили, куда упал его опустевший корабль. Гагарин катапультировался на большой высоте и потому успел отдалиться от спускаемого аппарата и приземлился в двух километрах от него. В современных документах нет ясности по этому вопросу. Зафиксировать место падения капсулы означало бы раскрыть секрет — тот факт, что Первый Космонавт приземлился отдельно от аппарата, на своем собственном парашюте. Однако сведения, хоть и не вполне официальные, о падении капсулы имеются. Считается, что она упала на берегу одного из притоков Волги, — на лугу играли дети, и они увидели, как в опасной близости от плотины опускается шар. Он выбил вмятину в мягкой земле. Сегодня она ничем не отличается от тысячи таких же углублений в податливой почве окрестных полей.

Две школьницы, Тамара Кучалаева и Татьяна Макарычева, подбежали посмотреть на удивительный предмет. „Мы должны были сидеть в школе на уроке, но все мальчишки убежали. Они видели, как по небу летит какой-то шар, — рассказывает Татьяна. — Он был огромный. Он упал, подскочил, снова упал и замер, так и лежал на боку. Там, куда он ударился в первый раз, [в земле] появилась большая дырка. Мальчишки побежали и забрались в эту яму. Они нашли там много тюбиков с космической едой, притащили их в школу и сказали нам, что приземлился космический аппарат“.

Работая над книгой, я встретился с Тамарой Кучалаевой и Татьяной Макарычевой. Две спортивные, привлекательные женщины были несколько удивлены, что их ностальгический поход по холмам и долинам в поисках места приземления космического аппарата оказался не очень-то легким. „Вот сегодня мы сюда дошли и уже устали, но вы себе представить не можете, как быстро мы в детстве бегали! — говорила Тамара. — Мы услышали новости по радио и все запрыгали от восторга“. Мальчики гордо раздавали найденные тюбики космической еды. А Татьяна вспоминала: „Некоторым повезло, им достался шоколад. — А другим — картофельное пюре. Помню, я попробовала и выплюнула. Если бы нам эти штуки сегодня

предложили, мы бы отказались“.

К тому времени дети (и многие взрослые) уже вовсю лазили вокруг и внутри шара в поисках сувениров. Наконец прибыл армейский отряд для охраны объекта, но солдат оказалось слишком мало. Тамара рассказывала: „Они нас пытались испугать. Кричали: „Уходите, уходите! Может взорваться!“ Но их угрозы на нас совершенно не действовали“.

У жителей Саратовской области была возможность собрать кое-какие памятные сувениры. Гагарин освободился от парашюта, как только приземлился, потому что немного беспокоился, как бы ветер не сшиб его с ног. Вскоре этот парашют пропал, а более крупный купол, на котором спускался шар, изорвали на кусочки охотники за сувенирами. Тяжелая крышка люка тоже где-то приземлилась, как и отделяемый приемопередатчик и другие компоненты аварийного запаса, а также крышка второго люка, закрывавшая парашютный отсек шара.

Все эти предметы пережили любопытные приключения, прежде чем их нашли. Вот, к примеру, история с лодкой-плотом. Если бы шар опускался в океан, Гагарин мог бы оставаться в аппарате вплоть до самого приводнения, потому что удар о воду был бы гораздо слабее удара о землю. Однако не существовало никакой гарантии, что шар продержится на воде длительное время. Космонавту пришлось бы как можно быстрее забираться на надувной спасательный плот. В действительности он опустился на территорию России в полном соответствии с планом, так что нетронутый плот остался внутри шара. Видимо, кто-то взял его без спросу и через пару дней отправился с ним порыбачить на одном из притоков Волги. Вскоре в этот район прибыло большое подразделение КГБ и потребовало, чтобы местные жители вернули всё оборудование, похищенное из „Востока“, в том числе и плот. О, прибывшие просили „очень вежливо и вполне дружелюбно“: они пригрозили, что, если пропавшее снаряжение не будет немедленно возвращено, всех жителей Смеловки арестуют. Тракторист Лысенко вспоминал, как все забегали: „Может, что-то и порвали, а что-то пропало. Может, лучше никому не говорить… Парнишки нашли лодку. Явились кагэбэшники и говорят: „Государственная собственность. Мы ее должны забрать“. Они заходили во все дома. На всех давили“.

Журналисту Ярославу Голованову есть что добавить к этому рассказу: „В конце концов особисты нашли свое сокровище, и бедному рыболову оставалось только юлить: „Вы уж извините, но лодка-то сдулась, да и порвалась“. Ребята из КГБ решили развеять измышления рыболова: „Лодка в отличном состоянии. Нигде не порвана“, — заявили они“.

Судя по всему, сотрудникам КГБ не хотелось сообщать начальству, что кто-то из местных забавлялся с историческими реликвиями из снаряжения Первого Космонавта, прежде чем им, сотрудникам, удалось все собрать.

Гагарину пришлось исполнять общественный долг, едва его ноги коснулись земли при посадке. Пожилую женщину и ее внучку требовалось успокоить, заверив, что он не вражеский шпион. Колхозным парням из Смеловки — сказать, что он действительно не хочет, чтобы их забыли, ведь они отнеслись к нему очень дружелюбно. А теперь всё вокруг заполонили военные, и к нему подошел майор Гасиев, возглавлявший поисковую команду. Гагарин лихо отдал честь и произнес:

— Товарищ майор! Космонавт Советского Союза старший лейтенант Гагарин выполнил…

— Да ты уже майор!.. Пока летал, тебе присвоили звание „майор“, — объявил Гасиев, улыбаясь. Равные по званию дружески обнялись, и Гасиев конечно же засыпал его вопросами2.

Теперь следовало оформить рекорд высоты. Спортивный комиссар Иван Борисенко сообщил Гагарину, что космонавту нужно подписать некоторые документы. В 1978 году Борисенко писал о том, как „подбежал к спускаемому аппарату, возле которого стоял улыбающийся Гагарин“. Едва ли: капсула упала в двух километрах, поэтому Борисенко, по всей видимости, встретился с космонавтом на месте его самостоятельного приземления или же на каком-то другом поле близ Смеловки, а рядом стоял большой вертолет, готовый доставить Гагарина в Энгельс, на авиабазу. Таким образом, уже вскоре после приземления Первый Космонавт беспечно подмахнул целую стопку беззастенчивого борисенковского вранья3.

В вертолете Гагарин вежливо и с энтузиазмом отвечал на все вопросы, которыми его забрасывали сопровождающие военные. На что похожа Земля из космоса? А каково это — в невесомости? Он начинал понимать, что повсюду его будут спрашивать почти об одном и том же. Но вдруг он ненадолго притих. По словам Голованова, космонавт сказал: „А вот Луну так и не удалось посмотреть. Но это не беда — посмотрю в следующий раз“4. И он приободрился и стал отвечать на новые вопросы.

Генерал Стученко встретил Гагарина на летном поле в Энгельсе и сразу же, как свидетельствует Голованов, перед космическим путешественником встала новая сложная социальная проблема.

— Юрий Алексеевич, в боях за освобождение Гжатска был только один командир. Вы ведь меня помните?

— Нет, не помню. — Неудачный ответ. Стученко явно

огорчился, и Гагарину пришлось быстро соображать, как поправить положение. — Я хочу сказать, лица вашего не помню. Но я помню, что командир был. Так это вы? Как здорово! Значит, вы мой двойной крестный отец. Один раз вы меня спасли от фашистов, а теперь вы меня встречаете из космоса!

Этот отклик оказался более удовлетворительным. Стученко спросил:

— Как вы смотрите на то, чтобы мы послали в Москву самолет за вашей женой? Валентину привезут сюда, и вы сможете полететь домой вместе.

Еще одно неудобство: как отказаться от столь любезного предложения, исходящего от старшего по званию, да еще от генерала.

— Большое вам спасибо за заботу, товарищ генерал, но, боюсь, не получится. Валя сейчас сидит с нашей новорожденной дочкой.

Эта часть разговора тоже прошла вполне безоблачно. Стученко проводил Гагарина в офицерскую казарму базы, откуда тот мог позвонить родным и рапортовать об успешном полете Первому секретарю КПСС по специальной защищенной линии. Космонавт говорил очень осторожно, отлично зная, что каждое его слово зафиксируют для потомства. „Советский человек в космосе“, брошюра ТАСС, отпечатанная сразу же после полета, полностью воспроизводит этот диалог5.

— Я рад слышать вас, дорогой Юрий Алексеевич.

— Никита Сергеевич, счастлив доложить вам, что первый космический полет успешно завершен.

Хрущев какое-то время продолжал официозную беседу, но не мог удержаться от обычных вопросов.

— Скажите, Юрий Алексеевич, как вы чувствовали себя в полете, как протекал этот первый космический полет?

— Я чувствовал себя хорошо… Во время полета я видел Землю с большой высоты. Были видны моря, горы, большие города, реки, леса.

А теперь — главное удовольствие для Хрущева.

— Мы вместе с вами, вместе со всем нашим народом торжественно отпразднуем этот великий подвиг в освоении космоса. Пусть весь мир смотрит и видит, на что способна наша страна, что может сделать наш великий народ, наша советская наука.

Гагарин должным образом разделил его чувства:

— Пусть теперь все страны догоняют нас!

— Правильно! Пусть капиталистические страны догоняют нашу страну!

По словам Федора Бурлацкого, одного из ближайших помощников Хрущева, на того произвела большое впечатление жизнерадостность Гагарина и энтузиазм, звучавший в его ответах. Он искренне хотел поскорее увидеть молодого человека в Москве, чтобы вместе с ним два дня отмечать это событие — пышно и широко.

— Спасибо, Никита Сергеевич, — сказал Гагарин в завершение. — Еще раз благодарю вас за большое доверие, оказанное мне, и заверяю, что и впредь готов выполнить любое задание Советской Родины.

Может быть, он думал о Луне. В конце концов, Сергей Павлович Королев перед самым стартом вложил в его руку копию вымпела лунной станции и заметил: возможно, когда-нибудь он подберет оригинал…

Остановка в Энгельсе стала недолгой передышкой. Он сделал необходимые звонки, а затем сел в более мощный самолет — Ил-14 и отправился в Куйбышев, лежащий примерно в 350 километрах к северо-востоку от Саратова. Там он день-два отдохнет, а утром четырнадцатого полетит в Москву.

Через час после того, как ракета Гагарина оторвалась от стартовой площадки, Титов, Ивановский, Галлай, Каманин и большая делегация Байконура погрузилась на борт самолета Ан-12, направлявшегося в Куйбышев. В списке пассажиров больше всего было заметно отсутствие Королева. Он все еще следил за переговорами между далекими наземными станциями и слушал сообщения с судов, отслеживавших финальную фазу орбитального движения „Востока“ и его спуск. (Позже они с Олегом Ивановским вылетели в Саратовскую область, чтобы проконтролировать вывоз шара.)

Настроение у Титова было странное, возможно, даже несколько угрюмое. Он рассказывал: „Мы сели на территории Куйбышевской военно-воздушной базы, там же располагался большой авиационный завод, где выпускали пассажирские самолеты. Потом на Ил-14 прилетел Юра. Его привезли из-под Саратова. Вокруг него толпились генералы, а я был всего лишь старший лейтенант с очень маленькими звездочками. Но мне интересно было узнать, каково это — быть в невесомости? Юра спускался по трапу, и я всех растолкал. Они на меня уставились: „Что это за полоумный лейтенантик?“ Мы, все прочие космонавты, были людьми, так сказать, засекреченными [никому не известными]. Но тут я добрался до Юры. „Как там невесомость?“ — спросил я. „Нормально“, — ответил он. Так мы впервые встретились после его полета“.

Заградительная сетка по периметру аэродрома прогибалась под тяжестью любопытных, все они знали, что происходит. Когда машина Гагарина выехала с авиабазы и двинулась по главной улице города с эскортом из милиционеров на мотоциклах, его встречали восторженные толпы. „Кто-то из толпы кинул под колеса машины велосипед: хотели, чтобы Юра остановился и поприветствовал их. Машина вильнула, чтобы избежать аварии, — вспоминал Титов, ехавший позади на другом автомобиле. — Уж не помню, пострадал ли велосипед, но люди очень хотели увидеть Юру, это факт“.

Под Куйбышевом была подготовлена специальная дача на берегу Волги: там Гагарин мог пройти медосмотр и один день отдохнуть, прежде чем рано утром 14 апреля вылететь в Москву. Олег Ивановский встретил его там и крепко обнял: „Я его спросил: „Как себя чувствуешь?“ А Гагарин ответил: „Ты-то как? Посмотрел бы ты на себя, когда крышку люка открывал! У тебя тогда по лицу цвета побежалости ходили!“[14] К нему все спешили, но я не потерял голову. Я дал ему сегодняшнюю газету, и он мне написал несколько теплых слов рядом с фотографией, на ней он снят в шлеме. Все, кто имел отношение к „Востоку“, подходили к нему, и каждый интересовался, есть ли у Гагарина замечания по оборудованию, каждый спрашивал про свои компоненты“.

Гагарину удалось выкроить время на душ, относительно спокойную прогулку по берегу Волги и на нормальную трапезу, не переставая быть приятным и полезным для бесконечных вопрошателей. На предварительной пресс-конференции он поделился впечатлениями о Земле — как она смотрится из космоса: „Дневная сторона Земли была ясно видна — побережья континентов, острова, большие реки, обширные водные пространства. Я впервые увидел собственными глазами, что Земля — шар. Картина горизонта была очень красивая“. Потом он описал вид заката с орбиты и невероятную тонкость земной атмосферы „в разрезе“: „Виден цветной переход от яркой Земли к темному космосу, тонкая граница, точно пленочка, окружает земной шар. У нее очень нежный голубой цвет, а переходы цвета постепенные и плавные. Когда я вышел из тени Земли, на горизонте протянулась ярко-оранжевая полоса, потом она посинела, а затем стала совершенно черной“6.

Некоторые корреспонденты (и даже кое-кто из космонавтов) с трудом могли воспринять красочное гагаринское описание восхода и заката, которые он успел увидеть в течение 90 минут (орбитальный период „Востока“ без учета фаз ускорения и торможения). Немногие поняли, что он подразумевает под „тенью

Земли“. Тогда, в 1961 году, это приключение — космический полет — казалось необыкновенным и чудесным.

А вечером, когда всех, кроме самых близких коллег, наконец разогнали, Гагарин тихо сыграл в бильярд с Космонавтом-2 — вежливым, но подавленным Германом Титовым. „Я все еще ему завидую, до сих пор, — спустя много лет признавался Титов. — У меня очень вспыльчивый характер. Я легко могу нагрубить, обидеть кого-нибудь и спокойно уйти, но Юрий Алексеевич мог непринужденно болтать с кем угодно — с пионерами, рабочими, учеными, колхозниками. Он умел говорить на их языке, понимаете? И я этому завидовал“. Но оба они были пилоты, это их всегда объединяло. Если они и не слишком любили друг друга, то ощущали взаимное уважение. Они играли на бильярде, и Титов с неподдельным интересом слушал, как Гагарин объясняет разные события, случившиеся в полете. Теперь, когда этот успех был навсегда запечатлен в истории человечества, Космонавт-2 мог быть уверен, что в ближайшие несколько месяцев и ему выпадет шанс полететь. „Восток“ хорошо показал себя, и „семерка“ Сергея Павловича, судя по всему, теперь работала надежнее, выйдя из шаловливого подросткового возраста. Но, видимо, дачная бильярдная показалась Гагарину слишком публичным местом, чтобы вдаваться в детали касательно неудачного разделения шара и приборного отсека. Их Титову предстояло открыть самому. Гагарин ни о чем его не предупредил.

Один настырный репортер сделал несколько неформальных снимков Гагарина в тусклом свете бильярдной, пока его не прогнали. „Все, хватит“, — произнес Титов.

„Хватит“? Как бы не так.

На другой день Королев, Каманин, Келдыш и другие члены Государственной комиссии собрались на этой даче, чтобы задать Гагарину вопросы по поводу его полета. За закрытыми дверями он счел возможным описать проблему с тормозной установкой более детально. До сих пор не совсем ясно, почему эту проблему так и не решили до полета Титова, состоявшегося 6 августа. Вероятно, какие-то изменения в конструкцию внесли, но они не принесли результата. Кабели, передающие данные от приборного отсека, подключались к большому круглому диску, установленному на шаре, с помощью 17 игольчатых контактов, каждый из них состоял из набора более мелких иголок, так что в сумме получалось 80 электрических соединений. Непросто было мгновенно разорвать такое сложное подключение. Подобные немудрящие механические проблемы мешали выполнению советской космической программы на ее ранних этапах7.

В Америке инженеры НАСА также обнаружили, что отделять капсулы при возврате в атмосферу — дело непростое. Как и русские, они полагались на толстые пучки проводов, соединявшие капсулы с модулями обеспечения. Важнейшее различие — в том, что они при этом никогда не пытались отключить бесчисленные контакты: место соединения оставалось в неприкосновенности, соединительные кабели просто разрубали специальным лезвием-гильотиной», приводимой в движение затвором с небольшим зарядом взрывчатки. Если лезвие не сработает, в дело вступит запасное, чуть выше. С гибкими проводами куда легче справиться, чем с неуклюжими разъемами. Как ни странно, блистательный Королев не нашел этого решения, и соединительные узлы «Востока» были перегружены съемными зажимами, замками с миниатюрными зарядами и прочими механизмами, которые в те времена работали не очень-то удачно.

Рано утром 14 апреля Гагарин вылетел в Москву. Он поднялся по трапу в салон большого лайнера Ил-18, способного выполнять дальние перелеты. Через несколько недель он уже не будет мысленно называть его по номеру. С усталым юмором он будет именовать его «домом родным».

Почти весь полет его расспрашивали журналисты. Поздравительные радиограммы передавались в пилотскую кабину, и члены команды по очереди заходили в салон, чтобы перемолвиться с пассажиром. Через четыре часа уверенного движения самолет подлетел к месту назначения; в паузе между беседами Гагарин выглянул в иллюминатор. На земле его ожидала совершенно новая жизнь:

«На подлете к столице нашей Родины к нам пристроился почетный эскорт истребителей. Это были красавцы МиГи, на которых в свое время летал и я. Они прижались к нашему воздушному кораблю настолько близко, что я отчетливо видел лица летчиков. Они широко улыбались, и я улыбался им. Я посмотрел вниз и ахнул. Улицы Москвы были запружены потоками народа. Со всех концов столицы живые человеческие реки, над которыми, как паруса, надувались алые знамена, стекались к стенам Кремля»8.

Ил-18 совершил посадку во Внукове раньше, чем предполагалось. Гагарину пришлось еще несколько минут пробыть на борту, пока не наступило время начала запланированных торжеств. Он радовался, хотя и нервничал.

А на земле, в Москве, Валентин, Борис, Зоя и Алексей уже встретились с Хрущевым и его женой Ниной, к приехавшим Гагариным успели присоединиться Анна и Валя. Зоя вспоминает, с какой теплотой к ним отнеслись Первый секретарь ЦК КПСС и

его супруга. «Он держался с нами очень просто и скромно, а она посвящала нам все свое время. Мы четыре дня провели в Москве, и каждое утро Нина нас навещала, а уходила только днем. Все было очень непринужденно».

Первое официальное мероприятие прошло в аэропорту. «Мы остались в Москве, чтобы немного отдохнуть, а потом, четырнадцатого, нас повезли во Внуково встречать Юру. Мы приехали и сразу увидели самолет с эскортом истребителей, нам сказали, что это летит Юра. Но, когда самолет приземлился, он не сразу вышел, так что мы даже начали волноваться. Нина Хрущева сказала: „Не беспокойтесь, самолет прилетел немного раньше, чем планировалось, но, как только придет положенное время, ваш Юра выйдет“. И действительно, через несколько минут он вышел».

Ему разложили длинную красную ковровую дорожку. (Нина Хрущева сообщила Валентину: «Обычно стелют голубую».) Юрий спустился по трапу и ступил на ковер, он выглядел как настоящий герой в своей новенькой майорской форме и шинели, но Зоя тут же заметила нечто ужасное. «Я увидела, что за ним по земле что-то волочится. Это был шнурок его ботинка». Гагарин тоже это заметил и во время своего торжественного прохода по ковровой дорожке безмолвно молил, чтобы не споткнуться и не выставить себя на посмешище именно сейчас. Позже он признался Валентину, что на этом ковре он волновался сильнее, чем во время космического полета. Но все обошлось, он не споткнулся. Развязавшийся шнурок случайно попал в кадр многих документальных фильмов о событиях этого знаменательного дня. Владимир Суворов, официальный оператор отряда космонавтов, рассказывал в своем дневнике, как позже велись бесконечные дискуссии — вырезать ли из хроники те эпизоды, где виден болтающийся шнурок, или оставить. В конце концов, по настоянию самого Гагарина, кадры сохранили. «Промах», как выяснилось, имел особое пропагандистское значение9.

Так или иначе, улыбающийся и твердо держащийся на ногах Гагарин благополучно достиг убранного цветами помоста, где Первого Космонавта торжественно приветствовал Хрущев и другие высшие партийные руководители. Затем он обнялся с родными. Валя храбро стояла в общей очереди, ожидая объятий и поцелуя. Алексей с Анной были одеты в простую одежду, непритязательную почти до нарочитости. Они бы предпочли приодеться по-нарядней, но Хрущев очень настаивал, чтобы они показались общественности в образе скромных колхозников. Конечно, Анна так и сияла от гордости, но Гагарин наверняка понимал, как она за него боялась в эти один-два дня. Он обнял ее,

вытер ей слезы платком и шутливо сказал детским голоском: «Не плачь, мама. Я больше не буду».

Церемония во Внукове была относительно краткой. Более важное мероприятие проходило в центре Москвы. Гагарины и Хрущевы уселись в черный лимузин ЗИЛ и двинулись на Красную площадь. Зое показалось, что ее знаменитый брат выглядит почти так же, как обычно, только немного устало.

В тот день Гагарину дали редкостную привилегию — персонального водителя. Федор Демчук получил от властей новенькую «Волгу-21» с самым современным и модным аксессуаром — третьей противотуманной фарой. Отныне он вместе с этой «Волгой» был постоянно приписан к майору Гагарину.

С Королевым обращались не с таким почетом. Он также встречал Гагарина во Внукове, но Главный Конструктор стоял чуть в стороне от главной группы, принимавшей космонавта, и Хрущев ничем не показал, что узнал человека, который больше всех остальных сделал для нынешнего триумфа. Королеву не предоставили сияющую «Волгу». Он купил старенький лимузин, «Чайку», в одном из зарубежных посольств, чтобы по крайней мере достойно прибыть во Внуково, однако, судя по всему, никто не хотел выставлять его напоказ, ведь он представлял собой живую государственную тайну. О нем нельзя было говорить, а уж тем более торжественно демонстрировать его публике. Ему даже не разрешали носить награды. В довершение всего, подержанная «Чайка» сломалась по пути из Внукова в Москву, так как лопнул ремень вентилятора, и ему пришлось ловить машину, чтобы добраться до Красной площади. В длинном официальном перечне ученых и военных, академиков и политиков, присутствовавших на торжествах по случаю первого полета человека в космос, имя Королева не названо. Спустя почти сорок лет его коллега Сергей Белоцерковский говорил: «Это было очень несправедливо по отношению к Королеву, и Юру это расстроило. Нобелевский комитет обращался к СССР с запросом, можно ли наградить создателя первого в мире спутника и того, кто впервые отправил человека в космос, но наши власти положительно ответа не дали. Эту несправедливость так никогда и не исправили».

На Красной площади Гагарин и его родные стояли рядом с Хрущевым и другими партийными вождями на традиционном возвышении, символе коммунистической власти, — трибуне Мавзолея. А наверху над главными улицами столицы летали вертолеты, разбрасывавшие листовки. Советская армия с грохотом и топотом вышагивала по расчищенному участку Красной площади, но куда большее пространство было отдано

громадной ликующей толпе. Фасад ГУМа закрыли гигантским портретом Ленина с лозунгом: «Вперед, к победе коммунизма!» Победа эта казалась вполне в пределах достижимого — по крайней мере, в тот день.

Чтобы усилить его торжественность, не требовалось особых пропагандистских усилий, достаточно было просто изложить факты: Советский Союз запустил в космос человека. Федор Бурлацкий, один из ближайших помощников Хрущева и его спичрайтер, вспоминал: «У меня текли слезы, и многие люди на улицах тоже плакали от потрясения — от радостного потрясения, ведь человек взлетел в небо, царство Бога, и, что важнее всего, этот человек — наш, русский. И это было почти спонтанное ликование. Обычно в России при Сталине и даже при Хрущеве все эти демонстрации народных чувств были тщательно срежиссированы, но эта — нет. Здесь все было искренне, все от души, по крайней мере для девяноста процентов населения Советского Союза».

Титов и некоторые другие космонавты из первого отряда присутствовали на этих торжествах в гражданской одежде. Им не разрешалось подниматься на Мавзолей и стоять там рядом с Гагариным и руководством страны, они должны были оставаться на уровне земли. «Я видел море людей, лавину радостно кричавших, улыбавшихся лиц. Детей сажали на плечи, чтобы им было видно. Юра стоял на Мавзолее рядом с членами правительства, — рассказывал Титов. — Когда я его там увидел, меня это ошеломило. Только тогда я осознал невероятную важность события, которое так тронуло всех этих людей. Все радовались. Радовался весь мир — человек побывал в космосе! Это было необыкновенно».

С трибуны Гагарин произнес речь. Ему удалось выразить свои чувства с особой жизнерадостностью и искренностью, так что все банальности насчет коммунизма, Родины и партии на какое-то время обрели истинность, глубину. В заключение Гагарин сказал: «Мне, дорогие товарищи, особенно хочется отметить огромную отеческую заботу о нас, простых советских людях, проявляемую Никитой Сергеевичем Хрущевым. От вас, Никита Сергеевич, от первого через несколько минут после приземления, после возвращения из космического пространства на нашу родную землю я получил теплое поздравление с успешным завершением полета… Слава Коммунистической партии Советского Союза и ее ленинскому Центральному Комитету во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым!»

Перед всеми закулисными врагами, ждавшими от него проявлений слабости, Хрущев продемонстрировал неуязвимость,

тесную связь с сегодняшним триумфом. Благодарственная речь Гагарина, с таким тактом и прямотой обращенная к громадной ликующей толпе, оказалась именно такой, какую хотелось услышать Хрущеву. С этого момента молодой космонавт надолго стал его политическим фаворитом. Переполненный гордостью и счастьем, вытирая слезы радости, Хрущев несколько раз обнял Гагарина, а затем произнес напыщенную речь, обращаясь к толпе, восторженно внимавшей ему и регулярно прерывавшей его слова долгими взрывами искренних аплодисментов.

14 апреля 1961 года советский народ по-настоящему поверил в себя, в то, что ему любые трудности по плечу. На какое-то время могло почудиться, что страшное время сталинских репрессий осталось в прошлом. Хрущев внушал неизмеримо меньший страх — желал, чтобы его любили без принуждения. Придя к власти, он даже осудил сталинские зверства. У него было много врагов, но в тот день, имея в запасе достижение Гагарина, потрясшее мир, Хрущев был неуязвим. Пока неуязвим10.

Разумеется, молодой человек, который помог ему одержать эту замечательную победу, в ближайшие месяцы и годы мог рассчитывать на самую горячую личную признательность Первого секретаря. К сожалению, дружба Хрущева означала вражду со стороны его соперников. Когда Леонид Ильич Брежнев, по сути — заместитель Хрущева[15], поздравлял Гагарина во Внуковском аэропорту и обращался с ним как с равным себе высоким сановником на трибуне Мавзолея, он проделывал это со всем положенным дружелюбием и демонстративной теплотой, однако его непроизвольные движения, зафиксированные в документальных фильмах об этих событиях, показывают, что он был не совсем искренен. В октябре 1964 года его почтительное отношение к Первому космонавту испарилось в одну ночь — как только Хрущев перестал находиться у власти.

Вечером состоялся торжественный обед в огромном Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Предполагалось, что это будет завтрак, но празднества на Красной площади продолжались целых шесть часов. Энтузиазм толпы и ее горделивое терпение казались безграничными, и Хрущев постарался выжать из этого дня как можно больше славы.

На обеде Валентин, проголодавшийся и стерший себе ноги, с большим энтузиазмом набросился на еду и напитки. «Там стоял громадный круглый стол. Сплошные деликатесы. Юру наградили „Золотой Звездой“ Героя и орденом Ленина. Последними его поздравили отцы церкви — один наш, два мусульманских и двое еще каких-то. Кто-то из них спросил: „Юрий Алексеевич, вы

видели Иисуса Христа на небе?“ А он ему: „Это вам лучше знать, святой отец, видел я его там или нет“.

Валентин с удовлетворением подметил, что во всех уголках зала имеются неплохие запасы хорошей водки — по крайней мере, возле мужских приборов. „Рядом с каждым стояла бутылка „Столичной“, не эта современная дрянь, а такая, которую выпьешь — и еще хочется. Еще там имелся коньяк, вино и по три пустых бокала на брата. Я не знал, какой из них взять, так что решил делать как отец. Он взял средний — и я взял средний. Я выпил и спросил: „А беспартийным сколько разрешается пить?“ Все притихли. Тогда-то я и смекнул, что дал промашку. Но тут отец ответил: „Законный вопрос, Валентин Алексеевич. В наше время партийным нужно пить в два раза больше, чем беспартийным!“ Все захохотали, и напряжение прошло“.

Валентин глотнул еще, чтобы оправиться от смущения, и с веселым удивлением стал разглядывать группу мусульманских представителей южных республик. „Знаете, они были пьянее всех. Им же запрещается, верно? Но здесь-то выпивка была бесплатная. Они были очень потешные, и югославы тоже. Поляки тоже неплохо пили. Потом некоторых приходилось выводить под локотки и укладывать в их машины“.

К сожалению, добраться до еды оказалось сложнее, чем получить спиртное. „Официантов там не было, никто нас не обслуживал. Так что было совсем как при коммунизме. Носом чуешь, глазами видишь, а руками дотронуться и съесть не можешь. А Хрущев все орал насчет того, что всемирный коммунизм не за горами“.

И в самом деле, счастливый и торжествующий Хрущев находился в своем знаменитом состоянии, когда он любил стучать по столу. Космонавт Алексей Леонов вспоминает этот прилив оптимизма: „Он объявил, что наше поколение будет жить при настоящем коммунизме. Мы все обнимались, хлопали, кричали „ура!“. И мы ему правда верили, потому что в то время успехи нашей страны были очевидны для всего мира. Только гораздо позже, когда мы повзрослели и кое-что узнали об экономической реальности, мы поняли, что это заявление Хрущев сделал немного преждевременно“».

С конца апреля Гагарин, неутомимо выполняя свои обязанности, совершал скучные заграничные визиты — вовсю колесил по «странам народной демократии», сателлитам СССР Чехословакии и Болгарии, а затем отправился в Финляндию. В июне 1961 года он вернулся в Москву, чтобы провести долгожданный отпуск с Валей и детьми. Отзывчивый Гагарин

нашел время и для того, чтобы дать интервью очередным журналистам. Как всегда, его перевозил персональный шофер Федор Демчук. Индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас писал: «Личные друзья и друзья его страны приветствовали Гагарина как героя дня… Но, когда я впервые встретился с ним… знакомство было неожиданно простым… Дверь отворилась, и вошел человек, хорошо всем известный по миллионам фотографий. Однако я не узнал его. Здороваясь, я все еще не догадывался, что этот коренастый юноша и есть прославленный герой космического века. Даже в своей щегольской авиационной форме он выглядел таким обычным, таким по-мальчишески юным, что на какой-то миг мне подумалось: „Наверное, этот офицер пришел сообщить, что герой сейчас прибудет…“»11

Как обычно, все победило обаяние Гагарина, и вскоре Аббас стал относиться к нему более уважительно. Возможно, индиец поначалу и ощутил некий укол разочарования, но все дело тут в принципиальной «обыкновенности» Первого Космонавта. Если бы Хрущев и его советники хотели, чтобы Советский Союз представлял в космосе какой-то супергерой, они выбрали бы другого кандидата.

Уилфред Бёрчетт и Энтони Парди, представители британской прессы, 9 июня встретились с Гагариным в московском Клубе зарубежных журналистов, и на них сразу же произвели впечатление его энтузиазм, крепкое рукопожатие и уверенные ответы на их вопросы. Они сообщили ему, что пишут книгу о его подвигах, и он польстил им, заметив, что при их авторской целеустремленности «следующим в космос должен полететь писатель».

Беседа повернула на проекты НАСА. Гагарин с мягкой иронией отозвался о программе «Меркьюри», в рамках которой 5 мая астронавт Алан Шепард совершил первый пробный суборбитальный «прыжок», длившийся всего 15 минут. Бёрчетт и Парди предположили, что американская капсула была оснащена более сложными устройствами контроля, двигателями и навигационными системами, чтобы Шепард мог по-настоящему управлять своей машиной — в большей степени, чем космонавт «Востока». По существу, это было верно, однако Гагарин увел разговор в сторону, сосредоточившись на небольшой продолжительности экспедиции «Меркьюри». «Много ли науправляешь за пять минут? — посмеивался он. — И какой смысл в ручном управлении? Я мог бы вести „Восток“, если бы захотел. Система управления стояла двойная, но в переходе на ручную не возникало необходимости, она была не так уж важна». Получалось, что профессиональный пилот как бы говорит: его

работа, главные его умения не имеют никакой ценности. Но в то время Гагарин вряд ли мог сказать что-нибудь иное12.

Журналисты зашли с другого бока и предположили, что оборудование, установленное в кабине «Меркьюри», превосходит оборудование «Востока». Опять-таки это во многом было верно. Гагарин возразил: «Трудно сравнивать. У „Востока“ очень большая кабина и тяга двигателей гораздо сильнее. Мы летаем выше, быстрее и дольше».

Бёрчетт и Парди поинтересовались, какой момент полета был самым худшим. «Возврат в атмосферу, — без колебаний ответил он, но тут же, собравшись с мыслями, оговорился: — Только „худший“ — понятие относительное. Ничего особенно плохого не происходило. Все работало нормально, все было организовано четко, все шло как надо. Это была просто прогулка».

Неудивительно, что Бёрчетт и Парди не обратили внимания на эти нюансы. Филип Кларк, современный британский специалист по русской космической истории, полагает, что, если бы история об отказе тормозной системы «Востока» всплыла в 1961 году, она вызвала бы сенсацию, но Гагарин с большой осторожностью относился ко всем задававшимся ему вопросам и в ответах старался не допускать ошибок, особенно о приземлении.

После приема и торжеств в Москве западные журналисты, полные подозрений, насели на Гагарина. 17 апреля корреспондент «London Times» писал:

«Подробности метода приземления не разглашаются. На прямой вопрос об этом, заданный на многолюдной пресс-конференции, майор Гагарин, более неохотно, чем при прочих разъяснениях, ушел от ответа, заявив: „В нашей стране разработано много приемов посадки. Один из них — приземление на парашюте. В этом полете мы применили схему, при которой пилот находится в кабине“. Опубликованные фотографии дают слабое представление об устройстве корабля, но гордость майора Гагарина за этот аппарат стала отчасти понятна, когда он поморщился, услышав на пресс-конференции слово „самолет“».

Спортивный комиссар Иван Борисенко в июле 1961 года полетел в Париж, где ему предстояло отвечать на более въедливые вопросы Международной федерации астронавтики (МФА) о рекорде высоты, который, как он утверждал, поставил «Восток». Руководитель МФА напрямую осведомился у делегации, возглавляемой Борисенко: «Где при возврате на Землю находился пилот по отношению к космическому аппарату?» Борисенко нахально выкрутился: «Спросите у американцев, верят ли они, что Гагарин действительно поставил рекорд! Все люди во всем мире

признали полет Гагарина свершившимся фактом»13.

Пререкания длились несколько часов, но наконец МФА уступила, не вынуждая Советы предоставлять более четкие свидетельства. Теперь Борисенко мог размахивать перед скептиками свеженьким дипломом МФА — как доказательством того, что Гагарин приземлился, не выходя из корабля, и поэтому его притязания на высотный рекорд вполне законны.

11 июля 1961 года Гагарин и сопровождающие его лица вылетели в Лондон на аэрофлотском лайнере Ту-104. Левая лондонская газета «Daily Mirror» с восторгом приветствовала его визит, резко критикуя скромность официального приема. Теперь этот материал кажется странным предвестием грядущих событий, поскольку тогдашнее консервативное правительство вскоре начало рушиться под напором более современных веяний шестидесятых:

> Гагарин — отважный человек, олицетворение одного из величайших научных подвигов всех времен. Вчера, после двух дней чванливой паники, связанной с выбором должного протокола, британское правительство наконец приняло решение, как ему встретить всемирного героя. И кого же, спрашивается, они отправили встречать его от имени всего британского народа? Не премьер-министра Макмиллана. Не министра иностранных дел лорда Хоума. Даже не министра науки лорда Хэйлшема. На этой уникальной встрече Британию представлял никому не известный чиновник, некто Фрэнсис Фирон Тёрнбулл, кавалер ордена Британской империи, пятидесяти шести лет. Официальное объяснение — то, что Гагарин… не является главой государства.

Гарольд Макмиллан в конце концов с ним встретился (хотя и не в аэропорту) и позже описывал его как «замечательного парня». Собственно, визит Гагарина в Великобританию организовали скорее профсоюзы, чем правительство, однако простые британские граждане в огромных количествах стекались его поприветствовать. «Times» писала, что космонавта «ждал теплый прием, иногда граничивший с истерией. Ликующие толпы выстроились на всем его пути от аэропорта до Лондона». На веренице автомобилей он и его спутники прибыли в громадный выставочный центр Эрл-корт на западе Лондона. Там он обратился к толпе студентов, затем дал пресс-конференцию перед двумя тысячами журналистов из Британии и со всего мира. Британская элита тут же изменила свои планы по встрече Первого космонавта. Его пригласили в Адмиралтейство, в Министерство

авиации, в Королевское научное общество и наконец — в Букингемский дворец, для аудиенции у королевы. Ярослав Голованов, проверенный журналист, всегда находившийся рядом с ним, говорил, что в гагаринском расписании пришлось выкроить для этой встречи дополнительный день, а значит, аудиенцию, видимо, не планировали заранее, что придает событию особую необычность. Скорее всего, она стала поспешной реакцией на сложившиеся обстоятельства. «Times», по сути, подтверждала это, сообщив 12 июля: «Из-за приглашения во дворец майор Гагарин вернется домой в субботу, а не в пятницу, как первоначально планировалось».

За неофициальным завтраком, имевшим место 15 июля, королева была благосклонна, особенно когда Гагарин столкнулся с неизменной проблемой всех неопытных дворцовых гостей, попадавших за этот стол: он не знал, как обращаться с громадным количеством столовых приборов. Голованов вспоминал: «Он сказал: „Ваше величество, знаете, я первый раз завтракаю с королевой Великобритании, и мне очень трудно разобраться, какими вилками и ножами пользоваться“. Он улыбнулся, и королева тут же ответила ему в тон: „Знаете, я родилась в этом дворце, но до сих пор путаюсь“. После этого все пошло очень тепло и искренне».

Королева задавала Гагарину всевозможные вопросы, в которых, как всегда, официозность прорывало простое человеческое любопытство. В какой-то момент он тактично заметил: «Может быть, вы меня с кем-то путаете? Я уверен, у вас в Королевских ВВС много таких же пилотов, как я». Да, Первый космонавт оказался неоценимым подарком для советской дипломатии, но позже он потихоньку признался Голованову, что для него изображать из себя идеального посланца СССР — слишком большое напряжение, и он начинает уставать. «Выходит столько статей про полет. Все обо мне пишут, и мне как-то неловко, они меня изображают каким-то супергероем. А я, как и все, делал ошибки. У меня есть свои слабости. Не стоит никого идеализировать. Я смущаюсь, когда из меня делают пай-мальчика. Такое всякому надоест».

Гагарин начал уставать от лести на пресс-конференциях. Тогда он придумал несколько фокусов: например, напоминал слушателям, что на его медали Героя Советского Союза значится номер 11 175. «Получается, до меня 11 174 человека совершили что-то достойное. Я не согласен с разделением людей на простых смертных и знаменитостей. Я по-прежнему простой смертный. Я не изменился». (Однажды, в Москве, он весело рассмеялся, услышав, как женщина в толпе удивленно воскликнула:

«Смотрите, он порезался, когда брился!»)

5 августа Гагарин прибыл в Канаду по приглашению финансиста Сайруса Итона. Они проехали двести километров, отделяющие Галифакс от Пагуоша (Новая Шотландия): там у Итона имелся большой дом, где в 1957 году он вместе с философом Бертраном Расселом провел знаменитое совещание по вопросам ядерного разоружения — Пагуошскую конференцию. Нетрудно догадаться, что Москва с радостью согласилась отправить Гагарина с таким визитом, но звездный гость Итона вскоре отвлекся от происходящего: поздним вечером 8 августа он узнал, что на орбиту вышел Герман Титов. Он спросил, можно ли послать поздравительную телеграмму, и Николай Каманин ему это устроил. Титов услышал послание Гагарина на шестом витке: сообщение передали наземные службы[16]. Сайрус Итон вежливо свернул торжества, чтобы Гагарин с коллегами могли тут же вылететь обратно в Россию. Внезапно они почувствовали, что совершенно отрезаны от важнейших событий. Каманин отмечал: «Пока мы толкаем речи, американцы готовят свой космический корабль. Нам надо двигаться вперед».

Не прошло и трех недель, как турне Гагарина возобновилось. Его приезд на Кубу 24 августа стал весьма важным политическим событием — проявлением солидарности Советского Союза с режимом Фиделя Кастро, установленным на острове два года назад. Гагарин и Николай Каманин сошли с самолета в удушающую жару, облаченные в ослепительно-белую летнюю форму. В Советском Союзе события в заливе Свиней казались триумфом, а не поражением[17]. Помощники Кастро с радостью сообщили Гагарину: «„Барбудос“ отразили нападение врага», а он ответил: «Таких людей, глубоко верящих в правоту своего дела, поставить на колени нельзя!» Как обычно, он без подсказки прекрасно знал, что следует говорить. На многолюдном митинге он провозгласил: «Все двести двадцать миллионов советских людей — искренние и преданные друзья кубинского народа»14.

В 1967-м, последнем году своей жизни, Гагарин уже не так охотно будет славить советский режим и верить каждому победному заявлению властей.

Глава 8
Космическая гонка

Недолгое космическое путешествие Юрия Гагарина стало одним из важнейших событий XX века — и для России, и для Америки, ответившей на него колоссальным промышленным подъемом. Космическая гонка принесла миру не только застежки-липучки и беспригарные сковородки: она заложила основы современной технологии. Так, микрочипы совершенствовали из-за того, что электронные микросхемы пятидесятых оказались слишком большими для использования в ракетах. Интернет вырос из Арпанета — защищенных от внешних атак систем связи, созданных Агентством передовых исследовательских проектов (АРПА), предшественницей НАСА, правительственной структурой, планировавшей космическое будущее США. Современная медицинская диагностика чрезвычайно многим обязана исследованиям, проводившимся космическими врачами. Развитие индустрии всемирных коммуникаций, о которых так долго мечтали фантасты, после появления спутников пошло с невероятной скоростью. По всей вероятности, эти технологии и без того рано или поздно возникли бы, но едва ли так быстро. И все это — благодаря колхозному пареньку со Смоленщины, бросившему вызов самой могущественной державе планеты.

Джон Логсдон, возглавлявший вашингтонский Институт космической политики и являвшийся советником целого ряда президентов США, так объяснял влияние полета Гагарина на американское сознание: «В нашем силовом противостоянии с Советским Союзом произошло внезапное изменение баланса, потому что Советы ясно продемонстрировали: при желании они смогут запустить ядерную боеголовку на межконтинентальные расстояния, прямо в сердце „американской твердыни“. Поднялась шумиха: да как же мы допустили, чтобы нас обогнала эта якобы отсталая страна?»

До сих пор президент Кеннеди не принимал космос особенно всерьез, но вечером 14 апреля 1961 года он пришел в большое возбуждение, увидев, как мир реагирует на полет Гагарина. Он расхаживал по своему кабинету в Белом доме и спрашивал советников: «Что мы можем сделать? Как нам их догнать?» Джером Уиснер, советник Кеннеди по науке, осторожно предложил отвести три месяца на изучение и оценку ситуации, но президент желал более скорого ответа. «Если бы кто-нибудь мне просто сказал, как нам их догнать. Давайте кого-нибудь найдем,

кого угодно. Пусть он будет хоть здешний сторож, мне все равно, главное, чтобы он знал, как нам это сделать». Он специально сказал об этом в присутствии Хью Сайди, ведущего журналиста «Life». Глава государства вдруг захотел, чтобы его увидели поборником космической программы1.

Через три дня Кеннеди потерпел еще более сокрушительное поражение. Корпус из 1300 беженцев с Кубы при поддержке ЦРУ высадился в кубинском заливе Свиней, чтобы свергнуть коммунистический режим Фиделя Кастро. Сам Кеннеди лично одобрил этот проект, но войска Кастро узнали о готовящейся операции задолго до ее начала и уже поджидали врагов на побережье. Рейд полностью провалился, так как ЦРУ не удалось обеспечить обещанную поддержку проамериканским силам внутри страны. Вопреки всем ожиданиям, «порабощенное» население Кубы не выразило ни малейшего желания участвовать в свержении Кастро. ЦРУ долго не могло оправиться от смущения. Более того, никто не попытался даже спасти интервентов.

Судя по всему, администрация Кеннеди зашаталась уже в свои первые сто дней — в традиционный «медовый месяц», во время которого новый президент, как предполагается, должен всех встряхнуть и показать свое политическое лицо. Вот тут-то Кеннеди и ухватился за космический проект, чтобы вернуть доверие избирателей. В поворотном циркуляре от 20 апреля он предписывал вице-президенту Линдону Джонсону подготовить подробный обзор американской ракетной программы:

> 1. Есть ли у нас шансы обставишь Советы, выведя в космос лабораторию, или совершив путешествие вокруг Луны, или посадив на Луну ракету, или отправив на Луну пилотируемый аппарат и вернув его обратно. Есть ли еще какие-то направления в космических исследованиях, где мы можем опередить русских?
>
> 2. Какое дополнительное финансирование для него потребуется?
>
> 3. Работаем ли мы по 24 часа в сутки над уже существующими программами, и если нет, то почему? Если нет, составьте рекомендации относительно того, как можно ускорить работу.
>
> 4. На чем нам делать упор при создании больших космических двигателей — на ядерном, химическом или жидком топливе? Или на сочетании всех трех?
>
> 5. Прилагаем ли мы максимум усилий? Добиваемся ли необходимых результатов? 2

Этот документ, состоящий из одной-единственной страницы, можно рассматривать либо как одну из самых сенсационных государственных директив XX столетия, либо как поспешно продиктованный секретарю панический отклик на скверную для Белого дома новость. Так или иначе, эта бумага, несомненно, заложила основы для самого масштабного технологического проекта со времен «Манхэттена», в рамках которого во время войны создавалась атомная бомба. Речь идет о проекте «Аполлон» — программе высадки на Луну.

Джеймс Уэбб, тогдашний директор НАСА, был абсолютно уверен, что Советы обставят Америку в краткосрочной перспективе — в таких перечисленных президентом Кеннеди программах, как орбитальные «рандеву» и немудреные космические станции. Уэбб предложил президенту заняться высадкой на Луну — долгосрочным проектом, который потребует столь колоссальных ресурсов и высочайшего уровня технологического развития, что Советский Союз, скорее всего, тут проиграет США3. Кеннеди и Джонсон согласились с Уэббом, но окончательное решение зависело от того, сумеет ли НАСА в буквальном смысле сдвинуть с мертвой точки свою программу пилотируемого космического полета. 5 мая, всего через 23 дня после гагаринского полета, американский астронавт Алан Шепард поднялся в небо с помощью маленькой ракеты-носителя «Редстоун». Это был не орбитальный полет, а скорее «прыжок» по баллистической суборбитальной траектории продолжительностью 15 минут. Средняя орбитальная скорость «Востока» составляла 28 000 км/ч, тогда как «Меркьюри» Шепарда достиг лишь 8300 км/ч. «Восток» обогнул весь земной шар, а «Меркьюри» плюхнулся в Атлантический океан на расстоянии всего 510 километров от места запуска. Однако полета этого «пушечного ядра» оказалось достаточно, чтобы подтвердить потенциальные возможности НАСА.

Сразу же после полета Шепарда Джеймс Уэбб воспользовался достигнутым успехом, чтобы укрепить позиции своего космического агентства. Его советники по бюджету рекомендовали ему как можно сильнее занизить ориентировочную стоимость лунного проекта, если он стремится получить санкцию президента, однако Уэбб, устроив едва ли не самый талантливый блеф, когда-либо затевавшийся госслужащими США, удвоил оценочную стоимость и совершенно с невозмутимым выражением лица представил ее Кеннеди. Речь шла о колоссальной сумме — больше 20 миллиардов (притом в долларах 60-х годов), которые предполагалось потратить в ближайшие восемь лет.

Ошеломленный этими цифрами, Кеннеди все-таки решил поддержать проект «Аполлон». В своей исторической речи перед конгрессом 25 мая 1961 года он заявил: «Я уверен: наша страна должна посвятить себя достижению этой цели — еще до конца нынешнего десятилетия высадить человека на Луну и благополучно вернуть его обратно на Землю. Никакой другой космический проект в это время не будет более впечатляющим для человечества и более важным для исследований космоса с точки зрения долгосрочной перспективы и никакой другой проект не будет столь же трудным и дорогостоящим».

Между тем Уэбб и Джонсон, хитроумные политики-южане, начали плести сложную и разветвленную сеть: обещали фирмам аэрокосмические контракты, разрабатывали планы строительства, сулили политическое покровительство, и все это — чтобы заручиться финансовой поддержкой «Аполлона» в сорока штатах. За четыре года затраты НАСА составили пять процентов от годового федерального бюджета страны и привлекли свыше 250 тысяч сотрудников, от Тихого океана до Атлантики. Уэбб довольно замечал, что в этой финансовой игре они добились для себя «административной скидки». В основе процветания современного НАСА — тогдашняя убежденность Уэбба в том, что агентство просто обязано использовать этот, представившийся ему шанс, дабы утвердиться в качестве постоянной составляющей американской жизни, пока не угасло всеобщее увлечение космосом. За последующие десятилетия ни один президент не оказывал НАСА такой поддержки, как Кеннеди, никто не был готов тратить на космос столько денег4.

И все это случилось благодаря тому, что Алан Шепард полетел всего через 23 дня после Гагарина. Джон Логсдон дает удивительную поправку: «Полет, который Шепард совершил 5 мая 1961 года, через каких-то три недели после Гагарина, должен был осуществиться в марте. При пробном запуске „Меркьюри“ 31 января в небо поднялся шимпанзе Хэм, однако тормозные ракеты сработали слишком поздно, и Хэм опустился [на 210 километров] южнее заданного района приводнения. Его спасение заняло несколько часов, и он был очень этим недоволен, как вы понимаете. Техническая проблема оказалась довольно простой, ее очень легко было устранить, но пришлось провести еще одно испытание „Меркьюри“, прежде чем отправить в нем человека. Возникает любопытный вопрос: а если бы вторым оказался Гагарин? Думаю, история повернулась бы совсем по-другому».

Но Гагарин стал первым, и американская реакция была неизбежна, особенно если учесть энергичность президента США. Логсдон говорит: «Считалось, что это не успех Советов, а провал

Америки. Думаю, речь шла не только об отклике Кеннеди на общественное мнение [относительно Гагарина]. Полагаю, оказались задеты его личные чувства. В нем всегда очень сильно проявлялась вечная потребность быть первым, дух соперничества… Видимо, он искал возможность показать, что он настоящий лидер, и предпринять какие-то смелые действия».

Хьюго Янг, журналист газеты «London Times», в 1969 году отмечал нечто похожее: «Отклик Кеннеди явил нам в первую очередь человека, патологически страдающего от поражения. Триумф Гагарина безжалостно высмеял идею динамизма, которую президент предложил американскому народу. Следовало отомстить — не только за страну, но и почти в такой же степени за себя самого»5.

Джером Уиснер, советник по науке, покорился неизбежному, хотя по-прежнему не видел смысла транжирить такие чудовищные суммы на проект «Аполлон». Он утихомирил совесть, вытребовав у Кеннеди обещание. «Я попросил, чтобы он по крайней мере никогда не говорил публично, что посадка на Луне — научный эксперимент. Он сдержал слово»6.

Запад быстро увлекся Космической гонкой, чем очень развеселил космонавта Германа Титова и его друзей. «О какой гонке они толкуют? Никакой гонки нет, потому что мы, русские, и так уже впереди планеты всей».

Хрущев и Политбюро не сразу ответили на речь Кеннеди собственной лунной программой. Вместо этого Хрущев настаивал, чтобы Королев в кратчайшие сроки произвел несколько «впечатляющих» запусков ракет в надежде деморализовать американцев с их космическим проектом, пока тот не зашел слишком далеко и не стал совершенно неудержимым. Конечно же в долгосрочной перспективе советская экономика не могла тягаться с невообразимым американским бюджетом «Аполлона». Однако пока Королев продолжал выдавать результаты со своим «Востоком» и ракетой Р-7, приспособленной для мирных целей, он мог рассчитывать на поддержку космического проекта со стороны Кремля.

НАСА в тот период также временно полагалось на «конверсионные» военные ракеты-носители, а не на ускорители, специально сделанные для космических целей. 21 июля 1961 года астронавт Вирджил Гриссом по прозвищу Гас тоже пролетел по суборбитальной дуге в капсуле «Меркьюри», приводимой в движение баллистической ракетой «Редстоун», и достиг высоты 190 километров. Полет чуть было не закончился катастрофой, когда небольшую крышку люка его капсулы отстрелило вскоре

после приводнения. Астронавт выбрался из залитого водой аппарата без шлема, и вода полилась ему за шиворот, внутрь скафандра. Он пытался подать сигнал приближавшимся спасательным вертолетам, но с изумлением увидел, как они спокойно пролетают над капсулой и совсем не спешат ему на помощь. Оказывается, вертолетчики думали, что Гриссом их радостно приветствует. Не обращая на него совершенно никакого внимания, они сосредоточились на том, чтобы извлечь капсулу из волн, прежде чем она уйдет в глубину, но она так отяжелела от воды, что грозила утянуть за собой вертолет. В конце концов Гриссома выручили, а его аппарат отправился на дно Атлантического океана. В сообщениях для прессы НАСА старательно завуалировало тот факт, что астронавт чуть не погиб в море, и превозносило экспедицию Гриссома как почти полный успех.

6 августа с Байконура стартовал Герман Титов. Он совершил 17 витков вокруг Земли на борту второго пилотируемого «Востока», проведя в небе 24 часа, причем некоторое время управляя кораблем вручную. «Когда я полетел, — вспоминал Титов, — моя жена [Тамара] пошла в лес за грибами. Было воскресенье, и она специально решила удрать от журналистов с их настырными вопросами». В полете Титова очень сильно тошнило, вышла из строя система обогрева кабины, так что он чуть не погиб от холода, к тому же тормозящее устройство отделилось не до конца, что его несколько встревожило («Я подумал: может, оно мне и правда еще понадобится, а?»). Катапультирование и посадка в Саратовской области также оказались небезопасными: «На парашюте я пролетел метров пятьдесят над железной дорогой и думал, что вот-вот врежусь в поезд, который как раз проходил внизу. А потом, метрах в пяти над землей, меня развернуло порывом ветра, так что я двигался спиной, когда упал на землю, и три раза перевернулся. Ветер был сильный, он опять подхватил купол, и меня поволокло по земле. Когда я открыл шлем, краем стекла зачерпнул чернозема. В тот год саратовские колхозники хорошо вспахали свои поля — если б не они, посадка у меня была бы еще жестче».

Поезд со скрежетом остановился, из него выскочила небольшая кучка людей, кинулась к Титову. По его словам, он тогда пребывал не в самом радужном настроении. «Я им сказал: „Ну чего уставились? Помогите скафандр снять. Я очень устал“. Планировалось, что у меня будет с собой свежий легкий комбинезон, чтобы переодеться, но, как всегда, его кто-то забыл уложить в мой аварийный запас».

На машине приехала какая-то чиновница, но она так

спешила, что не заметила яму на дороге и стукнулась головой о руль. Титов, усмехаясь в душе, перевязал ее бинтами из своей космической аптечки.

Измотанный, весь в синяках, страдающий от тошноты, но живой, Титов стал первым человеком, который провел в космосе целые сутки, и первым, кто совершил не один виток вокруг Земли, а больше. Вероятно, особое удовлетворение ему доставило то, что он обыграл Гагарина на его же поле. От Саратова до Байконура 1500 километров, а значит, историческому, но все-таки неполному «первому витку» Гагарина от 12 апреля недостает этого расстояния, так что первым человеком, по-настоящему замкнувшим орбиту, оказался Титов. В книгах по истории покорения космоса поднимают много шумихи насчет гагаринского «рекорда высоты», но вот эта деталь почему-то ускользнула от всеобщего внимания.

Титов философски относился к опасностям, которым он и Гагарин подвергались, летая на своенравных «Востоках». «Не то чтобы я был к ним готов, но не могли же мы отрабатывать все эти неполадки, слишком мало было тренировочных полетов, и никто не знал, какого рода трудности могут возникнуть. Мы с Юрием составили собственное руководство на случай аварийных ситуаций [для „Востока“] и пытались предусмотреть все, что способно вызвать какие-то проблемы. Ну так вот, руководство получилось довольно тоненькое. Когда ведешь машину, волей-неволей ожидаешь, что когда-нибудь проколешь покрышку. Движущиеся аппараты имеют право отказывать».

Через неделю после приземления Титова началось строительство Берлинской стены. По словам биографа Королева Джеймса Харфорда, Хрущев специально распорядился приурочить полет к этим дням, чтобы усилить поддержку Советского Союза со стороны ГДР7. Однако отношения между Хрущевым и Кеннеди не сводились к примитивному агрессивному противостоянию Восток — Запад. Два правителя рассматривали возможность сотрудничества своих государств в космосе. Джон Логсдон, изучавший вопрос, говорил: «Кеннеди испытывал сомнения насчет космоса даже после того, как объявил о начале работы над „Аполлоном“. В своей инаугурационной речи он заявил, что Советский Союз и Соединенные Штаты могли бы осваивать космос вместе, и это была не просто риторика. Он создал группу советников, рассматривавших пути возможной кооперации… Через своего брата Бобби он зондировал почву в кулуарах Кремля… Теперь нам известно, что Хрущев готов был ответить: „Согласен, давайте осваивать космос вместе“. Если бы эти двое оставались у власти, история могла бы сложиться иначе, но

Кеннеди сменил Линдон Джонсон, сторонник жестких взглядов, а Хрущева вытеснил Брежнев… История — череда случайностей, но в конечном счете мы имеем дело с тем, что происходит, а не с тем, что могло бы произойти».

НАСА подумывало отправить и третью суборбитальную экспедицию, тем самым доказав, что «Меркьюри» способен выполнять более ответственные задачи. Но ракета «Атлас» (настоящая МКБР, более мощная преемница тщедушного «Редстоуна») теперь была готова вывести капсулу на полноценную орбиту, и суборбитальный «прыжок» сняли с повестки дня. 20 февраля 1962 года Джон Гленн совершил три полных витка вокруг Земли, и граждане США рукоплескали ему так же, как в России аплодировали Гагарину. Кроме того, НАСА начало испытывать опытные образцы-прототипы гигантских лунных ракет «Сатурн». По-видимому, они были вдвое меньше, чем суперракеты, позже доставившие «Аполлон» на Луну, однако они уже вот-вот должны были перегнать Р-7 Королева по мощности.

Королеву, в свою очередь, срочно требовалось создать преемника для «Востока», так как возможности прежнего аппарата были небезграничны, но Хрущев жаждал новых триумфов, причем в ближайшие месяцы и недели, а не годы. 11 августа 1962 года в космос полетел Андриян Николаев, пробывший там четверо суток, а буквально на следующий день после его старта вслед за ним на три дня в полет отправился Павел Попович. Впервые в истории два человека находились в космосе одновременно. Королев подгадал со временем запусков так, чтобы второй «Восток» прошел всего в семи километрах от первого: настоящая околоземная прицельная стрельба, позволившая Советам заявлять о космических «рандеву». На самом-то деле два аппарата быстро удалились друг от друга и больше не образовывали столь тесный тандем. В течение всего полета их небольшие ракетные двигатели бездействовали, сберегая топливо для финального торможения перед возвратом в атмосферу. Однако важнее всего были внешние эффекты. Многие западные специалисты решили, что Советы и в самом деле научились устраивать такие «свидания». В интервью Джеймсу Харфорду 1995 года Василий Мишин (в 1966 году сменивший Королева на посту руководителя ОКБ-1) заявил: «Тогда, в обстановке секретности, мы не выдавали всю правду… Как говорится, ловкость рук и никакого мошенства. Скорее уж наши конкуренты [на Западе] сами себя обманывали. Но мы, конечно, не хотели развеивать их иллюзии».

Казалось, эта парная экспедиция «Востоков» далеко

превосходит американские достижения. 24 мая НАСА запустило астронавта Скотта Карпентера, но было очевидно, что «Меркьюри» — всего лишь «программа второго сорта», копирующая безжалостно-оригинальные достижения советских космических специалистов. Даже после встречи «Востоков» НАСА сумело ответить лишь «повторением пройденного»: космическая экспедиция Уолтера Ширры, состоявшаяся 3 октября, длилась всего девять часов.

Спустя несколько дней шпионские самолеты США сфотографировали советские ракеты на секретных кубинских базах, и общественное внимание в ту страшную осень 1962 года переключилось с космоса на весьма реальную перспективу глобальной ядерной войны: не какую-то туманную и отдаленную возможность, а настоящий ужас, который мог обрушиться на человечество в любую минуту. Президент Кеннеди организовал морскую блокаду всех советских судов, приближавшихся к Кубе. На фоне очевидных вариантов (официальное вторжение США на Кубу или военный удар по ракетным базам) эта блокада казалась наименее опасной из всех чрезвычайно рискованных стратегий, которые мог применить американский лидер. Как теперь ясно из недавно опубликованных записей тогдашних кризисных совещаний Белого дома, в ночь на 23 октября Кеннеди и его команда легли спать, не зная, доживут ли они — и весь мир — до утра. Кеннеди и Хрущев чуть не загнали себя в угол, откуда уже не смогли бы выбраться никогда.

Борис Черток, один из ведущих ракетных инженеров СССР, вспоминал в беседе с Джеймсом Харфордом, что в тот роковой октябрь планировалось запустить с Байконура еще один марсианский зонд, но военные приказали Чертоку «убрать стартовый аппарат с площадки, чтобы на ней можно было разместить МКБР, потому что в стране чрезвычайная ситуация. Военные заняли все телефонные линии, так что я не мог дозвониться до Хрущева, который тогда простудился и сидел у себя дома в Москве. Мне сказали, что меня отправят под трибунал, если я не уберу марсианскую ракету со стартовой площадки, и они уже начали проверять системы своей махины. Только Королев сумел достучаться до Хрущева, чтобы тот отменил эти чудовищные приказы»8.

Черток полетел в Москву, приехал домой к Королеву, и Главный Конструктор решил проблему, быстро созвонившись с Кремлем. По ужасной иронии судьбы, когда 24 октября, в самый разгар Карибского кризиса, марсианский зонд все-таки запустили, он взорвался, и находившаяся в состоянии максимальной готовности американская система раннего

предупреждения о нападении баллистических ракет заподозрила ядерную атаку. По счастью, следящие компьютеры системы через несколько секунд разобрались в истинном положении вещей, и ответный удар не был инициирован.

Еще одно проявление мрачной иронии судьбы: катастрофический взрыв ракеты Р-16 на Байконуре 24 октября 1960 года, уничтоживший 190 человек, мог ускорить наступление Карибского кризиса. Погибли в тот день не только тщеславный маршал Неделин, но и значительное количество опытных военных инженеров-ракетчиков, и эта потеря привела к существенной задержке развития надежных межконтинентальных ядерных вооружений с большой поражающей способностью. По американским объектам пока невозможно было нанести удар с территории Советского Союза. Единственной полноценной МКБР, имевшейся в распоряжении Хрущева, являлась разработанная Главным Конструктором Р-7, которую приходилось слишком долго готовить к запуску, а кроме того, таких ракет было слишком мало, чтобы они могли представлять серьезную угрозу. На Кубу доставили более простые и менее мощные тактические средства: небольшие, многочисленные, легкозапускаемые, но ближнего радиуса действия.

Возможно, после окончания Карибского кризиса Хрущев решил, что лучше продолжать играть с Америкой в безвредные космические игры, а не затевать рискованную полномасштабную ядерную конфронтацию на Земле. И очередной ход в орбитальной пропагандистской игре придумал, судя по всему, он сам. Такая необычная мысль еще никому не приходила в голову: он пожелал, чтобы Королев отправил в космос женщину.

Уже к 1962 году рассмотрели почти четыреста кандидаток. 16 февраля для дальнейшей подготовки отобрали пять из них. Отбор, следуя указаниям Хрущева, проводили главным образом среди колхозниц и фабричных работниц, а не среди женщин, имевших отношение к науке. Наиболее подходящими кандидатками считались те, кто сочетал в себе скромное происхождение с хотя бы минимальной пригодностью для космического полета. Так уж получилось, что в те дни прыжки с парашютом стали популярным увлечением для многих простых советских девушек. Самой предпочтительной кандидаткой для космической подготовки в конце концов сочли Валентину Терешкову, двадцатипятилетнюю чемпионку по парашютному спорту, имевшую на своем счету 58 прыжков. Отец Терешковой, колхозный тракторист, погиб на войне. Мать работала ткачихой на текстильной фабрике, и Валентина освоила ту же профессию.

Она идеально подходила для хрущевской цели: спортивная, привлекательная, достаточно смышленая, чтобы справиться с задачами космической подготовки, но при этом без чрезмерного образования, которое помешало бы ей должным образом представлять класс рабочих и крестьян9.

Герман Титов вспоминает, с какой недоверчивостью встречали женщин-космонавток, когда те прибыли в Звездный городок. «Честно говоря, мы не верили, что баб вообще можно подпускать к летательным аппаратам. В то время мы считали, что все задачи, связанные с космическим полетом, могут выполнять только мужики. Когда пришли первые женщины, я отнесся к этому отрицательно. А как известно, Титов всегда громко выражает свое мнение обо всем! Но, в конце концов, мы решили, что это правильно, когда есть женщины-космонавты, и вскоре стали относиться к ним как к добрым товарищам. По сути, они были такие же, как мы».

А между тем Гагарину дали новое поручение — руководить в Звездном городке подготовкой женщин-космонавтов. Этим важным делом он занимался вместе с другом и коллегой Андрияном Николаевым. 12 июля 1962 года Гагарин получил звание подполковника и с удовольствием вновь окунулся в настоящий трудовой ритм: он служил главным по радиосвязи во время августовского двойного полета Николаева и Поповича. Затем он разработал программу интенсивной физической подготовки для пяти своих учениц (хотя его по-прежнему время от времени дергали в заграничные поездки).

К тому времени подготовка к полету на полностью автоматизированном «Востоке» не отличалась особой сложностью. Когда 16 июня 1963 года Терешкова наконец полетела, она столкнулась лишь с очень немногочисленными новыми техническими проблемами. На своем аппарате она сблизилась с другим «Востоком», на борту которого находился Валерий Быковский, но, как и в предыдущей двойной экспедиции, главный фокус заключался в расчете хронометража запуска двух аппаратов. Впрочем, ее успех дал Хрущеву долгожданную возможность лишний раз похвалиться «равенством мужчин и женщин в нашей стране». После удачного завершения этого пропагандистского эксперимента женский отряд космонавтов без особого шума распустили. 3 ноября 1963 года Терешкова и Николаев сыграли в Москве громкую свадьбу, ставшую общественным событием сезона, к большому удовольствию Хрущева. Через три дня Гагарину присвоили звание полковника. Казалось, он вовсю продвигается по карьерной лестнице, но, как он вскоре обнаружил, высокое звание не только помогало, но и

мешало — например получить право еще на один полет в космос.

Сдвоенный полет Быковского и Терешковой стал последней экспедицией «Востока» в его тогдашней модификации. К лету 1963 года Советам уже незачем было соревноваться с американским «Меркьюри». Запустив 15 мая 1963 года Гордона Купера на 34 часа, в НАСА решили, что больше им в рамках данного проекта доказывать нечего.

Что еще можно сделать с этими простенькими одноместными капсулами?

Собственно, в НАСА планировали использовать новую ракету, «Титан», разработанную для американских ВВС и неохотно «отданную напрокат». Топливный бак «Титана» и его внешняя оболочка представляли собой единое целое, что позволяло сэкономить вес. Ракета была такой хрупкой, что на стартовой площадке могла стоять прямо, лишь если ее накачать инертным газом, однако при своем сравнительно малом весе она могла переносить гораздо больший груз, чем «Меркьюри».

В НАСА понимали, что еще остаются годы до первого полета лунного корабля «Аполлон» (он вместит трех астронавтов и будет оснащен гигантской ракетой-носителем «Сатурн-5»), а пока американские специалисты занимались лишь конструкторскими чертежами, а не реальным «железом». Между тем был разработан промежуточный аппарат — помесь простенького «Меркьюри» и рождающегося сложнейшего «Аполлона». Аппарат «Джемини» представлял собой двухместный модуль, созданный специально под ракету «Титан». В нем имелись катапультируемые кресла и люки, которые можно было открывать на орбите, чтобы выходить в открытый космос. Королев узнал об этой конструкции из открытых публикаций НАСА.

К 1963 году капсулы «Джемини» уже собирались на калифорнийском заводе «Макдоннел-Дуглас», но пока ни одна из них еще не летала в космос. Королеву же не терпелось начать создавать преемник «Востока» — более крупную капсулу, которая будет не хуже новой разработки НАСА, а может быть, даже превзойдет ее. Если удастся запустить предполагаемый многоместный аппарат до того, как стартует первый «Джемини», думал Королев, он получит политическую поддержку для создания куда более мощного конкурента. Разумеется, Хрущев пожелал, чтобы Главный Конструктор как можно скорее устроил экспедицию из трех человек, тем самым подкосив проект «Джемини» и смутив создателей «Аполлона». Сегодня трудно судить, до какой степени Королев соглашался рисковать жизнью космонавтов ради достижения своей цели. Хрущева часто обвиняют в том, что он подталкивал Королева к рискованным

решениям, но глава страны вряд ли вдавался в технические детали. Наверняка он предоставлял Главному Конструктору самому определять, насколько безопасен очередной космический проект.

И Королев пошел на риск. Он принял решение модифицировать конструкцию «Востока», чтобы в одном шаре могли разместиться два космонавта — и даже три, если они откажутся от скафандров. Эти перемены, связанные с сидячими местами, были чисто косметическими; они ничуть не усовершенствовали «Восток», в нем просто стало теснее и значительно опаснее. Пришлось пожертвовать громоздкими катапультными креслами, чтобы освободить пространство для большего числа космонавтов, и если бы что-нибудь пошло не так уже на стартовой площадке, у них не было бы никаких шансов спастись. Новую версию аппарата окрестили «Восход».

Несмотря на все опасности, «Восход» в конце концов сумел подтвердить лидерство СССР в космической области, что заставило американцев ускорить работу над «Аполлоном» и дало дополнительный импульс амбициозным планам Королева, замышлявшего собственный лунный старт. Василий Мишин, впоследствии ставший его преемником в ОКБ-1, настойчиво заявлял, что у Главного Конструктора имелась личная договоренность с Хрущевым: если он в кратчайший срок разработает проект полета нескольких космонавтов одновременно, Никита Сергеевич санкционирует разработку гигантской новой ракеты Н-1, почти сравнимой с «Сатурном-5» НАСА.

К 1964 году новые космические программы обеих сверхдержав получили полное одобрение и поддержку властей. В августе Политбюро дало добро на разработку Н-1 и двух других проектов, созданных соперниками Королева в других предприятиях советской космической промышленности. Неразбериха с многочисленными проектами и безвременная смерть Королева в 1966 году в конце концов обрекли советскую лунную программу на провал, но летом 1964 года почти все космонавты активно готовились ко все более сложным полетам в твердой надежде вскоре ступить на поверхность Луны. И вот тут Юрий Алексеевич Гагарин с тревогой обнаружил, что его уже не считают пригодным для этих фантастических космических экспедиций.

И дело тут не только в многочисленных общественных обязанностях, отвлекавших его от реальной работы в Звездном городке. Тогда, в 1961 году, он всего через несколько месяцев

после своего исторического полета поступил крайне глупо, уехав в небольшой отпуск и после этого впав в немилость.

Глава 9
Случай в Форосе

Крым — почти остров. Он выступает в Черное море, соединяясь с Украиной двумя перемычками-полуостровами, тонкими, словно вены. Северная оконечность острова — приятные, но скучные места. Юг — другое дело. Там и живописные горы, и пронизанные солнцем леса, и укромные пляжи под тенью пальм. Здесь даже в октябре отличная погода, а миндальные деревья вновь зацветают к февралю.

Черное море никогда не принадлежало целиком России. Южная его часть досталась старому врагу — Турции. Россия с давних пор затаила на нее обиду. Бригада легкой кавалерии лорда Кардигана некогда ворвалась в Балаклавскую «долину смерти», а слева и справа ощетинились русские батареи…[18] В конце концов Россия проиграла англичанам — не в последнюю очередь из-за турецкого участия в Крымской войне. Но это было давно, а сегодня корабли Черноморского флота по-прежнему зорко следят из Севастополя за Турцией и ее союзниками по НАТО.

Во время Второй мировой войны Черчилль и Рузвельт заключили свою непростую договоренность со старым добрым «дядюшкой Джо» — Сталиным; и случилось это тут, в Крыму, в Ялте. В Форосе, на том же побережье, чуть западнее Ялты, у Хрущева имелась дача. Современные руководители государства до сих пор иногда проводят там лето, хотя никогда точно не знают, что замышляют их враги, пока они отдыхают в тысячах километров от Кремля. В августе 1991 года Михаила Горбачева захватили врасплох, когда он дремал на своей даче, расположенной на одном из высоких утесов, откуда открывался великолепный, но, видимо, недостаточно широкий вид.

В 1960-х, во времена своего расцвета, форосская резиденция «Тессели» представляла собой роскошный санаторный комплекс, принимавший лишь самых привилегированных советских граждан. Теплое море, свежее мясо, фрукты, изысканные вина и, вероятно, кое-какие свободы — здесь были доступны все эти удовольствия. Предполагалось, что власти не станут чересчур пристально следить, как развлекаются гости Фороса. Первые космонавты и их помощники, с женами и близкими, также отдыхали в этом благословенном месте.

Назовем ее Анной. Возможно, Анн было даже две. Анна Румянцева, молоденькая медсестра, дежурила в «Тессели» 14

сентября 1961 года, когда сюда вселились Гагарин и его приятели-космонавты. Она рассказывает множество подробностей о другой медсестре по имени Анна, также работавшей в Форосе во время пребывания там Гагарина. А может быть, эти две Анны — на самом деле одна и та же? Не важно. Сегодня Анна Румянцева — замужняя женщина, почтенная бабушка, практикующий врач.

«В жизни встречается такой тип людей, которые постоянно ищут приключений. Особенно часто это бывает у мужчин, — замечает Анна. — Мне кажется, именно к такому типу относился Юрий Алексеевич Гагарин. Вспоминаю одно небольшое происшествие, прыжок с террасы, — можно ведь рассказать коротко, верно? Не думаю, чтобы он что-нибудь хотел скрыть от своей Валентины. Нет, он просто по-мальчишески выпендривался, чтобы потом сказать ей: „Ты зря думаешь, что я там был и чем-то таким занимался“».

Более длинная версия рассказа Анны раскрывает нам больше.

Группа состояла из 28 человек. Юрий и Валентина приехали в санаторий со своей младшей дочерью Галей, которой было девять месяцев и которая нуждалась в постоянном материнском уходе. Там же отдыхали тогда Герман Титов, Алексей Леонов, журналист Ярослав Голованов, целая куча космонавтов, кое-кто из технического персонала и даже страшный Николай Каманин, по-дружески выпивавший со своими ребятами, отдыхая от (как формулирует Голованов) образа «законченного мерзавца-сталиниста».

Каманин заметил, что Юрий с Валей не очень-то ладят. Юрий бывал груб, рассеян, уделял жене мало внимания. Иногда она мрачно сидела в машине, а ее муж беспечно уходил посмотреть достопримечательности или выпить с какими-нибудь крымскими сановниками. Порой он вел себя настолько дурно, что доводил Валю до слез. Каманин и его жена Мария были потрясены поведением Гагарина, оно стало для них полной неожиданностью. Через несколько дней после начала отпуска Каманин отозвал его в сторонку. В своем дневнике он пишет: «Я сказал Гагарину: „Вчера мне в первый раз было стыдно за тебя, ты очень обидел Валю“. Гагарин признал, что виноват, и обещал исправиться»1.

Титов в Форосе вел себя, пожалуй, не лучше. К тому времени, судя по всему, в нем значительно ослабла та дисциплинированность, которой восхищался Каманин при подготовке первого полета «Востока». Каманин счел необходимым предупредить обоих своих первых космонавтов, что они «на скользком пути».

Гагарин не исправился, он явно изо всех сил пытался развеяться. На вторую неделю отдыха он повез некоторых своих спутников в море на небольшой моторке. Персонал санатория заклинал его: это против правил, он не знает местных условий, ветер дует с берега, погода может испортиться, ему не следует выходить в море. Но он все-таки вышел, увел лодку далеко от берега и бесстрашно ею управлял, закладывая крутые виражи и обдавая брызгами своих пассажиров. Волнение увеличилось, как его и предупреждали2. Лодка скрылась за горизонтом, с берега ее уже не видели, и пришлось высылать на помощь другую моторку, побольше. Когда его доставили на берег, Гагарин отправился в поликлинику: он так резко поворачивал руль лодки, что ладони у него растрескались и кровоточили. Боль и общая неприятность этой дурацкой авантюры не помешали ему обратить внимание на хорошенькую светловолосую медсестру, обрабатывавшую ему ссадины. «Юрий Алексеевич был очень милый человек, такой веселый и жизнерадостный», — признаёт Анна. Он спросил, работает ли она здесь. Она ответила — да.

На другой день Титов, Каманин и десять других членов группы с утра пораньше собрали рюкзаки. Конечно, свои последний день отдыха они отметили как следует. «А потом, вечером, отметили еще раз», — сухо вспоминает Анна. В дневниковой записи Каманин описывает тихие игры в карты и шахматы, но в столь чинное времяпрепровождение верится с трудом, учитывая общий темп питья и шумных увеселений, заданный в предшествующие две недели.

Журналист Голованов излагает такую версию событий 3 октября: «Гагарина позвали в гости севастопольские моряки Черноморского флота. Я там был вместе с ним и Германом Титовым. Мы вернулись в Форос, на другой день навестили местных пионеров под Ялтой, а потом — виноградники Массандры. В общем, мы оттуда вернулись довольно захорошевшие. И Юра решил нанести визит приятельнице. Но тут надо сказать кое-что о его замечательном характере… — Голованов ненадолго отвлекается от главной нити повествования. — Знаете, его жена Валентина была женщина довольно сложная. Она защищала Юру от всевозможных искушений, которые могли возникнуть в его положении… В общем, Валентина узнала, что Первый Космонавт исчез, и решила выяснить, где он. А он проявил настоящую джентльменскую доблесть и благородство — выпрыгнул из окна второго этажа».

Чтобы не смотреть, как они шутят и играют на своей вечеринке, Анне пришлось уйти из здания. Она говорила Анне Румянцевой, что вошла в комнату и села на диван. «Юрий

Алексеевич… не знаю, что у него было на уме. Он был пьяный, — вспоминала она. — Может, он просто хотел поговорить? Не думаю, чтобы у него имелись какие-то дурные мысли. Во всяком случае, он вошел к Анне в комнату. Закрыл дверь, но на ключ запирать не стал. А Валентина Ивановна вошла сразу же вслед за ним. Представьте, открывается дверь… Может, он хотел сказать, что она ошиблась, а может, думал спрятаться? Не знаю».

После инцидента Николай Каманин подверг допросу санаторную обслугу, в том числе и Анну, после чего вывел собственную версию произошедшего:

«Как рассказала медсестра Аня, она после смены с дежурства зашла в комнату отдохнуть, лежала на кровати одетой и читала книгу. Гагарин вошел в комнату, закрыл дверь на ключ и со словами: „Ну что, будешь кричать?“ — пытался ее поцеловать… В это время раздался стук в дверь, и Гагарин выпрыгнул с балкона».

Возможно, между Юрием и Валентиной состоялся неприятный разговор, а возможно, она ворвалась в комнату и обнаружила, что там нет ни малейших следов мужа, лишь задыхающаяся и растрепанная Анна. Может быть, Валентина потребовала сказать, где ее супруг, и Анне пришлось ответить, что он прячется на балконе. Рассказы Анны об этой сцене многочисленны и отличаются друг от друга, скорее они похожи на вынужденные интерпретации событий, чем на прямое их искажение, однако, судя по всему, обе женщины перегнулись через край балкона, чтобы посмотреть, и увидели, что внизу распростерся неподвижный Гагарин. «Тогда на балконах рос дикий виноград, — вспоминает Анна Румянцева. — Видно, он зацепился за лозу, когда падал. Он ударился о бордюр лбом. Не самая лучшая посадка. Из космоса он вернулся удачно. А тут приземлился неудачно… Я все это узнала от Анны. Ее тоже зовут Анна. Она мне и рассказала».

В тот день, 4 октября, Николай Каманин еще до того, как узнал все скандальные подробности, записал в дневнике кратко и по-деловому, что в состоянии алкогольного опьянения Гагарин выпрыгнул из окна, в результате получил серьезную травму лица и шрам над бровью. Врачи военно-морского флота сделали операцию. Позже Каманин писал: «Консилиум врачей решил, что еще 10 дней Гагарин должен соблюдать постельный режим. На открытие 22-го съезда КПСС он уже не попадет»3.

Каманин был одним из первых, кто оказался возле Гагарина после падения. Ему не доставило большого удовольствия состояние космонавта. Было столько крови, что ему на мгновение показалось — Гагарин застрелился. Валя уже сбегала по лестнице, чтобы посмотреть, что случилось. Она крикнула

Каманину: «Что же вы все стоите, помогите ему! Он умирает!»

Немедленно вызвали врачей из севастопольского полевого госпиталя. Пока же форосский медперсонал оказывал первую помощь; проверили, насколько сохранили чувствительность конечности Гагарина, после чего решили, что его можно положить на раскладушку, которую кто-то принес из здания. Затем его внесли внутрь, и медики сделали ему локальную анестезию лба. Оказалось, что раздроблена лобная кость. Когда прибыли севастопольские хирурги, они вынули осколки кости, провели первичную обработку и зашили рану. Все это время Гагарин сжимал чью-то руку. Он не проронил ни звука, но его ногти оставили на этой руке багровые следы, так крепко он за нее ухватился.

Похоже, до Гагарина стала доходить вся чудовищность его промаха. Он поднял взгляд на Анну и задал ей один-единственный вопрос:

— Я буду летать?

Она сказала — посмотрим.

Анна была признательна Гагарину за то, что он даже сейчас, при такой боли, в такой неловкой ситуации, дал себе труд выгородить «Анну» перед властями. «Он попросил позвать кого-то из руководства санатория и сказал: „Конечно, она не виновата“. Так оно и было. Ее перевели в другой корпус, но она продолжала работать в санатории».

В главном корпусе санатория устроили специальный закрытый медпункт. Анна и другая медсестра, сменяясь, постоянно дежурили возле Гагарина, а Валентина проводила у его изголовья долгие часы. Несмотря ни на что, она относилась к Анне очень дружелюбно. «Она вспоминала, как они жили до того, как Юрий полетел в космос. Рассказывала, как он серьезно готовился к своему полету, говорила, что иногда сожалеет о такой жизни».

Врачи опасались, что Гагарин мог получить сотрясение мозга. Позже Юрий настаивал, что ни на секунду не терял сознание, но ему все равно предписали строгий постельный режим. После трех дней безделья он сел, опершись на подушки, и пожаловался Анне:

— Хватит, надоело. Я хочу чем-нибудь заняться. Анна, закройте дверь, пожалуйста. Сделать бы стойку на кистях.

— Юрий Алексеевич! Если врачи узнают, меня с работы выгонят!

— Не беспокойтесь. Я чувствую, что здоров. Просто хочется чем-нибудь заняться.

Он встал на руки, а потом всячески проказничал. Гагарин чувствовал себя отлично, только ужасно скучал. Анна убедила его

лечь. Он заметил:

— Об этом будут еще сто лет судачить. Когда будете бабушкой, расскажете внукам, как когда-то лечили Юрия Гагарина.

Но он понимал, что прыгать из окна было глупо. За веселой улыбкой и неотразимой самоуверенностью крылись мрачные раздумья о будущем. Беспокоился и Каманин. В дневнике он писал, что это происшествие «попортило очень много крови мне и многим другим людям, несущим ответственность за Гагарина. Это происшествие могло закончиться очень печально для Гагарина, меня и нашей страны. Юрий Гагарин был на волосок от нелепой и глупейшей смерти».

Через три дня за Гагариным приехал лимузин «Чайка», чтобы отвезти его на съезд партии. Его несли на носилках, хотя он к этому времени уже вовсю ходил и потому счел всю эту ситуацию нелепой. Лежа на носилках, он громко хохотал. Его доставили в Севастополь и погрузили на самолет, летевший в Москву. По прибытии ему не разрешили выступать на съезде слишком долго и после заседания общаться с другими делегатами. Официальные сообщения рапортуют о его весьма активном участии в съезде, несмотря на уверенность Каманина в том, что Гагарин не в состоянии даже присутствовать на съезде, не говоря уж об участии в его работе. Голованов объясняет: «На самом деле он появился, но только на пятый или шестой день после открытия, и фотограф снимал его только в профиль, чтобы не видно было рану на лбу». Между тем газеты изложили эту историю так, чтобы успокоить любопытных. «Помню, писали, что Юрий держал на руках свою маленькую дочку и споткнулся, так что ему пришлось пожертвовать собой, чтобы она не пострадала, вот он и поранил себе лоб. Так объясняли эту рану». «Известия» давали другую версию этой официальной сказки: Гагарин якобы нырял в Черное море, чтобы спасти тонущую дочь, и ударился головой о камни.

Врачам, лечившим Гагарина, объявили благодарность и повысили в должности. Хрущева задело, что его любимый космонавт не смог с должным блеском показаться на

партийном съезде, но еще больше он озаботился безопасностью своего юного друга. Нравственная сторона форосской драмы его, судя по всему, не особенно волновала. Бурлацкий, советник Хрущева, отмечает: «Несмотря на пресловутую партийную мораль, которая считалась очень строгой, все отнеслись к этому как к забавному происшествию. Хрущев смеялся. Жена его, возможно, нет… Но, думаю, существовали генералы, различные высшие военачальники, у

которых отношения с Гагариным были не такие легкие. Думаю, они завидовали его близости к Хрущеву». Эти обиженные соперники не сочли историю такой уж потешной, полагает Бурлацкий. Они с неудовольствием отметили недостойное поведение Гагарина и надолго запомнили этот эпизод.

Разумеется, Николай Каманин подвергся резкой критике за то, что в Форосе допустил недосмотр. 14 ноября на партсобрании в Звездном городке ему пришлось объяснить поведение Титова и Гагарина, постаравшись представить события как можно в более выгодном свете[19]:

«Выступившие Гагарин и Титов в основном правильно доложили о своем поведении на курорте. Признали случаи злоупотребления спиртным, легкомысленное отношение к женщинам и другие проступки. Юра достоверно изложил обстоятельства своего ранения, но, по-видимому, заботясь о спокойствии Вали, утверждал, что, заходя в комнату, из которой выпрыгнул, он не знал, что там находится медсестра Аня…»

Каманин убедил собрание вынести решение, что Первый Космонавт номер один просто по-детски играл с женой в прятки, тогда как его пьяного дублера Титова сбили с пути истинного спутники-некосмонавты. Все понимали, что это «ложь во спасение», однако в итоге сошлись на корректных официальных версиях, не без помощи рукописных объяснительных с извинениями, составленных космонавтами лично. Каманин отмечал: «Хотя я и убежден, что мотив посещения комнаты был другой, не стал настаивать на своем. Версию Гагарина нельзя считать совсем невероятной, и она в какой-то мере смягчает само происшествие и не будет поводом для раздора в семье».

Каманин проявил снисходительность, однако после возобновления в декабре всемирного турне Гагарина он с большим неудовольствием отметил, что Первый Космонавт так и не исправился. 14 декабря Каманин записал в дневнике:

«Даже после происшествия в Крыму он не отказался совсем от выпивок… Я не хотел бы быть пророком, но мне кажется, что со временем он будет пить, и пить крепко. Сейчас он в зените славы, все время на виду, постоянно несет большую моральную и физическую нагрузку, чувствуя, что за каждым его шагом наблюдают. Пройдет еще 1–2 года, обстановка значительно изменится, и тогда у него появятся нотки неудовлетворенности. В его семейной жизни они уже и сейчас заметны: он не уважает жену, иногда унижает ее, а она не обладает достаточным тактом, воспитанием и другими достоинствами, чтобы влиять на него».

Кроме того, он отмечал, что у Титова, недавно вернувшегося из поездки в Индонезию, «появились признаки зазнайства».

Очевидно, Каманин почувствовал, что под его началом оказался еще один заблудший космонавт. Следует иметь в виду, что его личные дневники служат не только тайным вместилищем раздражения, но и являются достоверным историческим свидетельством. Едва ли найдется кто-нибудь из задействованных в советской космической программе (включая даже великого Главного Конструктора), кого бы он ни критиковал в тот или иной момент, часто несправедливо и столь же часто — перед тем как спустя несколько дней совершенно переменить мнение. Достается даже Хрущеву. Вероятно, административные трения, возникшие у Каманина после форосского инцидента, отчасти объясняют его необычный всплеск раздражения по отношению к съезду, зафиксированный в дневнике: к тому самому съезду, где недостаточно яркое появление Гагарина вызвало столько неловкостей. На этом съезде Хрущев предложил вынести тело Сталина из Мавзолея. 5 ноября 1961 года Каманин гневно писал в дневнике:

«Очень много людей не одобряют эти решения, многие открыто заявляют об этом в метро, трамваях, автобусах и на улице… Попрание авторитета Сталина приносит нам много неприятностей за рубежом, наносится громадный вред воспитанию молодежи, которая теряет веру в авторитеты… Сталин управлял страной 30 лет, и при нем наша Родина стала могущественной державой. Имя Сталина не затемнят жалкие потуги пигмеев… А что можно сказать о Хрущеве? Мелкий, завистливый политикан, трусливый подхалим… Хрущева народ не любит, все знают о его сплошных дипломатических провалах: Китай, Югославия, Албания, Венгрия, США, Франция, Англия и т. д.».

Парадокс в том, что при Сталине никто не посмел бы занести на бумагу подобные откровения о властях, опасаясь, что это раскроется и написавшего расстреляют. Можно предположить, что хрущевское окружение винило Каманина в том, что он не держит своих космонавтов в узде, и он выплеснул оскорбленные чувства на страницы дневника; однако в своих политических воззрениях он был не одинок. Возможно, в октябре 1961 года у Каманина имелся целый ряд причин для горьких раздумий, но в своей оценке он оказался по большому счету прав: Первый секретарь Никита Сергеевич Хрущев двигался к своему падению. Как и Юрий Гагарин.

К декабрю 1961 года мировое турне возобновилось, побледневший шрам Гагарина аккуратно замазали. Дели. Лакхнау. Бомбей. Калькутта. Коломбо. Кабул. Каир. Дальше,

дальше, вперед. Посещая Цейлон, Гагарин участвовал в пятнадцати встречах, и везде надо было говорить. Во время его визита в Каир одна из местных газет сообщила, что его выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета от Смоленской области4.

Афины. Никозия. В Токио — провокационный вопрос об игрушках. Один японский журналист хотел узнать, почему Гагарин купил столько японских мягких зверюшек для своих детей. Может быть, там, на его родине, игрушек недостать? Гагарин парировал: «Я всегда привожу дочкам подарки. На этот раз я решил удивить их японскими куклами, но теперь эту историю подхватят все газеты, и сюрприза не будет. Вы испортили удовольствие двум маленьким девочкам». Он произнес это с самой обаятельной улыбкой, и вопрошатель признал свое поражение. Другие присутствовавшие при этом журналисты одобрительно зашумели. Один — ноль в пользу Гагарина.

На этом отрезке пути к нему присоединилась Валя, но совмещать заграничные поездки с уходом за детьми было непросто, и она предпочитала оставаться в Москве, пока муж путешествует. Она отличалась застенчивостью, и редкие публичные выступления давались ей с трудом.

Пока Гагарин пребывал за границей, Валю возил Демчук. Водитель заметил, что она терпеть не может публичности. Немногочисленные зарубежные поездки она переносила с напряжением, да и московские улицы и магазины стали для нее не меньшим бременем. Демчук сопровождал ее, когда она ездила за покупками. Валя всегда, как обычный человек, становилась в конце очереди, но какая-нибудь старушка-покупательница ее, как правило, сразу же узнавала. «Тогда она мгновенно поворачивалась, снова садилась в машину и говорила: „Поехали. Меня узнали“. Все ее пропускали, просили подойти к прилавку, но она скромно возвращалась в машину, и мы ехали в другой магазин».

Николай Каманин сопровождал Гагарина еще в нескольких зарубежных поездках. 4 декабря 1961 года, во время визита в Индию, он записал в дневнике:

«Наблюдая миллионные толпы людей, так горячо приветствующих Гагарина, я часто вспоминал свои юношеские впечатления от одной лубочной картинки, изображающей встречу Иисуса Христа с народом… Фантазия людей тех далеких времен не шла дальше чуда с пятью хлебами и пятью тысячами голодных, накормленных Христом этими самыми хлебами. А вот наш Гагарин одним своим появлением утоляет жажду многотысячных иноплеменных толп… Это пишу я, хотя мне лучше других

известно, что Гагарин — это только счастливая случайность, на его месте мог быть и другой. Помнится, 11 апреля 1961 года [накануне первого космического полета] я записал в своем дневнике: „Завтра Гагарин будет всемирно известным человеком“. Но и я не предвидел тогда всего величия свершавшегося».

К 9 декабря Гагарин, Валя и их сопровождение уже прибыли на Цейлон, в Коломбо. Гагарин признался Каманину: «Работаем на износ, так я долго не выдержу». Советский посол в Коломбо настаивал на как можно большем числе публичных выступлений и встреч. Каманин не удержался и отметил:

«Они делают всё, чтобы выжать из Гагарина максимум возможного для поддержки правительства. Как это отразится на Гагарине, их не интересует…»

Каманин все больше беспокоится о Гагарине с его злоупотреблением спиртным и о Вале с ее все возрастающей неспособностью переносить напряжение публичных мероприятий. Голованов и другие близкие разделяли точку зрения Каманина. Судя по всему, Гагарин пил благоразумно, просто любил повеселиться: в часы отдыха он мог хорошо выпить вместе со всеми, но редко позволял себе слишком много алкоголя, когда работал. К сожалению, эти рекламные турне загоняли его в ситуации, когда он должен был постоянно пить, откликаясь на бесконечные тосты, произносимые в его честь. Это, в придачу к безжалостному графику публичных мероприятий, взваливавшему на его плечи большие эмоциональные нагрузки, незаметно привело к тому, что он стал все больше злоупотреблять спиртным. Вениамину Русаеву и Алексею Беликову (сотрудникам КГБ, личным сопровождающим Гагарина и одновременно его консультантам-спичрайтерам) часто ставили в вину такое положение дел, но что они могли предпринять в такой ситуации…

У Гагарина сложились очень хорошие отношения с Русаевым, и они всегда заступались друг за друга. Спустя много лет Русаев говорил: «Юра был очень чистосердечный человек, он часто брал на себя ответственность за всякие неприятности, которые устраивали другие. Что касается Германа Титова, то этому все было как с гуся вода. После своего полета он раз двадцать, если не больше, совершал, что называется, серьезные дисциплинарные проступки, попадал в аварии на машине и тому подобное. Всем вечно хотелось как-то втянуть в эти истории Юру, но тут уж вмешивался я».

Русаев вместе со своим коллегой Беликовым, блестящим лингвистом, сидели рядом с Гагариным, когда он выступал или

беседовал с журналистами. «Я был скорее не телохранитель, а советник и помощник. Сами можете представить, сколько всяких трудностей Юре встречалось в публичной жизни и в заграничных поездках. И моя работа была — о нем заботиться». Не то чтобы Гагарин был неловок в общественной жизни, совсем напротив. «Он отлично помнил имена всех политиков и официальных лиц, с которыми встречался, в отличие от Каманина, который много раз с ним ездил за границу, но в таких вещах был совершенно безнадежен… Часто Юра действовал интуитивно, на слух, ему не нужны были указания и помощь. Я поражался, как он справляется с таким огромным количеством вопросов».

Русаев поведал трогательные подробности: «Никита Сергеевич Хрущев мог порядочно нагрузиться уже после двух рюмок, и Юра всегда следил, чтобы он не перебирал». Хотя Гагарин явно обожал Хрущева, он старался держаться от других политиков как можно дальше — насколько позволяла вежливость. Сергею Белоцерковскому довелось близко познакомиться с Гагариным: он преподавал ему аэрокосмические науки с 1964 года, когда тот пытался вернуться к серьезной работе. «Думаю, у него началось своего рода раздвоение личности. С одной стороны, его привечали короли, президенты и даже английская королева, а с другой, он никогда не терял связи с простым народом. Думаю, он начал ощущать, что у низших классов слишком мало прав, что им тяжело живется, при этом он наблюдал разложение в высших слоях общества. Он видел, как наши пьяные вожди танцевали на столах и отвратительно себя вели, и это не могло не ранить его честную душу. Я говорю не только о внешних признаках, но и о внутреннем распаде, который царил среди нашей правящей верхушки».

На Гагарина многие несправедливо обижались за то, что он якобы получал от Хрущева массу привилегий. Да, его и других космонавтов обеспечили жилищными условиями выше среднего уровня, но в остальном они жили не намного лучше большинства офицеров среднего звена. Титов говорил: «Честно говоря, мы никогда не получали особых благ. Мне вечно твердили: „Да тебе стоит только указать, где ты хочешь себе возвести роскошную дачу, и Хрущев ее тут же тебе отгрохает“. Но я никогда не утруждался такими просьбами, и Юра тоже. Мы были простые молодые ребята. О чем они болтают? На что нам были эти дачи?»

Русаев подтверждал: «Юрий был необыкновенно честный парень. Он был Первым космонавтом, он столько сделал для своей страны, а видели бы вы, где сейчас живет Валя. Не на приличной даче, а в каком-то курятнике. Юрий вкалывал ради блага Родины, а не для собственного обогащения»5.

Душевный покой Гагарина отравляли и более темные виды зависти, не обязательно связанные с материальными льготами, которыми он якобы наслаждался. Сергей Белоцерковский отмечал: «Даже Королев не мог ожидать той лавины проблем, которая нахлынула на Гагарина, когда он представлял страну за рубежом. У него появилось множество врагов — просто потому, что он держался обаятельнее и разговаривал откровеннее и разумнее, чем руководители официальных советских делегаций. Начальство такого не прощает».

Но Русаев не покладая рук старался защищать Гагарина от таких нападок: «Он всегда говорил, что политики — люди тяжелые и сложные, так ему казалось. Я ему отвечал: „Политика — дело грязное. Держись от нее подальше. У тебя есть твоя страна, твоя семья. Радуйся тому, что есть, и не лезь в политику“».

Русаев оставался рядом с Гагариным до 1964 года, когда Хрущева сместил Брежнев. После этого связи КГБ со всеми космонавтами стали совершенно иными. В марте 1967 года Гагарин в последний раз обратится к Русаеву — за политическим советом. Но тогда будет уже слишком поздно. Для них обоих.

Глава 10
Снова за работу

К своему общему удивлению, советские и американские медики к 1963 году обнаружили, что тяготы космического полета сводятся лишь к мелким неприятностям: тошноте, головокружению, тяжести в голове, сухости во рту. Все эти симптомы не доставляют удовольствия, но любой человек в приличной физической форме способен спокойно пережить путешествие на орбиту. Главное внимание стали обращать на подбор и подготовку не столько тел, сколько умов — для работы на борту все более усложняющихся космических аппаратов. Королев, Каманин и другие руководители советской программы пилотируемых космических полетов заново пересмотрели досье шестнадцати наиболее перспективных кандидатов, отвергнутых медкомиссиями в 1959 году, и решили предоставить им еще один шанс, поскольку их образование, научные способности и инженерные навыки теперь казались важнее каких-то выдающихся спортивных качеств. К маю 1964 года в новый отряд космонавтов ввели десять технических специалистов-непилотов, работавших в космонавтике. Собственно, это были одаренные инженеры из конструкторского бюро Королева. Между тем большинство старых друзей Гагарина из первого отряда, сформированного в 1959 году и состоявшего тогда из двадцати человек, в том числе Герман Титов, Алексей Леонов, Владимир Комаров и Андриян Николаев, занимались весьма усердно, чтобы доказать свое превосходство над двадцатью шестью новичками1.

21 декабря 1963 года полковник Гагарин был назначен заместителем начальника Центра подготовки космонавтов Николая Каманина. Во многом эта новая должность стала безопасным способом его продвижения по службе. За прошедшие три года он совершенно оторвался от космической подготовки, да и летать на реактивных истребителях было для него слишком рискованно. В отличие от любого другого пилота боевой машины, он был незаменим, его следовало сберечь в целости и сохранности как дипломатический и социальный символ, символ побед социализма. Но даже если бы он сумел быстро вернуться к профессии космонавта, те качества, благодаря которым он идеально подходил для полета на «Востоке», уже больше не имели такого значения. Быть просто молодым летчиком с правильным мировоззрением и происхождением теперь оказалось недостаточно. Гагарин понимал, что, если он хочет снова

подняться на борт космического корабля, ему придется учить орбитальную механику, теорию летательных аппаратов, компьютерное управление и космическую навигацию, а уже потом убедить руководство вернуть его в список действующих космонавтов. Королев явно хотел снова увидеть его в строю и уже давно предупреждал своего любимца-«орленка»: хочешь вернуться в космос — придется засесть за учебу.

Еще в июне 1962 года Главному Конструктору надоели бесконечные заграничные вояжи Первого Космонавта, и он, потеряв терпение, жаловался: «Гагарин и Титов потеряны для космоса». Он порицал Каманина, который не присматривал за ними как полагается. Каманин привычно сваливал вину на других, отмечая в дневнике: «В этих претензиях Королева сквозит горькая обида за замалчивание его роли в освоении космоса»2.

Королев в то время уже задумывался о «Восходе», разрабатывая амбициозные планы создания нового космического аппарата с необыкновенными возможностями — умением по команде менять орбиту, с миллиметровой точностью регулируя угол тангажа[20] и отклонение от курса, а что самое поразительное — способностью встречаться и стыковаться в космосе с другим кораблем, образуя более крупный комплекс. Новый аппарат предполагалось назвать «Союз». Конечно, проект стал непосредственным откликом на американский аппарат «Аполлон». Более того, общая конструкция «Союза», с приборным отсеком, расположенным сзади, с посадочным модулем посередине и отделяемым стыковочным блоком спереди, подозрительно напоминает ранний вариант «Аполлона», предложенный компанией «Дженерал электрик» и забракованный НАСА.

«Союз» — ключевой элемент в планах грядущего освоения Луны, но аппарат будет готов лишь через два года, а то и позже. А пока Константин Феоктистов, один из доверенных инженеров Королева и коллега Олега Ивановского, занимается разработкой «Восхода» с максимально возможной для человека скоростью, чтобы Королев сумел выполнить свою часть «договоренности» с Хрущевым. Кроме того, в это же время Феоктистов готовится полететь на «Восходе» в качестве первого космонавта-инженера; такую же подготовку проходят еще девять инженеров ОКБ-1, успешно прошедшие медкомиссию (впрочем, ее требования уже стали гораздо мягче). Возможно, такая «двойственность» стала для Феоктистова способом продемонстрировать веру в собственную работу, а может быть, так Королев отблагодарил его за быструю разработку «Восхода». Феоктистов был единственным в ОКБ-1, кто никогда не уступал Главному Конструктору,

обсуждая технические вопросы. По упрямству и бесстрашию эти два человека были похожи. Им обоим довелось пережить тяжелейшие испытания. Пока Королев погибал в сибирском лагере, Феоктистов сражался в рядах Красной армии, а позже попал в плен к фашистам. После грубого допроса его поставили к окопу и открыли огонь. Он упал на груду трупов и, притворившись мертвым, прятался под ними до темноты, а затем выбрался и с трудом скрылся. После такого капсула «Восхода» ему была не страшна3.

После того как в отряде космонавтов появились такие многоопытные и знающие люди, как Феоктистов, у Гагарина оставалось все меньше шансов нагнать их в учебе и заработать право еще раз полететь в космос.

В промежутках между зарубежными поездками Гагарин старался как можно чаще посещать лекции для космонавтов, но нередко случалось так, что из аудитории его срочно вызывали исполнить ту или иную дипломатическую повинность. В 1963 году трон под Хрущевым зашатался, и теперь Гагарину удавалось выкраивать на занятия больше времени, так как он уже не был столь востребован. В марте 1964 года он поступил в московскую Академию имени Жуковского, прославленное учебное заведение, где всесторонне занимались авиацией и аэродинамикой; оно располагалось в изящном Петровском дворце на Ленинградском проспекте. Екатерина II построила этот дворец как своего рода гостевой дом для иностранных путешественников; в тех же стенах, снабженных бойницами, во время московского пожара 1812 года нашел временное пристанище Наполеон, а в начале 1960-х дворец стал необходимой остановкой для космонавтов на пути в космос: в академии разработали специальный курс, после которого выпускнику выдавался диплом «летчика-космонавта и инженера». Слушатели должны были изучать космос во всех его аспектах и написать дипломную работу по выбранному направлению, после чего защитить ее перед своими преподавателями. Космонавты всё больше напоминали своих американских соперников, которые также писали дипломные работы, чтобы получить нужную квалификацию для космических полетов. (В своем широко известном дипломе новобранец НАСА Базз Олдрин провел математические расчеты для космических «рандеву», тем самым заработав себе прочное место в рядах астронавтов.)

Во время учебы в академии Гагарин изо всех сил старался как-то выдвинуться, поэтому он выбрал в качестве темы дипломной работы не что-нибудь, а заветную мечту пилотируемой космонавтики — проект конструкции крылатого

космического самолета многоразового использования. Алексей Леонов, проучившийся с ним несколько месяцев, вспоминает: «Он к себе очень строго относился. Я всегда поражался, как он усердно занимается, как тщательно готовит свою работу, как старается не отстать от других».

Понятно, что космический корабль с крыльями должен возвращаться на Землю прилично, как подобает — приземляясь на авиабазе, а не падая на пашню или плюхаясь в океан. Крылья замедлят финальный спуск и помогут управлять кораблем и совершить мягкую посадку на шасси. В отличие от неуклюжих капсул, крылатый аппарат можно будет, подновив, использовать для следующего полета. Трудность была в отыскании баланса между аэродинамическими преимуществами крыльев и массивной теплоизоляцией, необходимой для возврата корабля в атмосферу. НАСА уже начало работу над так называемыми «несущими телами» — экспериментальными аппаратами, представляющими собой нечто среднее между космической капсулой и самолетом. Аппараты эти сбрасывались с огромной высоты из-под крыльев бомбардировщиков Б-52, и большинство из них приземлялось успешно. Однако в космос «несущие тела» отправлять было невозможно, так как их чересчур утяжеляло добавление ракетных двигателей и топливных баков, плюс все та же неразрешимая проблема термоизоляции. В то время, судя по всему, не существовало достаточно прочного и легкого материала, способного защитить коротенькие крылья «несущего тела» от плавления при возврате в атмосферу. Так называемая «абляционная» термоизоляция обычных капсул была толстой и тяжелой, к тому же она необратимо выгорала, оставляя на обшивке капсулы чудовищные проплешины. А громоздкая изоляция из пластических материалов и волокна совершенно не подходила для защиты крыльев.

Короче говоря, создание космического самолета — сложнейшая техническая задача. Поиски по-настоящему эффективной конструкции продолжаются и сегодня. То, что Гагарин вдавался в изучение этих вопросов уже в середине 60-х, доказывает, с какой серьезностью он относился к учебе в академии — Первый Космонавт очень хотел получить квалификацию, которая позволила бы ему снова полететь в космос. В наши дни мало кто вспоминает о его инженерных талантах, помнят лишь его простодушную улыбку деревенского паренька. Дипломную работу в Академии имени Жуковского, стоившую ему стольких трудов и волевых усилий, забыли почти все. О ней помнили только его ближайшие коллеги, в особенности — Сергей Белоцерковский, заместитель начальника

Академии имени Жуковского, человека, который больше всех прочих отвечал за успехи космонавтов в области освоения теории космических полетов и орбитальной динамики (тогда как Каманин и специалисты Звездного городка учили их обращаться с техникой).

Одним из самых выдающихся достижений Гагарина стало то, что он понял: из соображений безопасности космоплан должен приземляться с выключенными двигателями. Некоторые из его наставников заявляли, что это технически невозможно. Гагарин же возражал: космоплан бесполезен, если не может выполнять спуск с неработающим двигателем. В конце концов, как выбираться экипажу, если моторы откажут? Что касается «Востока», то небольшого тормозного двигателя было бы достаточно, чтобы «столкнуть» аппарат с орбиты, настаивал Гагарин; после этого тот должен добраться до Земли без помощи двигателей. Сначала Юрий Алексеевич предложил спускать космоплан на парашюте, но эта идея, конечно, не годилась. В конце концов он решил, что космоплан перед посадкой должен парить, словно планер. Кстати, шаттлы НАСА конца 1990-х годов проделывали именно это и при подлете к Земле выключали двигатели.

Что касается идей конструкции будущего космического корабля, то здесь Гагарин во многом превосходил своих преподавателей; однако те отыгрывались на самой обычной аэродинамике. Как его корабль будет реагировать на попутный, встречный и боковой ветер? А как насчет внезапных шквалистых порывов? Учел ли уважаемый Юрий Алексеевич в своих расчетах резкое изменение характера воздушных потоков при сближении аппарата с поверхностью Земли? Снова и снова Гагарин обсчитывал сложные математические модели на примитивных аналоговых ЭВМ (вместе со своим другом и коллегой Андрияном Николаевым), пытаясь примирить характеристики воздушных потоков со своей идеальной конструкцией, с наслаждением увязая в спорах с наставниками и коллегами, вовсю применяя метод проб и ошибок и неутомимо борясь за совершенствование своих проектов4.

Гагаринская работа над космопланом считалась, как и все дипломные проекты, выполнявшиеся в Академии Жуковского строго засекреченной. Белоцерковский (как и Королев) был фигурой строго засекреченной, его фамилию никогда не называли публично. Ему даже не разрешалось фотографировать своих любимых учеников — а вдруг западные шпионы узнают, как они выглядят. Однако с помощью скрытой камеры он все-таки делал снимки на память. «Все пленки мы прятали в сейфе, —

вспоминал он, — а проявляли их уже гораздо позже. Не думаю, чтобы мы поступали неправильно. Ведь благодаря этой неофициальной съемке у нас получилась целая коллекция ценных исторических фотографий».

Гагарин так погрузился в свои штудии, что даже почти переехал в общежитие академии и подолгу жил там, а не с Валей и детьми. И стремление преуспеть в учебе было не единственным фактором, отрывавшим его от дома.

Гагарин также часто бывал в московской гостинице «Юность», расположенной с внешней стороны западной части Садового кольца. Он всегда был там желанным гостем, и номер 709 на седьмом этаже был постоянно закреплен за ним и финансировался ЦК ВЛКСМ в рамках специального договора, который регулярно возобновлялся. В «Юности» нередко проводились банкеты и приемы в честь прибывавших в Москву комсомольских делегаций союзных республик, и ожидалось, что Гагарин будет выступать на них с зажигательными речами. Часто такие вечеринки затягивались до рассвета, вот почему Гагарин предпочитал переночевать в «Юности», а не ехать домой. В относительно неформальной и приватной обстановке «Юности» он мог отдохнуть и повеселиться с друзьями. Юрий Алексеевич превосходно играл в бильярд и редко проигрывал: впрочем, многие помнят случай, когда он намеренно поддался Ноне, юной шахматной чемпионке, известной своей эффектной внешностью. Его товарищи не могли понять, как он мог вынести такой позор — проиграть девчонке. Но у него была на уме другая игра.

Гагарин был весьма привлекательным молодым человеком, к тому же так получилось, что он завоевал мировую славу. С ним могла соперничать, может, только битловская «великолепная четверка», однако ошибкой было бы представлять его бессердечным покорителем женщин. Он искал сексуальных приключений не больше и не меньше, чем искала бы их любая другая суперзвезда на его месте. Все свидетельствуют, что он любил жену и обожал своих дочек. Но Валя считала, что муж слишком легко относится к брачным обетам. Ей это совсем не нравилось. Одной-единственной измены было бы достаточно, чтобы ее расстроить, не говоря уж о «нескольких изменах», которые, как утверждают некоторые, всё же имели место на протяжении их семейной жизни.

Как-то раз Валя решила навестить своего легкомысленного благоверного в гостинице «Юность». Игорь Хохлов, любимый гагаринский парикмахер из «Юности», винил в том, что происходило дальше, гостиничную охрану у входа: «Тогда была совсем другая эпоха. Любая женщина могла ухватиться за

Гагарина, прогуляться с ним, даже переспать. Кое-какие шансы в нашей гостинице ему выпадали. После одной вечеринки, когда он немного набрался, одна известная спортсменка, чемпионка по лыжам, проявила к нему интерес. Он ее не соблазнял, это она его соблазняла, но часов в шесть вдруг заявилась его жена. Может, у нее какое-то предчувствие было? Похоже, винить надо милицию [на входе], потому что они могли бы запросто позвонить Юре в номер и предупредить, но не позвонили. И Валентина закатила скандал, она Гагарина чуть на куски не разорвала. Та девчонка собрала вещички и быстренько смоталась. Эта спортсменка дорого Гагарину обошлась».

Вале наверняка казалось, что все это уже было в ее жизни — стук в дверь, споры, раны на лице мужа, только на сей раз — от ее ногтей, а не от прыжка с балкона. Наутро Хохлову пришлось маскировать царапины на гагаринских щеках перед встречей космонавта с Хрущевым. Парикмахер вспоминал: «Я его подгримировал. Зализывал ему раны, так сказать. Он был из тех мужиков, которые знают толк в женщинах, но я бы не сказал, что он так уж гулял направо и налево. Валентина своего мужа очень любила, но из-за всех этих случаев стала очень ревновать. К тому же она его сама застукала».

Герман Титов говорит: «Юриной жене было очень трудно свыкнуться с тем, что он больше ей, в сущности, не принадлежит».

После Фороса сдерживающее влияние на Гагарина оказывал, в частности, телохранитель, прикрепленный к нему по указанию Хрущева: высокий брюзгливый субъект по прозвищу Хорек. Он имел талант мгновенно испортить настроение любой компании, в которой оказывался, хотя, судя по всему, и был в целом очень милым человеком. К 1962 году Гагарин убедил Хрущева отозвать охранника, но тот просто заменил его тремя довольно неудачно маскирующимися агентами «в штатском». Хохлов говорил: «Если Гагарину нравилась какая-то женщина, он не мог просто с ней уйти, телохранителей ведь в постель с собой не положишь. А если хочешь выпить — то же самое. Изволь поставить выпивку и охране».

Другим мощным фактором стала напряженная работа, не только в Академии Жуковского, но и в Звездном городке, а также участие в официальных церемониях и различных пропагандистских мероприятиях, которых у него в начале брежневской эры стало несколько меньше, но они все же отнимали у него много сил. Хохлов вспоминал, как Гагарин однажды приехал к нему стричься и рассказал о пьянчужке, который только что испачкал ему брюки на улице. Раздраженный

своим плотным графиком, утомленный Гагарин грустно пошутил: «Вот разумный парень. Он может одновременно и отдыхать, и делать все остальное».

Игоря Хохлова часто вызывали в Кремль подстричь Хрущева. Старый хитрый брадобрей сохранил нелестные воспоминания о бесконечных сотрудниках КГБ и милиционерах, с которыми ему приходилось сталкиваться в те дни: «Я был в комнате с Хрущевым и его специальным телохранителем, руку тот держал в кармане, на пистолете. Я подумал: „Ну-ка, кто быстрее, ты со своей пушкой или я со своей бритвой?“ Потом вошел управделами, славный малый. По-моему, армянин. Увидел охранника и говорит: „Мы доверяем парикмахеру. Пока тут Игорь, охрана не нужна“. Так что телохранителю пришлось убраться и подождать за дверью».

И действительно — не парикмахер Игорь представлял опасность для Хрущева, а его ближайшее политическое окружение.

Хрущев вовсю демонстрировал, что Советский Союз — мощный игрок на мировой арене, современное государство с развитыми технологиями, со своими наземными и космическими ракетами, спутниками, ЭВМ, реактивными самолетами, авианосцами и ядерным оружием. Точно так же, как американский президент Кеннеди, Хрущев стремился отвлечь внимание общественности от своих промахов, обращаясь к эффектной теме — космосу. 12 октября 1964 года Королев исполнил свое обещание, успешно запустив «Восход-1» с тремя космонавтами на борту. Владимир Комаров, Константин Феоктистов и Борис Егоров в своей тесной кабине были лишены катапультируемых кресел, более того — тут не хватало места для трех космонавтов в скафандрах, и потому им пришлось удовольствоваться простенькими хлопковыми комбинезонами. Однако конструкция «Восхода» несла в себе несколько ценных усовершенствований по сравнению с «Востоком». Так, в передней части аппарата располагался запасной тормозной двигатель — на случай, если откажет основной; кроме того, спускаемый модуль, чуть уплощенный внизу, был оснащен набором маленьких ракет, чтобы смягчить удар о землю, тем самым позволив экипажу оставаться на борту до приземления. Официальные представители СССР гордо нахваливали эту концепцию «мягкой посадки», очевидно, забыв все истории, которые они рассказывали о совершенно ином методе приземления — том, что был использован Гагариным в 1961 году.

«Восход-1» полетел слишком поздно и уже не успел помочь Хрущеву. Капсула вернулась на Землю 13 октября, а буквально на следующий день Первого секретаря ЦК КПСС сместили. Более

того, его вызвали из форосской резиденции, когда полет еще продолжался. В Москве на экстренном заседании Политбюро Хрущев с удивлением узнал, что он только что подал в отставку из-за преклонного возраста и ухудшающегося состояния здоровья. Его кресло занял молодой, энергичный и честолюбивый Леонид Брежнев.

Почти сразу же все эти бурные события сказались на положении Гагарина. Резко сократилось количество его заграничных поездок, а все его каналы связи с Кремлем обрубили. Брежневу не хотелось слышать о космических победах Хрущева[21]. Бурлацкий, хорошо знавший Гагарина, отметил, как сразу переменилось настроение Первого Космонавта. «Я уверен, он перестал чувствовать себя счастливым. И не потому, что не любил Брежнева. Нет, скорее из-за того, что Брежнев воспринимал его как своего рода представителя Хрущева в мире. При Брежневе Гагарин мгновенно утратил свое положение, свой статус. У меня возникло такое ощущение, что он не знал, чем себя занять. С политической точки зрения он являл собой как бы руку мира, которую Советский Союз протягивал Западу, но Брежнев возобновил гонку вооружений, и ему не нужны были такие символы, как Гагарин». Бурлацкий подчеркивает общеизвестную истину, касающуюся политической жизни в России: «Не важно, кто есть кто, важнее, кто чей. Гагарин был хрущевский, и этого оказалось достаточно, чтобы приход Брежнева положил конец его карьере».

Не один Бурлацкий считал, что брежневский режим сильно повлиял на жизнь Гагарина и лишил его многого, к чему он привык. Первому Космонавту пришлось искать успокоения, компенсации в каких-то новых сферах. Видимо, и в алкоголе. Он был опустошен. Сегодня ты представитель страны, а завтра — простой пилот без всякой должности. Говорят, что величайшее несчастье наступает тогда, когда кончается счастье. «Брежнев и его дружки из Политбюро, — утверждает Бурлацкий, — украли у Гагарина счастье, и это они виновны в том, что случилось с ним дальше».

Федор Демчук, персональный водитель Гагарина, весьма однозначно высказывался об отрицательных политических последствиях нового режима для Первого Космонавта. Он вспоминал, как в хрущевские дни частые визиты в Кремль заканчивались веселыми вечеринками, сопровождавшимися смехом и выпивкой. При Брежневе Гагарина стали приглашать во властные кабинеты гораздо реже, и после их посещения «Гагарин выходил грустный и тихо садился в машину. Я его не спрашивал, что случилось. Незачем было. Я сам видел — он занят своими

мыслями».

С самого начала этой новой жизни Гагарина больше всего поразило, что теперь он лишился возможности втайне помогать тем многочисленным ходатаям, которые обращались к нему с самыми различными просьбами. Его не назовешь святым, но он, несомненно, был очень доброжелательным человеком, скажем спасибо достойному воспитанию в Гжатске и Клушине. Ему всегда было присуще чувство ответственности за порученное дело — он научился этому еще в годы войны. Среди его бывших коллег, намекавших на его капризы, шалости и легкомысленное поведение, никто не отрицал, что он всегда с теплотой и щедростью относился и к друзьям, и к незнакомым людям, когда те попадали в беду.

При Звездном городке через десять дней после гагаринского полета учредили специальный отдел писем — там обрабатывался колоссальный наплыв корреспонденции, приходившей со всего Советского Союза и из многих зарубежных стран. Со временем отдел расширили для работы с письмами, адресованными и другим космонавтам. (К 1964 году все товарищи Гагарина, побывавшие в космосе, стали знаменитостями; неудивительно, что они пользовались большим влиянием в высших эшелонах власти.) Семь сотрудников находились здесь на постоянном дежурстве (по меньшей мере двое из них напрямую подчинялись КГБ). Эту службу возглавил Сергей Егупов, в задачу которого входило, во-первых, разгрузить Гагарина, а во-вторых, приглядывать, не всплывут ли в корреспонденции какие-нибудь деликатные темы. Он рассказывал: «Чаще всего на конвертах писали: „Гагарину, Москва“. Или „Гагарину, Кремль“. В конце концов решили ему выделить специальный почтовый индекс, „Москва-705“. Думаю, за все эти годы мы получили не меньше миллиона писем».

Большинство из них выражали радость, изумление, восхищение подвигом Гагарина и гордость. Но далеко не все письма были такими. Некоторые послания несли страдание, отчаяние и просьбу о помощи. «У нас в Звездном все они хранятся в архиве, доступ открыт. Сами можете увидеть, плохих писем там вообще нет, ни одного», — говорил Егупов. Резонно предположить, что какие-то из них наверняка уничтожены, однако огромное количество таких «нехороших» писем сохранилось. «Примерно десять-пятнадцать процентов корреспонденции содержало всевозможные просьбы от простых людей — об улучшении жилищных условий, о том, чтобы поставили водяную колонку, чтобы увеличили пенсию, чтобы взяли ребенка в детский сад… в те времена это почему-то

довольно сложно было устроить». Самые отчаянные письма приходили от заключенных, просивших о пересмотре дел. Федор Демчук вспоминал об одном из них, молодом человеке, жестоко осужденном за свое первое правонарушение. «Гагарин говорит: „Как мне быть? Я должен помочь, ведь если мы спасем этого парня, дальше у него все будет гораздо проще и легче. А вот если он сядет в тюрьму, его навсегда затянет в преступную систему, и он никогда не станет нормальным человеком“. Он повсюду обращался, ходил во всевозможные инстанции, настаивал. По-моему, он добился каких-то результатов».

Можно только догадываться, какую боль испытывал Гагарин, читая, например, такие обращения:

> Уважаемый Юрий Алексеевич! Штурман первого класса, прослуживший в Военно-воздушных силах девятнадцать лет, просит Вас принять его. От этого зависит жизнь моего сына…
>
> Юрий Алексеевич, Герой Советского Союза! Мою дочь отказались принимать в университет из-за ее еврейского происхождения. Не могли бы Вы…
>
> Дорогой товарищ Гагарин! Гражданин Данилченко просит вас посодействовать с получением места в доме инвалидов для его дочери, которая страдает психическим расстройством…

Егупов извлекает из архива и другие характерные примеры: «А вот письмо, где семья Курдюмовых просит об улучшении жилищных условий, девять человек в одной комнате, площадь шестнадцать метров, дом старый, стены сыреют. А вот еще одна просьба насчет жилья — от гражданки Морозовой, у нее ребенок с врожденным пороком сердца; а вот заключенный Якутии пишет, что его несправедливо осудили, и просит отменить приговор». Каким-то чудом Гагарину удавалось отвечать почти на все письма, проявляя большую заботу о своих соотечественниках. Особенно душераздирающие послания он носил в своем бумажнике — чтобы подхлестнуть совесть, не давать душе успокоиться. Правда, были и такие запросы, которые его совершенно не трогали, например:

> Дорогой космонавт Юрий Гагарин! Позвольте мне поздравить Вас с Вашим величайшим достижением. Прошу Вас оказать великую честь нашей фирме «Рихтер и компания» и предоставить нам любезное разрешение

использовать Ваше знаменитое и уважаемое имя для того, чтобы назвать в Вашу честь наш новый продукт — водку «Астронавт Гагарин».

«Зачем вы мне это показываете? — жаловался он Егупову. — Я эту бумагу три минуты читал, только зря время потратил». А потом он целых полчаса сочинял заботливый и теплый ответ пятнадцатилетнему канадскому парeньку, вежливо просившему дать совет, какую выбрать профессию.

Нередко люди прямо-таки осаждали Первого Космонавта с самыми разными просьбами. Алексей Леонов говорит: когда Гагарин приезжал к родным в Гжатск, те или иные местные сановники неизменно поджидали его в родительском доме, вымаливая для себя всякие блага. Он действительно много сделал для своих бывших соседей, для жителей Смоленска. Гжатск раньше был старомодным купеческим городком, но после 61-го начал расти как на дрожжах и быстро превратился в современный высокоразвитый город. Имя и репутация Гагарина помогли коренным образом изменить судьбу целого региона.

Однако известен случай, когда Гагарин отказался помочь. Одна женщина написала ему, что у ее сына неприятности из-за того, что под Новый год тот срубил елку в неположенном месте. Гагарин изучил это дело и выяснил, что предприимчивый юноша, судя по всему, срубил не одну елку — он ими торговал. Космонавт порекомендовал уволить парня с работы. Гагарин тогда, вспоминает его водитель, сильно рассердился: «А если каждый будет срубать „всего одну елочку“? Где мы тогда окажемся? И так вот-вот ничего не останется».

Леонов объясняет этот и другие похожие случаи тем, что Гагарин имел возможность увидеть Землю из космоса: «Вернувшись из полета, он часто повторял, какой наш мир особенный, как мы должны его беречь, чтобы не разрушить». По нынешним временам — просто общее место, всем нам внушают такие представления в школе, но каково стать самым первым человеком, пораженным хрупкой красотой нашей планеты? В апреле 1961 года Гагарин был единственным из трех миллиардов землян, действительно видевшим наш мир из космоса — маленький голубой шарик, дрейфующий в бесконечной тьме Вселенной…

Так незадачливый лесоруб потерял работу по специальному требованию Гагарина. Впрочем, чаще он склонялся к тому, чтобы помочь авторам петиций и без устали обращался к властям. «Пожалуй, ему все содействовали, куда бы он ни шел. Да и кто бы ему отказал?» — говорил Егупов.

Разве что Леонид Ильич Брежнев.

Новый генсек Леонид Брежнев относился к Королеву так же, как Хрущев: настаивал на орбитальных подвигах, совершаемых впервые в мире, и практически не интересовался техническими подробностями, которые представлялись обоим руководителям Советского Союза весьма туманно. Однако предстоящий полет «Восхода» его интересовал, так как обещал принести новый триумф — первый выход в открытый космос с помощью гибкого переходного шлюза, прикрепленного к обшивке спускаемого аппарата. Королеву тоже не терпелось испытать свою новую разработку. Уже в 1962 году он провел подготовительную беседу с Леоновым, которого рассматривал как одного из главных кандидатов для такой прогулки. Леонов вспоминает: «Он сказал мне, что моряк должен уметь плавать, а значит, и каждый космонавт должен научиться передвигаться в космосе и выполнять инженерные работы за пределами корабля». 23 февраля 1965 года Королев запустил испытательный беспилотный модуль с новым переходным шлюзом. Полет завершился скверно: капсула треснула при возврате в атмосферу из-за ошибочных сигналов, поступавших с Земли. Спустя несколько дней капсулу попытались сбросить с самолета, но и это не удалось, так как парашют не раскрылся. Олег Ивановский вспоминал, как Королев с отвращением произнес: «Надоели мне эти полеты на тряпках». Главный Конструктор терпеть не мог парашюты и всегда хотел разработать жесткую систему винтов или еще какое-нибудь аэродинамическое устройство, которое бы их заменило. К счастью, он не дожил до куда более страшного отказа парашюта — в апреле 1967 года: та неполадка могла стоить жизни Юрию Гагарину…

«Восход-2» взлетел 18 марта 1965 года. Время рассчитали отлично: аппарат опередил первый полет американского «Джемини» на шесть дней. В кабине на сей раз находились лишь двое — чтобы хватило места для громоздких скафандров. Павел Беляев оставался на борту, а его второй пилот Алексей Леонов втиснулся в гибкую шлюзовую камеру, после чего вылез из аппарата. Десять минут он наслаждался «космической прогулкой», а затем начал втягиваться обратно в корабль, и тут вдруг обнаружил, что его полностью накачанный скафандр раздуло так, что теперь он не помещается в шлюзовой отсек. Леонову, совершенно изможденному от усилий, пришлось выпустить часть воздуха из скафандра, чтобы проникнуть обратно.

А затем, незадолго до того, как наступило запланированное

время возвращения, Беляев увидел, что высота корабля не подходит для включения тормозных двигателей, и отключил автоматические системы ориентации, чтобы они не ухудшили положение. С помощью Королева и наземных служб им с Леоновым удалось вручную запустить тормозные двигатели на следующем витке, однако это сдвигало предполагаемое место приземления на две тысячи километров. Капсула опустилась в безлюдные снежные леса под Пермью, близ северной части Волги. Аппарат застрял между двумя мощными елями в нескольких метрах над землей. Между тем спасательные группы находились в двух тысячах километров отсюда, в районе, где капсула должна была опуститься по плану. Космонавтам пришлось провести беспокойную морозную ночь, ожидая, когда их подберут. Они открыли люк, но спуститься со своего ненадежного насеста, не осмелились — поблизости во мраке завывала стая волков5.

В советских газетах об этих трудностях не писали, и этот космический полет стал поистине триумфом. Весь мир узнал о новой победе советской космонавтики. Но перед этим Юрий Мозжорин получил суровое указание из канцелярии Косыгина: «Велели, чтобы в прессу не просочилось ни единого слова о посадке под Пермью. Я понятия не имел, на что похожи тамошние места, но мне пришлось съездить к телевизионщикам и убедиться, что на их кадрах никто не узнает Пермский край». Но при всех этих уловках факт остается фактом: Алексей Леонов вышел в открытый космос задолго до своих соперников из США. Лондонская газета «Evening Standart» поместила статью об американских астронавтах Янге и Гриссоме, готовящихся к первому запуску «Джемини», под заголовком: «Догоняйте!», а «Times» описывала приключения Леонова как «один из самых фантастических моментов в истории». НАСА снова оказалось в проигрыше. Эд Уайт, конкурент Леонова по прогулкам в космосе, сумел догнать советского коллегу лишь 3 июня, во время второго полета «Джемини», почти через три месяца после экспедиции «Восхода-2».

Превосходный художник, Леонов тут же стал рисовать эскиз памятной марки, которая запечатлела бы его выход в открытый космос, и часами радостно обсуждал с Гагариным различия в кривизне Земли при наблюдении с орбиты. «Я видел ее более резко закругленной, чем Гагарин, и это меня беспокоило, но потом мы сообразили, что максимальная орбитальная высота „Восхода“ была пятьсот километров, а „Востока“ — двести пятьдесят, то есть я находился гораздо выше. Знаете, все имеет разумное объяснение с точки зрения физики». Не имели разумного объяснения лишь совершенно сверхъестественные

требования секретности. Невинный эскиз Леонова должны были утвердить пропагандисты из КГБ. «Все было такое засекреченное, понимаете, — вспоминал Леонов. — В конце концов я нарисовал совершенно другой корабль, он совершенно не был похож на мой, и тогда они отстали».

По завершении этой более или менее удачной экспедиции должен был состояться полет «Восхода-3», приуроченный к открытию съезда партии, намеченному на март 1966 года. К амбициозному проекту — встрече с беспилотным аппаратом — готовились космонавты Георгий Шонин и Борис Волынов. Для освещения предстоящих полетов «Восхода» привлекли журналиста Ярослава Голованова, а также двух писателей, поскольку Королеву не нравились чересчур прозаичные описания космических полетов. Ему хотелось, видно, большего пафоса и романтики.

14 января 1966 года Королев находился в Кремлевской больнице, где ему должны были сделать, как предполагалось, вполне обычную операцию на кишечнике. Годы болезней, чрезмерно интенсивной работы, а также пребывание в колымском лагере в 1939–1940 годах — все это не могло не отразиться на состоянии Главного Конструктора. Внутреннее кровотечение никак не удавалось остановить; кроме того, выяснилось, что в его брюшной полости — две огромные опухоли. После длительной и рискованной операции сердце Королева отказало, и он скончался.

Гагарин пришел в ярость, узнав, что элитные и увешанные наградами доктора не сумели спасти его друга и наставника. «Как они могли лечить такого уважаемого человека настолько примитивно и безответственно!» — кричал он в гневе. Гагарин всегда повторял, что не доверяет Кремлевской больнице. В июне 1964 года там должна была рожать Валентина Терешкова, вышедшая замуж за Андрияна Николаева. Игорь Хохлов, парикмахер и приятель Гагарина, вспоминал, что Гагарин, который относился к Терешковой с большой теплотой, говорил по этому поводу: «Эти дряхлые вожди из Политбюро больше не в состоянии иметь детей. В Кремлевской больнице роды принимают один-два раза в месяц. Надо положить Валентину в обычную больницу, где дети рождаются, как на конвейере, и где в родильном отделении понимают что делают, потому что у них есть опыт». К пожеланию Гагарина тогда прислушались, и Кремлевка лишилась звездной пациентки. Теперь же, в мрачном и пронизывающе-холодном январе 1966-го, Гагарин был глубоко потрясен смертью Королева.

Главный Конструктор, посвятивший всю свою жизнь советской космонавтике, одержавший блестящие победы, никогда

не обсуждал свой арест, пытки, избиения, сталинский лагерь. Он казался сильным, здоровым человеком, но на самом деле страдал от множества болезней. Он не мог поворачивать голову, ему приходилось разворачиваться всем телом, чтобы посмотреть собеседнику в лицо; не мог он и широко развести челюсти, чтобы громко расхохотаться.

За два дня до назначенной операции он отдыхал у себя дома в Останкине. К нему зашли Гагарин, Леонов и несколько других коллег. В конце вечера, когда большинство гостей уже надевали шинели, Королев попросил двух своих любимых космонавтов: «Не уходите. Хочу поговорить». Его жена Нина принесла еще еды и напитков, и четыре часа, до утра, Королев рассказывал им о ранних годах своей жизни, и этот рассказ Леонов запомнил навсегда. «Он говорил о том, как его арестовали и увезли, как его избивали. Когда он попросил воды, ему разбили лицо чайником… От него требовали список предателей и так называемых вредителей [первой ракетной программы], а он мог только твердить, что такого списка нет». Королев описывал, как заплывшими глазами различал: мучители суют в его покрытую синяками руку какую-то бумагу, чтобы он ее подписал; потом его снова избили и приговорили к десяти годам строгого режима в сибирском лагере. «Мы с Юрой поразились, многое в его рассказе стало для нас неожиданностью», — говорит Леонов.

А потом, спустя год, когда он уже почти умирал в сибирском лагере, Королева вызвали в Москву — знаменитый авиаконструктор Андрей Туполев затребовал его для военных работ. Туполев находился в спецтюрьме для инженеров, отличавшейся менее строгим режимом: там имелись отдельные конструкторские помещения, а жилищные условия были несколько лучше, чем в лагере6. Собственно, Туполев и сам был заключенным. Однако никто не организовал переправку Королева в Москву, и ему пришлось самому придумывать, как добираться до столицы. Страдая от невыносимого холода и от голодных галлюцинаций, однажды он нашел на земле горячую буханку хлеба — очевидно, упала с проезжавшего грузовика. «Она казалась мне чудом», — говорил он Гагарину и Леонову. На время он стал чернорабочим и сапожником, чтобы заработать деньги на проезд до Москвы по воде и по железной дороге. Зубы у него расшатались и кровоточили, потому что он целый год не видел свежих фруктов и овощей. Один раз, бредя по проселочной дороге, он упал и потерял сознание. Какой-то старик втирал травы ему в десны и, подняв его и поддерживая, обратил лицом к слабому солнцу, но путник упал снова. Леонов сохранил яркие впечатления о его рассказе: «Вдруг он различил в воздухе что-то

легкое, летучее. Бабочка. Она ему напомнила о жизни».

Видимо, страдавший от старых ран Главный Конструктор после стольких лет молчания хотел облегчить душу перед двумя младшими друзьями. Этот могучий человек никогда раньше не делился ни с кем своими столь личными, столь мучительными воспоминаниями, и молодых космонавтов глубоко тронуло услышанное. Леонов отмечает: «Королев тогда впервые заговорил о своем гулаговском заключении, потому что такие истории обычно хранили в тайне… Мы начали понимать: с нашей страной не всё в порядке… По пути домой Юра все спрашивал: как такое могло быть, почему таких уникальных людей, как Королев, подвергали репрессиям? Ведь очевидно было, что Королев — национальное достояние».

После похорон Гагарин настоял на том, чтобы провести ночь в доме Главного Конструктора. По словам Ярослава Голованова, Гагарин сказал: «Я не успокоюсь, пока не доставлю прах Королева на Луну». В крематории он попросил космонавта Владимира Комарова развеять часть королёвского праха во время следующего космического полета, при спуске, хотя, по православным обычаям, прах человека нельзя делить на части. Неизвестно, отправили в космос какую-то частицу праха или нет, но Голованов утверждал, что из крематория пропало несколько горстей: «Комаров действительно развеял его после смерти Королева. У Гагарина и Леонова тоже хранилась часть праха».

Смерть Королева отмечает поворотный момент в жизни Гагарина. Теперь он целиком посвятил себя подготовке к полетам в космос, в том числе — на Луну. Вернулась его самодисциплина, и он с удвоенной энергией вновь засел за диплом. Это произвело впечатление на Каманина, который позволил ему готовиться к первой экспедиции «Союза» в качестве дублера. При удачном раскладе место дублера автоматически давало ему возможность отправиться со второй экспедицией «Союза», но это привело к его прямому столкновению с другим космонавтом, который считал, что место принадлежит ему, а не Гагарину. Джеймс Оберг, видный космический историк, замечает: «О трениях между Гагариным и еще одним-двумя космонавтами не так уж много пишут — вероятно, потому что не любят это обсуждать. По большому счету Гагарин использовал преимущества своего звания и положения»7.

Глава 11
Падение на землю

Большинство космонавтов вполне ладили с Гагариным, ценили его чувство юмора и душевную щедрость, им нравилось развлекаться и выпивать с ним, и они признавали его своим неформальным лидером. Многим не терпелось снова увидеть его на орбите. Но был один космонавт, который относился к нему иначе.

Георгий Тимофеевич Береговой, родившийся в апреле 1921 года, являлся одним из самых старших космонавтов; его включили в состав отряда в 1963 году, когда пересматривали список «почти годных» кандидатур 1959 года. Среди всех космонавтов лишь он и Павел Беляев (командир Леонова в экспедиции «Восхода-2») могли похвастаться величайшим отличием пилота — реальным опытом воздушного боя. Береговой совершил 185 боевых вылетов во время войны и получил почетнейшее звание Героя Советского Союза. В 50-е годы он служил летчиком-испытателем, так что, подавая заявку в отряд космонавтов, явно считал, что у него неплохая квалификация. В 1964 году, вскоре после отбора, он получил место дублера в планируемой экспедиции «Восхода-3» и готовился к ней в полной уверенности, что отправится в ближайший же космический полет. Николай Каманин питал теплые чувства к собрату-ветерану. Он содействовал приему Берегового и предоставил ему все возможности добиться успеха.

После смерти Королева его преемником на посту главы ОКБ-1 стал Василий Мишин, человек доброжелательный и энергичный, но лишенный политического влияния и природной хитрости своего предшественника1. Так или иначе, работа над «Восходом-3» забуксовала настолько, что проект пришлось свернуть. Мишин решил направить усилия ОКБ-1 на «Союз» и на дальнейшее развитие мощного лунного двигателя Н-1, но и это оказалось делом очень непростым.

Береговой полагал, что его статус дублера плавно повысится как раз к следующему полету — первому пилотируемому испытанию нового комплекса «Союз», и он полетит в космос на этом корабле. Но тут в игру вступил Гагарин и потребовал это место для себя, по максимуму используя при этом свое положение и должность заместителя начальника Центра подготовки космонавтов. Береговой кристально четко обозначил свою обиду перед всеми, кто мог его услышать, и в конце концов

ворвался в кабинет Гагарина в Звездном городке, чтобы выяснить отношения лично. Федор Демчук, шофер Гагарина, в неподходящий момент вошел в кабинет и стал свидетелем этого скандала. «Береговой был постарше, но еще не летал в космос. Он отпускал всякие недостойные замечания насчет Гагарина, что, мол, слишком молод для звания Героя Советского Союза, слишком зазнался. Он обозвал Гагарина выскочкой, и Гагарин ответил: „Пока я руковожу, вы никогда в космос не полетите“. Потом они еще какое-то время препирались».

Вероятно, неправы были обе стороны. Возможно, Береговой рассчитывал, что его включат в состав экипажа «Союза» автоматически, но этого не произошло. Он проходил подготовку на «Восходе», оборудование которого весьма отличалось от техники нового корабля, и не вправе был винить в своем затянувшемся невезении Гагарина — так случилось, что программа «Восход» была свернута до того, как Береговой сумел полететь. Надо сказать, что он был человеком весьма амбициозным, а в 1972 году даже возглавил Звездный городок.

Позже, после бурного разговора с Береговым, Демчук опасливо сообщал Гагарину, что некоторые другие космонавты и руководители Звездного городка просили воспользоваться персональным автомобилем Гагарина, и Демчук, скромный водитель, не мог им отказать. Он рассказывал: «Тогда Гагарин ударил по капоту кулаком и говорит: „У нас тут один командир, и только он может распоряжаться машиной!“ Мол, кроме него, больше никто не может ее брать. Так он проявил свои чувства, на капоте осталась небольшая вмятина». Демчук был уверен, что эта вспышка, совершенно нетипичная для Гагарина, была результатом стресса, а не проявлением тщеславия.

Ярослав Голованов отмечал: «В то время другие космонавты частенько говорили: „А что Гагарин? Один разок обернулся вокруг Земли, и всего-то дел у него было — посматривать за автоматическими системами „Востока“. Но это не так, потому что когда он летал, вся эта история [с космическими полетами] только начиналась, и все, что он делал, было очень важно, и он вел себя очень храбро, никто ведь не знал, что могло случиться. Неизвестно было даже, сумеет ли человек в космосе нормально глотать, сумеет ли он перенести невесомость. Так что укорять Гагарина совершенно несправедливо“».

Наверняка эти критики, ругавшиеся себе под нос, принадлежали не к самому первому отряду, когда-то состоявшему из двадцати человек, а к свежему пополнению, готовившемуся полететь на «Союзе». Смерть Королева лишила Гагарина не только близкого друга и наставника, но и самого влиятельного

политического заступника в космических кругах, подобно тому, как падение Хрущева сделало Первого Космонавта беззащитным перед завистливыми кремлевскими генералами. Ему приходилось вести непривычно тяжелую борьбу за то, чтобы сохранить свое положение в космической иерархии, и это напряжение стало сказываться на его когда-то легком характере. Между тем под началом Василия Мишина ОКБ-1 ослабело, поскольку он не мог так же успешно, как Королев, защищаться от вмешательства властей и от яростной конкуренции со стороны других аэрокосмических конструкторских бюро, рвавшихся усилить собственное представительство в космосе.

А между тем грандиозная лунная программа НАСА вдруг приостановилась. 27 января 1967 года Гас Гриссом и его товарищи по экипажу Эд Уайт и Роджер Чаффи поднялись на борт первого подготовленного к полету «Аполлона», оснащенного вдвое уменьшенной разновидностью ракеты-носителя «Сатурн». Это была рутинная тренировочная процедура, в ходе которой пилоты должны были отработать «обратный отсчет» при включенных системах и довести корабль до последней секунды перед стартом, не запуская при этом двигатели «Сатурна». Дисциплина на стартовой площадке и вокруг нее хромала уже до начала этой репетиции: новая капсула не оправдала ожиданий. Детали электрических цепей и систем связи не выдерживали никакой критики, так что астронавты прикрепили заплесневевший лимон на верхушку капсулы-тренажера, чтобы выразить неудовольствие ее конструкцией. Когда Чаффи залез в люк, чтобы начать испытания, он пожаловался, что внутри аппарата пахнет прокисшим молоком. Присутствующие сошлись во мнении, что норовистая система климат-контроля испускает какие-то пары. Потом отказало радио. Разгневанный Гас Гриссом заорал: «Какого черта, как мы должны общаться с Центром из космоса, если мы даже не можем поговорить с ним, пока мы на Земле?» Вокруг стартового комплекса «Кеннеди» явно царило не очень-то приятное настроение. Техники задраили тяжелый люк «Аполлона», заперев экипаж внутри.

Прошло пять часов с начала испытаний, когда искаженный голос Гриссома по радиосвязи объявил сквозь треск помех: «У нас в капсуле пожар». Через несколько секунд — другой голос, видимо, Уайта, более настойчивый: «Эй, мы горим!» Потом — вопль боли, потом — лишь шипение и свист электрических разрядов: радио отключилось. Внезапно боковая часть капсулы треснула. Все услышали страшный гул и увидели, как верхнюю часть пусковой башни объяло пламя и клубы едкого дыма. Персонал площадки, на верхушке башни, отчаянно пытался

вытащить астронавтов наружу, но дым оказался непроницаемым, а жар — почти невыносимым. Люки удалось открыть лишь спустя четыре минуты. К тому времени все три астронавта были мертвы2.

Трагедия чем-то напоминает гибель Валентина Бондаренко в изолированной камере в далеком 1960 году, но НАСА не могло извлечь урок из той страшной трагедии — советскую космическую программу окружала завеса строжайшей секретности.

НАСА вступило в двухлетний период растерянности и неуверенности. Гибель астронавтов серьезно поколебала его техническую и политическую репутацию. Советские космонавты скорбели по своим американским коллегам, и власти разрешили им отправить официальные соболезнования родным погибших, а Брежнев и Мишин в это время цинично размышляли о том, что советской космической программе предоставилась возможность снова вырваться вперед.

Однако работы над советской гигантской суперракетой Н-1, предназначенной для полетов на Луну, сильно выбивались из графика, и даже деморализованные американцы понимали, что особой угрозы она для них не представляет. В официальном рапорте от 2 марта 1967 года американская военная разведка так оценивала Н-1:

> Ряд факторов препятствует тому, чтобы Советы смогли успешно конкурировать с графиком работ по «Аполлону»… Их луноход едва ли будет готов для испытаний до середины 1968 года, и даже после этого следует ожидать серии беспилотных запусков на протяжении примерно года — эти запуски понадобятся, чтобы подготовить систему к возможной попытке высадки на Луну. Пока же им придется проводить испытательные космические «рандеву» и отрабатывать технику стыковки 3.

Даже для Мишина и его команды в ОКБ-1, вечно опасавшихся противника, высадка человека на Луну и его успешное возвращение казались делом весьма отдаленного будущего. Однако можно было бы осуществить гораздо более простой проект — облет Луны в духе Жюля Верна, для этого не требовалась колоссальная и пока ни разу не летавшая ракета-носитель Н-1. Глушко и Челомей, старые соперники Королева по космическим делам, разрабатывали ракету «Протон», которая была крупнее и мощнее Р-7, однако все-таки недостаточно мощной, чтобы одновременно нести на себе и лунный

посадочный модуль, и спускаемый аппарат с экипажем. Мишин встал перед трудным выбором: если он решит заняться полетом вокруг Луны с помощью челомеевского «Протона», ему придется пожертвовать разработками по Н-1 и жукообразному луноходу; но если удастся совершить довольно простой с технической точки зрения облет Луны, пока НАСА залечивает раны после пожара «Аполлона», любые дальнейшие прогулки по лунной поверхности снова покажутся чем-то вторичным по сравнению с советскими достижениями. С учетом столь соблазнительного приза работу над новой капсулой «Союз» ускорили, ракету Н-1 отодвинули на еще более дальний план, а старые недруги Королева глубже запустили когти в ОКБ-1.

Все эти сложности сказались и на отряде космонавтов. Леонов начал готовить его к посадке на Луну с помощью Н-1, при которой предполагалось использовать небольшой одноместный посадочный модуль, а другая группа готовилась к облету Луны на «Протоне», с удлиненным вариантом «Союза» под названием «Зонд». При этом еще одна группа, в которую входил Гагарин, занималась подготовкой к первой наземно-орбитальной отработке действий нового «Союза» со стандартной Р-7. В отличие от проектов НАСА, где «Аполлон» являлся привилегированным центральным звеном, советские лунные программы без жесточайшей королёвской дисциплины и его таланта руководителя оказались расщепленными, перепутанными и противоречивыми.

К весне 1967 года развитие «Союза» уже вовсю продвигалось к своей ключевой стадии — первому полету. 22 апреля советские отделы пропаганды даже позволили кое-каким слухам просочиться в международное агентство ЮПИ: «Предстоящая миссия будет включать в себя самое впечатляющее советское космическое деяние в истории — попытку осуществить на орбите стыковку двух кораблей и переход членов экипажа из одного аппарата в другой». Но Николая Каманина, видимо, преследовали сомнения. В его дневнике можно найти довольно ясные намеки на политическое давление: власти хотели, чтобы «Союз» полетел как можно скорее.

> Мы должны быть полностью уверены, что полет пройдет успешно. Он будет сложнее предыдущих, и соответственно подготовка к нему должна проходить дольше… Мы не собираемся сжимать график. Излишняя спешка приводит к фатальным инцидентам, как с тремя американскими астронавтами в январе 4.

Тревога Каманина явилась предчувствием катастрофы.

Алексей Леонов говорит: «Первое пилотируемое испытание „Союза“ поручили Владимиру Комарову, с Юрием Гагариным в качестве дублера, а еще один „Союз“ зарезервировали для полета Юрия, который должен был состояться позже. В эти два года он очень серьезно готовился, подробно докладывал Государственной комиссии о своем продвижении. А потом Комаров полетел на два дня [на 27 часов], и у нас возникла большая проблема».

Предполагалось, что вслед за Комаровым на следующий же день стартует еще один «Союз», с тремя членами экипажа: Валерием Быковским, Евгением Хруновым и Алексеем Елисеевым. Затем эти два «Союза» состыкуются, после чего Хрунов и Елисеев перейдут в капсулу Комарова и сядут в запасные кресла, что станет очередным «впервые»: впервые в мире космонавты взлетят в одном корабле, а совершат посадку в другом. Все это задумывалось как репетиция грядущей лунной экспедиции. Пока на «Союзе» не было герметичного переходного шлюза, так что переход члена экипажа из капсулы в будущий лунный спускаемый аппарат мог осуществиться только путем перемещения из одного люка в другой через открытый космос.

По всей вероятности, брежневская администрация желала, чтобы эта стыковка произошла во время празднования Первого мая. К тому же 1967 год имел особое значение для вождей КПСС — в этом году отмечалась пятидесятая годовщина Октябрьской революции. Сама идея «союза» между двумя космическими кораблями, совместно действующими на орбите, являлась весьма символичной, особенно для тогдашних властей, вообще помешанных на символах. В 1982 году Виктор Евсиков, конструктор, принимавший участие в создании «Союза» и помогавший в разработке термоизоляции, признавался, обретя пристанище в Канаде, что на Василия Мишина и его ОКБ-1 оказывали сильнейшее политическое давление, правительство требовало, чтобы они в назначенное время вывели два «Союза» на орбиту: «Некоторые запуски делали почти исключительно в пропагандистских целях. Например, к Дню международной солидарности трудящихся в 1967 году приурочили полет Владимира Комарова, окончившийся трагически… Руководство ОКБ-1 знало, что аппарат „Союз“ еще не полностью отлажен, что требуется больше времени для того, чтобы по-настоящему подготовить его к работе, но партия приказала его запустить, несмотря на то, что четыре предварительных беспилотных испытания прошли неудачно… Полет произошел, хотя Василий Мишин отказался подписывать документы на утверждение спускаемого аппарата „Союза“, он считал, что этот аппарат еще не готов»5.

Крайний срок, поставленный партией, близился. Между тем специалисты ОКБ-1 знали о 203 недочетах аппарата, которые еще требовалось исправить. В этих исследованиях активно участвовал Юрий Гагарин6. К 9 марта 1967 года он вместе с ближайшими коллегами-космонавтами и с помощью инженеров составил десятистраничный официальный документ, где подробно перечислялись все эти проблемы. Трудность состояла в том, что никто не знал, как поступить с этой бумагой. В советском обществе дурные вести всегда плохо отражались прежде всего на самом вестнике. За спиной Мишина об этом докладе знали целых пятьдесят ведущих инженеров, кто-то из них помогал и в составлении документа, однако никто не нашел в себе силы отправиться в Кремль и сделать необходимое — потребовать, чтобы Брежнев отказался от пресловутого символизма полета, перестал подгонять конструкторов, разрешил отложить запуск и дал возможность спокойно устранить все технические неисправности.

В конце концов космонавты и «космические бюрократы» применили старую как мир методику. Они пригласили в качестве посланца незаинтересованное лицо, не имевшее отношения к программе «Союз». С просьбой доставить рапорт в ЦК они обратились к Вениамину Русаеву, гагаринскому другу из КГБ.

«Комаров пригласил меня с женой в гости, — рассказывал Русаев. — Когда он нас провожал, то прямо заявил: „Я не вернусь из этого полета“. Я знал, как обстояли дела, и спросил: „Если ты так уверен, что погибнешь, почему не откажешься участвовать в полете?“ Он ответил: „Если не полечу, вместо меня отправят дублера. То есть Юру. И он погибнет вместо меня. А нам его надо беречь“. Вообще техническая подготовка Гагарина к полету на „Союзе“ была хуже, чем Комарова. И Комаров сказал, что он знает, о чем говорит, а потом вдруг расплакался. Перед женой он, конечно, сдерживался, но, когда мы ненадолго остались одни, сломался».

В одиночку Русаев мало что мог сделать. Наутро, сидя за своим столом на Лубянке после бессонной ночи, он решил обратиться за советом к одному из своих начальников по КГБ, генерал-майору Константину Макарову, к которому относился с глубоким уважением. «Отдел Макарова занимался людьми, работавшими в космонавтике. Макаров тесно сотрудничал с Королевым, но потом тот умер, а Мишин [его преемник] был совсем из другого теста. Ребята из моего отдела тоже участвовали в этой работе, но с Мишиным невозможно было иметь дело, особенно когда требовалось принимать твердые решения. Его всегда приходилось направлять… Я пришел в кабинет к Макарову

и рассказал ему, что с ракетой серьезные проблемы. Он очень внимательно меня выслушал и ответил: „Я кое-что предприму. Не уходи сегодня со своего места. Ни на секунду“. Я выполнил обещание. Я просидел за своим столом недолго, скоро он меня вызвал к себе. Он дал мне письмо, составленное группой во главе с Юрием Гагариным. Там, в этом письме, были изложены результаты исследований, в которых принимали участие большинство космонавтов. Макаров велел мне отнести письмо наверх, Ивану Фадей-кину, начальнику Третьего управления»[22].

Это «письмо» состояло из пояснительной записки и десятистраничного документа, описывавшего все 203 технические неполадки «Союза». Русаев говорил: «Я его не читал. У меня просто не было времени». Кроме того, инстинкт кагэбэшника наверняка предостерег его: не исключено, что заглядывать в документ опасно для него лично. То же самое подумал и Фадейкин, едва увидев бумагу, и тут же свалил с себя ответственность: «Не в моей компетенции». Он направил Русаева к гораздо более опасному обитателю Лубянки — Георгию Циневу.

Цинев был близким другом Брежнева и даже его родственником (через жену), они вместе воевали. Если кто-то и мог доставить важное послание прямо в руки Генеральному секретарю, так это он. Но, к сожалению, все оказалось не так просто. Цинев быстро поднимался по карьерной лестнице КГБ, опекаемый своим кремлевским патроном. Он не собирался раздражать покровителя, это могло бы испортить столь драгоценные для него отношения. «Читая письмо, Цинев поглядывал на меня, чтобы понять, прочел ли я его сам», — пояснял Русаев. У него возникло четкое ощущение, что Цинев уже отлично знаком с содержанием документа и технические детали его совершенно не интересуют. «Он меня очень внимательно изучал, уставился, точно стервятник, и вдруг спросил: „Как ты отнесешься к повышению? Перешел бы ко мне в управление“. Он даже предложил мне кабинет получше».

Русаев многим рисковал. Цинев пытался подкупить его этим повышением, к тому же хотел перевести к себе, туда, где за Русаевым будет удобнее наблюдать. Если Русаев пойдет на сделку, то потеряет возможность помочь Комарову и Гагарину в их деле. Если же отвергнет предложение Цинева… О последствиях страшно было и подумать. «Видимо, все это было частью какой-то игры. Я очень рассердился, но не подавал вида. Я аккуратно отказался от предложения Цинева, объяснил, что у меня недостаточная квалификация, чтобы работать в его управлении».

Цинев оставил бумагу у себя, и ее никогда больше не видели.

Через считаные недели Фадейкина понизили, услав в иранское консульство — просто за преступное чтение этого доклада. Макарова тут же уволили, без всякой пенсии, а Цинев вскоре возглавил всю военную контрразведку КГБ[23]. Русаева же отстранили от космических дел и перевели в малозначительное управление подготовки личного состава под Москвой, вдалеке от Лубянки. «После этого я десять лет сидел тихо, как отшельник», — признаётся он.

Рано утром 23 апреля 1967 года «Союз» уже опирался на фермы стартовой башни Байконура, готовый к запуску по первоначальному графику. Комаров совершал последние приготовления перед тем, как подняться на лифте и занять свое место в капсуле, а Гагарин, судя по всему, забыл, что пытки, которым подвергали пилотов-дублеров в давние времена «Востока», в 1967 году уже не применяются. Дублеров не втискивали в скафандры и не везли к подножию пусковой башни полюбоваться, как их более везучие коллеги поднимаются к верхушке ракеты. Дублирующий экипаж освободили от дежурства вечером, накануне полета, только на сей раз, увы, Комаров не оказался «более везучим». Журналист Ярослав Голованов заметил, что Гагарин вел себя очень странно. «Он потребовал, чтобы на него надели защитный скафандр. Всем было уже ясно, что Комаров в отличной форме и готов к полету, что до старта всего три-четыре часа, но он вдруг как с цепи сорвался и стал требовать то одного, то другого. Какие-то внезапные капризы». Голованов не знал, что это не было случайной вспышкой, а вот Русаев и другие посвященные утверждали: так Гагарин пытался всеми правдами и неправдами добиться участия в полете, дабы спасти Комарова от почти неминуемой гибели.

Версия событий, излагаемая Голованом, вызывает вопросы: для этой экспедиции Комарову скафандр вообще не полагался, а значит, его не могли дать и Гагарину, дублеру. Передний модуль «Союза» был снабжен герметическими люками с обоих концов, что позволяло модулю служить переходной шлюзовой камерой. Космонавты из второго «Союза» выйдут в открытый космос, и каждому из них понадобится скафандр, но Комарову он не нужен. Зачем же тогда Гагарин требовал, чтобы его облачили в скафандр? Реалистическое объяснение: просто он хотел, чтобы скафандр надел Комаров, тем самым получив еще одну степень защиты. Это не так просто, как может показаться: скафандры тесно связаны с самим аппаратом, их не наденешь так же легко, как пальто, ведь их необходимо подключать к всевозможным системам жизнеобеспечения.

Есть и еще одна версия: не исключено, что Гагарин пытался каким-то образом помешать подготовительным операциям, но четкого плана действий у него не было. Однако, что бы ни произошло в раздевалке на самом деле, архивные кадры, снятые перед запуском, показывают нам невеселого Комарова, мрачного Гагарина и нескольких очень подавленных техников.

Комаров столкнулся с трудностями сразу, как только достиг орбиты. Одна из двух панелей солнечных батарей приборного отсека, располагавшегося сзади, не раскрылась (еще один отказ механики), и его бортовым компьютерам, отвечавшим за ориентацию корабля, не хватало энергии. Запуск второго «Союза» с Елисеевым, Хруновым и Быковским отложили, пока наземные службы боролись с проблемой нехватки энергии у Комарова, хотя, по некоторым свидетельствам, Василий Мишин до последнего сопротивлялся откладыванию этого второго запуска. После восемнадцати витков (через 26 часов) проблемы Комарова так и не удалось решить, и руководство полетом приняло решение прекратить выполнение всего проекта на ближайшем же витке. Комаров с огромным трудом ориентировал капсулу для возврата в атмосферу, жалуясь: «Чертов корабль! Чего ни коснись, все работает не так».

В отличие от шара «Востока», капсула «Союза» имела сильно уплощенное основание — чтобы ее легче приподнимали атмосферные потоки (этим она отличалась и от модуля «Аполлон»). Недостаток заключался в том, что «Союз» приходилось направлять гораздо точнее, чем «Восток». Когда автоматические системы ориентации почти полностью отказали, Комаров не смог удерживать корабль под постоянным углом, и тот начал вращаться. Тогда он включил высотные двигатели, чтобы попытаться вернуть себе контроль над ориентацией корабля. К сожалению, конструкторы из ОКБ-1 установили эти ускорители слишком близко к датчикам системы звездной навигации, и нежные линзы перестали отличать звезды от случайных отражений. Проходя над теневой стороной Земли и разыскивая более надежный ориентир для своей полуослепшей оптики, Комаров вынужден был задействовать Луну в отчаянной попытке выправить корабль7.

Много лет ходили слухи о диалоге Комарова и Центра управления полетами: они основаны на докладах американского Агентства национальной безопасности, сотрудники которого ловили эти радиосигналы с американской авиабазы близ Стамбула. В августе 1972 года бывший аналитик агентства, давая интервью под псевдонимом Уинслоу Пек (его настоящее имя — Перри Феллуок), сообщил волнующие подробности

перехваченных разговоров:

> Они уже знали, что у них проблемы, еще часа за два до гибели Комарова, и они бились, чтобы их устранить. Мы записали [диалог] на пленку и потом его пару раз послушали. Косыгин лично выходил на связь с Комаровым. У них была беседа по видео, Косыгин плакал. Говорил ему, что он герой… Жена парня тоже вышла на связь, они немного пообщались. Он ей говорил про семейные дела, про то, как поступить с детьми. Это было жутко. За несколько минут до конца он уже стал терять голову… Странно, нас вся эта история основательно перепахала — в том смысле, что наша работа как бы очеловечивала русских. Когда их столько изучаешь, столько часов их слушаешь, в конце концов знаешь их даже лучше, чем своих 8.

Начав спуск в атмосфере, Комаров уже понял, что попал в беду. Станции радионаблюдения в Турции перехватили его крики ярости и отчаянного разочарования, когда он несся к своей гибели, проклиная тех, кто посадил его в этот наспех склепанный корабль, хотя, возможно, Феллуок преувеличил, рассказывая далее о его «последних воплях».

Нечаянное пророчество Королева насчет «летания на тряпках» теперь сбылось: парашюты не раскрылись как полагается. Небольшой тормозной парашют вышел, но не сумел вытянуть основной из его отсека: еще один серьезный промах конструкторов. Запасной парашют раскрылся, но запутался в тормозном. Ничто не смогло замедлить падение капсулы. Комаров рухнул в степь под Оренбургом с ускорением ничем не сдерживаемого метеорита массой 2,8 тонны. Капсулу сплющило, и тормозные ракеты в ее основании взорвались, спалив то немногое, что еще оставалось от корабля.

Спасательные группы пытались потушить пламя, горстями забрасывая его землей. На своей базе они получили искаженное помехами сообщение об аварии: что-то насчет космонавта, которому требуется срочная медицинская помощь. Вряд ли хотя какая-нибудь узнаваемая частица тела Владимира Королева уцелела в катастрофе, хотя Русаев уверяет, что среди пепла нашли пяточную кость.

Для советской космонавтики это был первый случай гибели космонавта в реальном полете, и он вызвал огромное потрясение. Основные детали катастрофы не удалось скрыть от мира (хотя советские власти и признавали только отказ парашюта, а не целый ряд конструктивных просчетов и недоработок при

подготовке корабля, имевших место задолго до того, как он стартовал). Пришла очередь НАСА слать соболезнующие послания. Обе сверхдержавы поняли, что космос не различает государственной принадлежности и цветов флага, подвергая всех, кто посмеет в него проникнуть, будь то русские или американцы, одним и тем же рискам.

Придя домой к Русаеву через три недели после гибели Комарова, Гагарин не захотел обсуждать какие-либо важные вопросы в квартире друга — он опасался «жучков», подслушивающих устройств, которые тайно устанавливались в стенах, осветительных приборах или телефонах. В лифтах и вестибюлях беседовать тоже было небезопасно, так что эти двое курсировали по коридорам и лестницам многоквартирного дома, где металось гулкое эхо: главное — двигаться, сбивая подслушивателей с толку.

Гагарин образца 1967 года очень отличался от беззаботного оптимиста, каким он был в шестьдесят первом. Он чувствовал себя виноватым в гибели Комарова. «Он мне сообщил об огромном количестве исследований, которые они провели, чтобы попытаться воспрепятствовать этому полету, — рассказывал Русаев. — Говорил, что результаты они предполагали доложить Самому [Брежневу]. Что они надеялись на меня как на посла, который доставит их письмо в нужные кабинеты. Я объяснил Юре, как я этим занимался и что из этого вышло… Он меня предостерег: „И стены имеют уши“. Это была Юрина идея — избегать лифтов. Видимо, ему кто-то сказал, что меня слушают… Я в этом окончательно убедился, когда однажды жена разбудила меня в три часа ночи и мы с ней услышали странное потрескивание за решеткой вентиляции — оказалось, там установили „жучок“. Я страшно разозлился: значит, они и своих сотрудников слушают!»

Русаев продолжает свой рассказ: «В какой-то момент Гагарин объявил: „Я должен пойти к Самому. Как ты думаешь, примет?“ Я поразился его вопросу и ответил: „Юра, ты же всегда рядом с ним стоишь на Мавзолее. Вы с ним там всегда болтаете. И теперь ты меня спрашиваешь, примет он тебя или нет? Я-то ему даже руку никогда не пожимал“.

„Да, — признал Гагарин, — но я с ним ни разу не говорил серьезно. Ему хотелось слушать только всякие шуточки и пикантные истории, которые я привозил из заграничных поездок“.

Гагарина очень печалило, что он не сумел должным образом поговорить с Брежневым и убедить его отменить запуск Комарова.

Спустя много лет Русаев объяснял: „С Хрущевым у Гагарина были замечательные отношения, но с Брежневым — совсем не такие. А если тебя не хотят слушать, достучаться трудно“.

Перед уходом Гагарина стало ясно, насколько его переполняет гнев. „Я до него [до Брежнева] доберусь, — обещал он, — и если пойму, что он знал об этой ситуации и все-таки допустил, чтобы всё это случилось, я знаю, что я тогда сделаю“».

«Точно не знаю, что Юра имел в виду, — вспоминал Русаев. — Может быть, хорошенько врезать ему по морде». Он предупредил Гагарина: во всем, что касается Брежнева, надо соблюдать осмотрительность. «Я ему сказал: „Прежде чем что-нибудь делать, посоветуйся со мной. Веди себя осторожно, предупреждаю“. Но я больше не работал в космическом отделе. Я и в Москве-то уже не работал и мало что мог сделать. Не знаю, удалось ли Юре попасть к Брежневу. До сих пор себя виню, что не сумел остаться рядом с Юрой и как-то его направлять».

Поговаривали, что Гагарин в конце концов увиделся с Брежневым на каком-то мероприятии и плеснул ему в лицо вином из бокала.

Хотя Гагарин скорбел по Комарову, одному из самых способных и обаятельных космонавтов, он по-прежнему был полон решимости полететь в космос, а потому испытал огромное разочарование, когда начальство решило отстранить его от дальнейших полетов. Алексей Леонов объясняет: «После Комарова Государственная комиссия сочла невозможным отправлять Юру, так как все неполадки „Союза“ следовало исправить, полностью пересмотреть его конструкцию, а на это ушло бы года два».

Гагарина отстранили не только из-за того, что старт был отложен: руководство с новой силой забеспокоилось, как бы не потерять Гагарина из-за какого-нибудь несчастного случая. К тому же следовало поддерживать определенные воинские традиции. Сергей Белоцерковский неохотно согласился с решением запретить Первому Космонавту дальнейшие космические экспедиции. Он прекрасно понимал, что Гагарин отчаянно хотел полететь на Луну, однако замечал: «Главным кандидатом [на предполагавшийся лунный полет] был Андриян Николаев. Что касается Юры, то Королев незадолго до своей смерти говорил мне: вероятно, ему не следует больше летать. Юра оказался в трудной ситуации: он работал заместителем начальника Центра подготовки космонавтов, и обязанности у него были понятные — тренировка других космонавтов и наблюдение за ними. Руководитель Центра подготовки обычно

сам не летает».

Это решение очень опечалило Гагарина, и он обратился в Государственную комиссию с письмом, где умолял: «Меня нельзя отстранять от полетов. Если я перестану летать, у меня не будет морального права руководить теми, чья жизнь и работа связана с небом».

Хохлов, любимый гагаринский парикмахер, говорил: «Юра не мог без полета. В этом была вся его жизнь. Человек не может без своей профессии. Он без нее просто не мог жить».

Когда 26 октября 1968 года «Союз» после реконструкции наконец совершил первый успешный полет, за его пультом сидел самый суровый критик Гагарина — Георгий Береговой.

Правда о гибели Комарова и отстранении Гагарина от полетов стала достоянием гласности лишь в конце 1990-х годов, однако большинство западных специалистов давно знали: у Первого Космонавта возникли некие карьерные затруднения. Еще в 1978 году в своей сенсационной книге «Красная звезда на орбите» Джеймс Оберг, американский писатель, специалист по истории освоения космоса, заявлял:

> Перед тем как погибнуть в тридцать четыре года, Юрий успел превратиться из привлекательного и самоуверенного пилота реактивных машин в полубога, которому поклонялись и которого ограждали от всякого риска и приключений, пока он сам не попытался сломать эту защитную стену и вырваться наружу. Но он зашел в этом чересчур далеко.

Гагарин попытался отвлечь себя новыми вечеринками, и разочарованный Каманин замечал в дневнике, что после гибели Комарова и отстранения от полетов процесс разрушения личности Первого Космонавта пошел еще быстрее.

В начале марта 1967 года, последнего месяца жизни Гагарина, в Звездном городке наконец завершили строительство комфортабельного жилого корпуса для космонавтов. Алексей Леонов помнит происходившие там буйные пирушки: вероятно, космонавты хотели как-то отвлечься, забыть хоть ненадолго о страшной смерти Комарова: «Мы встречались в квартире Гагарина чаще, чем у кого-нибудь еще. Традиции гостеприимства сложились еще в Чкаловском, где мы жили раньше. Например, был закон: если припозднишься, раздевайся до пояса и с головой лезь в холодную ванну. Даже если ты знаменитость. Закон есть закон! Традицию заложил Юра: штука в том, что после холодной ванны тебя оживляют большой порцией водки, чтобы ты не простыл. Тогда все стали нарочно опаздывать, чтобы получить

водку, которая им причиталась.

Одним из выдающихся гостей был архитектор Комаровский, создатель высотки МГУ, где еще в 60-м году первые космонавты падали в шахту лифта. Его принимали в соответствии со старинными крестьянскими традициями гостеприимства, которые соблюдали даже на борту станции „Мир“: гостю, встречая, дают самую необходимую пищу, так как он мог проголодаться в пути. „Мы отвели Комаровского на верхний этаж, там приготовили хлеб-соль и водку, — рассказывает Леонов. — А потом мы его повели с одиннадцатого на десятый, там тоже — хлеб-соль, водка, и так далее, этаж за этажом. В конце всей этой затеи Комаровский и другие знаменитости сказали: „Много мы в жизни повидали всяких чудес, но такого хлебосольства никогда не встречали!“ Так мы отблагодарили тех, кто построил нам жилье“.

Гагарина такие вечеринки наверняка отвлекали от забот и тревог. Но, когда он возвращался в родной дом, в Гжатск, его тайные страхи, загнанные внутрь, иногда проявлялись.

Его сестра вспоминала: „Да, это было пятого декабря. Он всегда в это время года к нам приезжал и отправлялся на охоту. Он уже собрался выходить, но тут мама вдруг заволновалась. Помню, как Юра сказал: „Меня все в мире о чем-то просят. Я вечно помогаю каким-то совершенно незнакомым людям, а вот ты меня никогда ни о чем не просишь. Никогда не говоришь, что тебе нужно“. Валя и девочки [Лена и Галя] уже ждали его в машине, но у меня было такое чувство, что Юра не хочет нас покидать. По-моему, его что-то тревожило“».

Глава 12
Обломки

Американские астронавты 60-х очень гордились своими летными талантами, и работодатели из НАСА предоставляли им все возможности оттачивать эти умения в воздухе. В их распоряжение предоставили тренировочные реактивные самолеты «Нортроп Т-38», которыми они пользовались как личным транспортом, летая из одной базы НАСА в другую — из Техаса во Флориду, а оттуда — в Алабаму и обратно. Эти скоростные и легкие самолеты космической эпохи стали для них аналогом служебных автомобилей.

Напротив, пилоты, которых набирали для участия в советской космической программе из различных эскадрилий ВВС, к своему большому неудовольствию обнаруживали, что их летные часы существенно сократились и что теперь им запрещено совершать одиночные вылеты, каким бы ни был их воздушный опыт. Хотя база в Чкаловском, близ Звездного городка, так и напрашивалась в качестве тренировочного аэродрома, космонавтам доставались лишь весьма немногочисленные самолеты. За оснащение Звездного современными реактивными машинами всегда приходилось бороться, и здешнее руководство вынуждено было по большей части «реквизировать» эти летательные аппараты у конкурирующих организаций, в особенности у ВВС. Космонавт Владимир Шаталов, ставший руководителем Центра подготовки после того, как в 1971 году Каманина вынудили подать в отставку, описывал, как было тяжело добывать новые реактивные машины для Звездного городка: «Нам приходится тратить массу нервов на то, чтобы решать самые примитивные вопросы. К примеру, нужны три самолета. Вполне понятно, для какой цели, но, чтобы выбить нужные решения, нам приходится посетить Министерство финансов, Министерство военно-воздушного флота, обходить один кабинет за другим. А время уходит… Мы вынуждены ловчить… Самый сложный космический полет проще, чем все эти земные рогатки. Разве это нормально?»1

Каждому пилоту необходимо налетать минимальное количество часов за год, чтобы не потерять квалификацию. Космонавты в Звездном городке, которые хотели набрать вполне обычное число часов, вынуждены были делить между собой два тренировочных УТИ МиГ-15[24] с тандемным креслом, едва ли не самые старомодные самолеты в советском арсенале. Первые одноместные истребители МиГ (с двигателями, которые были

сделаны на базе разработок, украденных у компании «Роллс-Ройс») поступили на вооружение в далеком 1947 году. В течение 50-х они усовершенствовались, войдя в число самых грозных боевых машин в мире, но к концу 60-х эти устаревшие аппараты находились уже не в лучшей форме. Социалистические страны по-прежнему в больших количествах закупали их, но советские ВВС постепенно переходили на более современную технику. Когда Гагарину после гибели Комарова запретили космические полеты, он хотел показать себя на одном из этих более новых самолетов, но для начала ему требовалось серьезно наверстать упущенное.

Он был самым знаменитым летчиком в мире, но не самым опытным. Намеки на это до сих пор можно обнаружить в музее Звездного городка, где хранятся личные вещи Гагарина. Его журнал полетов — весьма почитаемый экспонат, однако содержащиеся в нем сведения обескураживают. К концу 1959 года, когда его зачислили в первый отряд космонавтов, он налетал в общей сложности 252 часа 21 минуту, из них всего 75 часов в качестве одиночного пилота МиГ-15, сначала в Оренбурге, а затем в Мурманской области, на авиабазе «Никель».

Для молодого лейтенанта ВВС, только начинающего карьеру, показатель не такой уж плохой, хотя большинство космонавтов из его группы имели за плечами около 1500 часов. Если бы он продолжал служить в военно-воздушных силах, он конечно же постепенно поднакопил бы летных часов и стал опытным пилотом истребителя. Но он утратил эту возможность, как только перешел в Звездный городок. За всю свою космическую карьеру, с 1960-го по 1968 год, он налетал лишь 78 дополнительных часов, причем ни один из этих полетов не был одиночным. Иными словами, он летал меньше 10 часов в год.

18 февраля 1968 года Гагарин наконец получил диплом Академии Жуковского, что существенно повышало шансы его карьерного роста, по крайней мере на Земле. Между тем пошатнулись позиции Николая Каманина, его непосредственного начальника в Звездном городке: ведь при катастрофе «Союза» погиб Комаров. Хотя Каманин не мог нести непосредственную ответственность за многочисленные технические неполадки, в числе прочих факторов приведшие к аварии, все же он был одним из армейских руководителей, давших санкцию на этот полет, и это вполне могло стоить ему должности. Существовала реальная возможность, что Гагарина произведут в генералы и назначат руководить подготовкой космонавтов вместо Каманина. Первого Космонавта беспокоило лишь то, как не потерять уважение других космонавтов: многие из них имели гораздо больше летного опыта, чем он, как резко не раз отмечал Береговой.

Борис Коновалов, журналист «Известий», писал: «Получалось нескладно: с одной стороны, все в один голос твердили, что профессия летчика необходима для космонавта. Ас другой — летные часы в подготовке стали сокращаться… Когда Гагарин стал заместителем начальника Центра подготовки космонавтов, он твердо взял курс на полеты… Владимир Шаталов (один из космонавтов)… летал на истребителях самых последних марок. А здесь, в Звездном, по правилам ему положено было летать только с инструктором на учебном самолете. Абсурд»2.

Алексей Леонов оправдывает желание Гагарина вернуться — и вернуть других — обратно в небо: «Спрашивали: „Зачем ему обязательно летать?“ Затем, что в Звездном он занимал должность заместителя начальника Центра подготовки космонавтов, а для этого нужно быть безупречным пилотом». Иными словами, тот, кто учит других летчиков, должен сам быть хорошим пилотом, иначе ученики не будут его уважать. Валентина, жена Гагарина, намекала на проблемы, с которыми столкнулся ее муж, в интервью Ярославу Голованову 1978 года: «Трудным, очень трудным периодом было для него время, когда решался вопрос, запретят ему летать или нет. „А нужно ли вообще ему было летать?“ — спрашивают иные… Надо знать Юру… Беречься, щадить себя для него означало не жить. Небом он „болел“ неизлечимо. „Не расстраивайся“, — пыталась я успокоить его. „Как я могу руководить и готовить к полетам других, если не летаю сам?“ — обижался он на меня»3.

К марту 1968 года Гагарин не поднимался в небо уже пять месяцев. Он обратился за помощью к Владимиру Серегину, опытному пилоту и хорошему инструктору. В юности, сражаясь с фашистами, Серегин совершил 140 боевых вылетов. Если же учесть, что подтверждавшие подписи командиров удавалось получить не всегда, то можно заключить, что общее число его авиационных вылазок достигало двухсот. Он сбил 17 вражеских машин, тем самым попав в категорию асов. К концу войны ему было всего 24 года, и он стал самым подходящим кандидатом для того, чтобы пилотировать лучшие новые самолеты.

В 1968 году Серегину было под пятьдесят. Возможно, он стал староват и реакция у него притупилась? Вряд ли. В качестве пилота-испытателя он завоевал репутацию человека, умевшего находить выход из самых сложных ситуаций. 12 марта 1968 года он сел в новую модификацию МиГ-21 и прервал разбег перед самым отрывом от полосы. Он был уверен: что-то не так. Закатив машину обратно в ангар, он заставил механиков проверить двигатель. Но они не обнаружили никаких неполадок. Серегин снова вывел самолет на полосу и снова в последний момент

остановился. Разумеется, при более пристальном осмотре механики нашли-таки проблему в двигателе. Эта история показывает, что пилот находился на пике внимательности, возраст не притупил его рефлексы и инстинкты.

Через две недели, 27 марта, Гагарин поднялся с аэродрома Чкаловский (база располагалась рядом со Звездным городком) на двухместном реактивном УТИ МиГ-15. На заднем сиденье расположился Серегин, выступавший в качестве инструктора. Целью полета было подготовить Гагарина к освоению более современного МиГ-17, чтобы, получив новую квалификацию, он смог навсегда распроститься со старым самолетом.

У Валентины был аппендицит, и она лежала в больнице. Гагарин собирался навестить ее вечером, после работы.

В 19:30 Таисия Серегина стала беспокоиться: ее муж Владимир еще не пришел домой. Она вспоминала: «Я его всю ночь прождала. Звонила на базу, и мне все время говорили: „Он не может сейчас подойти, но всё в порядке. Он занят“. Никто мне ничего не сказал. Я так и не заснула, а утром пошла на работу. А потом мне сказали, что на аэродроме что-то случилось, но я не могла поверить. Я подумала: если с мужем произошло что-то серьезное, они бы мне вчера сказали… Вдруг ко мне прибежала дочка. „Мама! — И слезы на глазах. — Папа умер!“ Плохо помню, что было потом».

Алексей Леонов был одним из немногих космонавтов, считавших пилотирование вертолетов стоящим делом. Он участвовал в испытаниях, где отрабатывались маневры для будущей посадки на Луну с помощью специально переоборудованных вертолетов в качестве несложных имитаторов аппарата вертикального спуска. Утром 27 марта он руководил группой космонавтов, совершавших тренировочные прыжки с парашютом на аэродроме в Киржаче, в 13 километрах от Чкаловского, откуда поднялись Серегин и Гагарин. Погода быстро ухудшалась, и он напряженно вел тяжелый вертолет, пытаясь найти просвет в облаках, чтобы сбросить своих парашютистов.

Высота нижней кромки облаков составляла 450 метров, видимость была отвратительная. По крыше кабины барабанил дождь, а потом пошел мокрый снег. Леонову удалось запустить первую команду парашютистов, но видимость быстро ухудшалась. Наземные метеослужбы сообщили ему, что в ближайшее время улучшения погоды не ожидается, и он повел вертолет обратно в Киржач, хотя половина парашютной группы еще оставалась на борту. «Через какие-то секунды после приземления мы услышали два взрыва — точнее, взрыв и хлопок, характерный для самолета, переходящего звуковой барьер. Мы недоумевали: что это? Взрыв

или хлопок? Я сказал, что это, видимо, и то и другое, что это как-то связано. Два звука разделяла какая-то секунда».

Чкаловский находился за горизонтом, в тринадцати километрах, к тому же звуки приглушала сырая погода, но даже на таком расстоянии они были вполне различимы. Леонов забеспокоился. Он прекрасно знал, что Гагарин сегодня в воздухе. На свою ответственность Леонов, несмотря на метеоусловия, отправился на вертолете в Чкаловский. По пути он заметил, что наземные службы то и дело выкликают «625-й!» — позывной Гагарина. Как только Леонов приземлился в Чкаловском, командир авиаполка подошел к нему и сообщил: «Юра не вернулся на аэродром, хотя горючее у него должно было кончиться еще сорок пять минут назад».

Леонов решил изложить начальству свою теорию. «Я пошел в диспетчерскую, там был Николай Каманин. Я ему сказал: „Может быть, странно такое говорить, но я слышал взрыв и хлопок от сверхзвуковой волны“. Я дал ему прикидку (направление по азимуту), откуда, как мне казалось, слышались звуки».

Поисковый вертолет отправился на облет района, где машину Гагарина видели на экране радара последний раз — в 96 километрах к северо-востоку от Москвы. Пилот летел низко над землей, и вскоре он обнаружил участок леса с черной проплешиной взрытой земли, испускавшей какой-то пар, но видимость по-прежнему была плохая, и он не знал, точно ли это место катастрофы. Леонов говорит: «Вертолетчик решил, что этот пар — какое-то природное явление. Ему приказали совершить посадку и обследовать участок пешком. В лесу трудно было отыскать место для посадки, так что пилот нашел ближайшее открытое место около церкви и сел там». Чтобы добраться до леса, где он видел дым, ему, по всей видимости, целый час пришлось пробираться по снегу, глубина которого кое-где достигала метра. Найдя то, что нужно было найти, он с трудом вернулся к своему вертолету и доложил обстановку по рации: обнаружена большая воронка, сообщил он, и земля из нее разбросана по значительной территории. Некоторые деревья по периметру сломаны, весь участок засыпан кусочками искореженного металла. Очевидно, здесь произошла авиакатастрофа, но основной части самолета в воронке не видно — ни фюзеляжа, ни главного двигательного отсека.

Гагарин и Серегин потеряли связь с наземными службами Чкаловского в 10:31 утра. К тому времени, когда вертолетчик добрался до места аварии, передал свой рапорт и вызвал спасательную группу, оснащенную должным образом, было уже около 16:30. Серый зимний свет, и без того скудный, быстро

мерк. Поисковая команда прибыла с мощными фонарями, но в зимней тьме от них было мало проку. К сумеркам поисковики идентифицировали клочки одежды Владимира Серегина и обломки гагаринского планшета с картой, но не нашли ни единого фрагмента их тел или главных частей самолета. «Всю ночь два батальона солдат прочесывали лес, но ничего не обнаружили, — рассказывает Леонов. — А назавтра мы стали раскапывать воронку глубже и нашли клочья гагаринской летной куртки. Стало понятно, что наши где-то здесь. Они не катапультировались».

Передняя часть самолета при ударе ушла под тяжестью массивного двигательного узла в землю на несколько метров. Спасательной группе пришлось выкапывать кабину из твердой промерзшей земли. Кабина была расплющена, тела двух пилотов жестоко искорежены. Потрясенные, подавленные, спасатели много часов извлекали отдельные пальцы рук и ног, куски ребер, осколки черепов — из воронки, с прилегающих участков земли, даже с деревьев: теперь стало ясно, что искать. Некоторые деревья пришлось свалить, чтобы достать маленькие кусочки металла, ткани и человеческих тел, застрявшие в верхних ветвях. Стало понятно, что удар самолета о деревья нанес чудовищные повреждения кабине еще до того, как финальное столкновение с землей окончательно сокрушило ее.

Между тем Федор Демчук, персональный шофер Гагарина, привезший его утром в Чкаловский, спокойно ждал возвращения МиГа, чтобы отвезти своего пассажира в Москву: вечером тот собирался заехать к Вале в кунцевскую больницу. «Часов в одиннадцать [утра] все мы, — вспоминал Демчук, — узнали, что радиосвязь с ним потеряна. Думали, у него испортилась рация или произошло что-нибудь в этом роде. Настроение резко упало, когда стало известно, что спасатели отправляются на поиски. Нам сообщили, что найдено место катастрофы и что мы должны быть готовы в восемь вечера выдвигаться. Мы собрали группу, взяли кое-какое снаряжение и двинулись на место. Там было много снега, дорога тяжелая, так что мы почти всю ночь ехали. Конечно, все были расстроены. Все до единого. Самое страшное — неизвестность».

Наутро, с рассветом, стали ясны масштабы катастрофы. Отрядам солдат приказали в течение нескольких ближайших дней безостановочно прочесывать район в поисках любых обломков, пусть даже самых крошечных и самых незначительных с виду. Демчук принимал активное участие в этих поисках: «Из крупных кусков уцелели только двигатель, какие-то посадочные узлы и одно крыло. Остальное разбросало по всему лесу, такая

была сила удара и взрыва. Мы пробирались по снегу. Идешь, видишь дырку в снегу, суешь туда руку — и вытаскиваешь кусок мяса или кости. Иногда — палец. Это были страшные дни».

Но худший момент для Демчука настал через два дня после катастрофы, когда он вез потрясенную горем Валентину Гагарину из больницы после операции. Он бездумно сказал что-то о том, как искали тело Гагарина. «У нее началась истерика. Она не знала. Она думала, что его нашли целым или что хотя бы нашли почти все части тела. Мужики, конечно, отлично соображают, что бывает при взрыве, но женщине откуда знать? Она не понимала, что их разнесло на мелкие кусочки. А я ей по наивности сболтнул. Хотя, может, горькая правда лучше, чем сладкая ложь».

При соблюдении строжайших мер секретности Леонова, Каманина и некоторых их коллег попросили попытаться опознать двух погибших по фрагментам тел. Леонов вспоминает: «Когда мне показали кусок шеи, я сразу сказал: „Это Гагарин“. Почему? Родинка. Как-то в субботу мы были в парикмахерской, в гостинице „Юность“. Там был такой парикмахер, Игорь Хохлов, он Юру очень любил и всегда его стриг. И я увидел эту родинку, диаметром миллиметра три, и сказал: „Игорь, ты осторожней, смотри не срежь“. Так что когда я ее увидел, сразу понял, что поиски можно прекращать. Мы больше нигде Гагарина не найдем. Он тут».

Тем временем началось одно из самых масштабных расследований авиакатастроф в советской истории. Несмотря на очень широкий разлет осколков, за ближайшие две недели 95 % фрагментов МиГа удалось собрать для анализа. Пока вели кропотливый сбор этих металлических и пластмассовых частиц, фрагменты тканей сердца и мышц из разорванных в клочья тел пилотов отправили на химический анализ.

Существовала стандартная последовательность биохимических анализов, выполняемых при изучении останков всех советских военных летчиков, погибших в катастрофах. Концентрация молочной кислоты в мышечной ткани помогала понять, в каком физическом состоянии находился пилот во время аварии. Если содержание кислоты высокое, значит, мышцы были напряжены, а пилот находился в состоянии полной готовности. Если же уровень низок, это указывает на то, что пилот пребывал в расслабленном состоянии — возможно, в результате потери сознания из-за перегрузок. В таком случае расследование инцидента проходило сравнительно просто: пилота нельзя было признать ответственным за случившееся, и его честь была спасена. Если же концентрация молочной кислоты находилась на

среднем уровне, значит, пилот мог ослабить бдительность из-за усталости; в этом случае расследование велось шире и учитывало его общую нагрузку и карьерный путь. Самое ужасное, если находили в крови алкоголь. Значит, пилот управлял самолетом в состоянии опьянения, и тогда его репутацию уже ничто не могло спасти.

Сразу же после того, как Гагарин и Серегин разбились, поползли слухи, что они летали пьяными. Эту версию выдвигают и сегодня4. Дескать, накануне полета, вечером, они отмечали пятидесятилетний юбилей коллеги и отмечание выдалось бурным и долгим. Таисия Серегина резко отвергает такое предположение. «Накануне полета муж лег в десять. Я спросила: „Почему так рано?“ Он ответил: „Завтра надо Юру испытать, так что хочу быть в форме“. Утром ушел на работу в хорошем настроении. Сказал: „Сегодня будет хороший денек“. А случилась трагедия».

Таисия признаёт, что перед катастрофой имела место вечеринка, но было это днем раньше. «В понедельник в Звездном отмечали пятидесятилетие их коллеги. Во вторник муж работал как обычно. В среду Юра должен был полететь. Вот почему во вторник муж сказал, что ему надо пораньше лечь». Таисия винит в распространении этих слухов непосредственного начальника Серегина на авиабазе в Чкаловском генерала Кузнецова, с которым у ее мужа были напряженные отношения: «Однажды он его вызвал к себе и заставил дожидаться под дверью. Наконец муж разозлился. Выходит, он явился только для того, чтобы узнать: этот тип его не примет. Так что он развернулся и уехал обратно на аэродром».

Видимо, дело тут было в соперничестве между этими двумя летчиками за положение на авиабазе. Гагарин и Серегин были близкими друзьями, и Таисия Серегина уверена, что генерал Кузнецов завидовал дружбе ее мужа с Первым Космонавтом: «Юра как-то раз сказал мужу: „Не обращай внимания на Кузнецова, того и гляди я стану начальником Центра подготовки, и всё наладится“. Позже Кузнецов говорил, что во время последнего полета муж был болен, что у него был слабый желудок или язва. Но муж никогда в жизни не жаловался ни на какие хвори. Это подло — говорить такие мерзости».

Если Кузнецов использовал слова «слабый желудок» и «язва» как эвфемизмы похмелья, тогда на стороне Таисии Серегиной — убедительное доказательство. Образцы тканей из останков Гагарина и Серегина были направлены в несколько институтов, и все экспертизы дали сходные результаты. Содержание молочной кислоты в мышечной ткани обоих было высоким, а значит, они, судя по всему, в момент аварии находились в ясном сознании, в

состоянии полной сосредоточенности. Более того, эти данные показывают, что пилоты упорно боролись с рукоятками управления МиГа. Уровень же обнаруженного алкоголя оказался пренебрежимо мал.

Осмотр обломков самолета навел и на другие умозаключения. Рукоятки в переднем и заднем отсеках кабины были расположены так, как если бы пилоты пытались выровнять самолет, теряющий управление. Теоретически при катастрофе удар мог случайным образом сместить ручки, однако ножные педали также находились в соответствующих положениях. То же касается и тормозных рычагов и элементов управления закрылками. Несмотря на колоссальные повреждения механических компонентов кабины, имелись веские основания предполагать, что оба пилота отчаянно пытались спасти самолет от рокового виража.

Более того, они, по-видимому, испробовали все необходимые маневры, стараясь придать самолету небольшой 20-градусный крен, а не просто в бездумной панике вцепились в рычаги, пытаясь взлететь вертикально5.

Алексей Леонов был членом группы, занимавшейся расследованием этой катастрофы. Он подчеркивает: «Когда самолет ударился о землю, он не пикировал, он выходил из пике. Самолет вошел в землю не носом, он почти плоско упал на брюхо». Но ускорения, направленного вниз, все же оказалось достаточно, чтобы двигательный блок вошел на несколько метров в глубь промерзшей тверди; однако такое соударение по типу «блинчик» позволяет предположить, что пилоты, возможно, были мучительно близки к тому, чтобы выровнять машину и подняться, — но тут они рухнули вниз.

Возник главный вопрос: прежде всего почему самолет потерял управление? Он явно не столкнулся с другим, так как тогда он развалился бы еще в воздухе и обломки рассыпались бы внизу по гораздо большей площади. Кроме того, нашлись бы какие-нибудь обломки того самолета, в который он врезался.

Эта катастрофа казалась загадкой. Следователи обратились за ответами к сервисной книжке МиГа, на котором летели Гагарин и Серегин. Может быть, в стареющем реактивном аппарате что-то отказало, пропала тяга? Комиссия отметила несколько настораживающих моментов:

> Недоработки по оборудованию и полетным операциям:
>
> 1. Данный аппарат, УТИ МиГ-15, являлся старым, он был выпущен в 1956 году и подвергался двум

капитальным ремонтам. Летный ресурс машины снизился до 30 %.

2. Двигатель ДА-450 также был выпущен в 1956 году и прошел четыре капитальных ремонта. Его летный ресурс составлял 30 %.

3. На самолет были установлены два 26-литровых внешних топливных бака, ухудшавших его аэродинамические качества и втрое снижавших уровень допустимых перегрузок.

4. Система катапультирования вынуждала инструктора покидать самолет первым.

5. Высотомер, определявший расстояние до земли, был неисправен. 6

Гагарин и Серегин летели с одноразовыми отделяемыми топливными баками под крыльями. Алексей Леонов говорит: «Эта конфигурация всегда считалась неудачной. Аэродинамическая конструкция баков ухудшала параметры безопасности полета, например угол атаки, углы планирования, перегрузки». Для недолгого тренировочного полета над родной авиабазой отделяемые баки не требовались: они предназначались главным образом для боевых МиГов, чтобы им хватало горючего долететь до вражеской территории. Достигнув зоны боевых действий и вступив в сражение, самолет сбросит ненужные баки, дабы достичь максимальной маневренности и скорости. 27 марта на тренировочную машину Гагарина поставили пару таких баков — он должен был почувствовать, с какой осторожностью нужно действовать, пока они не отделились. Вообще-то баки эти не создавали никаких особых сложностей. Все пилоты МиГов знали строгий запрет на попытки имитировать боевые маневры с прикрепленными внешними баками. УТИ МиГ-15 был крепкой машиной, дававшей курсантам довольно большой простор для ошибок, с внешними баками или без них. Все называли эту модель УТИ «мамочкой», потому что на таких двухместных аппаратах учились летать тысячи летчиков. Несмотря на сомнения, вызванные почтенным возрастом гагаринского истребителя и устрашающим количеством пережитых им кап-ремонтов, изучение обломков не выявило структурных неполадок, которые могли возникнуть непосредственно перед аварией. Почему же целехонький и нормально функционировавший МиГ вдруг упал на землю? В поисках объяснений комиссия обратилась к сводкам погоды того дня:

Сложные метеоусловия стали постепенно

> ухудшаться еще сильнее, о чем свидетельствуют круговые очертания фронтов атмосферного давления на метеокартах и показания очевидцев. При подготовке к полету [летчикам] была предоставлена неточная информация о погоде, так как вылет самолетов метеослужб был отложен 7.

Очевидно, Серегину ошибочно сообщили, что нижняя граница облачности проходит на уровне 1000 метров, на самом же деле она проходила гораздо ниже, на высоте 450 метров. Из-за мелких технических неполадок МиГа высотомер давал неверные показания, когда самолет находился в пике. Возможно, Серегин пошел на снижение сквозь облачность, считая, что высота самолета над землей вдвое больше, чем на самом деле: в полете соответствующая разница во времени составляет всего несколько секунд, но она может оказаться решающей. Хватило ли этих нескольких секунд видимости, когда они вынырнули из-под облаков, чтобы Серегин понял, что непоправимо теряет высоту? А если да, то почему он не приказал катапультироваться еще до того, как самолет врезался в землю? По словам Леонова, минимальная высота для безопасного катапультирования из МиГа составляет 200 метров, не такая уж непоправимо огромная величина, а удар самолета о землю «брюхом» позволяет предположить, что Серегин, может быть, еще рассчитывал набрать высоту, вот почему он не отдал приказ катапультироваться. К тому же, как все отлично понимали, если он и рассматривал возможность выброситься из самолета, сама эта процедура могла вызвать некоторые затруднения. Через два десятка лет после расследования Игорь Качаровский, опытный авиаинженер, написал Сергею Белоцерковскому о своих наблюдениях:

> Как правило, на УТИ МиГ-15 летят курсант и инструктор. Инструктор сидит в заднем кресле. Переднее кресло расположено так же, как у одноместного боевого МиГ-15. Порядок катапультирования следующий: сначала выбрасывается инструктор с заднего кресла. Затем — пилот с переднего. Если же пилот выбросится первым, реактивная струя его катапультного механизма пойдет в задний отсек, и катапультироваться из него станет невозможно. Вместо того чтобы найти техническое решение получше, конструкторы пришли к «методологическому» решению, не думая о последствиях. Инструктор вынужден катапультироваться первым, что противоречит

общечеловеческим этическим нормам 8.

Главная мысль Качаровского: никакой уважающий себя инструктор не захочет оставлять менее опытного пилота самостоятельно выживать в падающем самолете. Для инструктора это вопрос чести — сначала вытащить ученика из самолета, а потом уж заботиться о себе. Конструкция же УТИ МиГ-15 словно насмехалась над этой достойной традицией. Хотя Качаровский не может выдвинуть никаких доказательств, что катапультирование пытались произвести или хотя бы рассматривали такую возможность, он выдвигает страшную версию развития событий: «Легко себе представить ситуацию: Серегин, командир экипажа, приказывает Гагарину катапультироваться, но Гагарин понимает, что, спасая свою жизнь, подвергнет угрозе жизнь своего друга и наставника. Каждый думает не о себе, а о другом».

Качаровский, утверждает, что споря, кому первым катапультироваться, Гагарин и Серегин потеряли драгоценные секунды и потому в конце концов рухнули на землю. На самом деле это скорее эмоциональный, чем логический сценарий. Когда конструкторы УТИ МиГ-15 разрабатывали последовательность катапультирования, особого выбора у них не было. Такая последовательность применяется во всех двухместных реактивных машинах по всему миру, и причина тут очень проста. Если первым выбросится пилот, сидящий впереди, самолет под ним сместится чуть вперед, пока этот катапультировавшийся летчик будет лететь вверх. В те краткие доли секунды, пока он еще находится вблизи верхней части самолета, задняя часть кабины пройдет как раз под его катапультным креслом, что на несколько бесценных долей секунды перекроет пути отступления для заднего пилота. Более того, ракетная струя первого кресла прожжет крышу-фонарь в задней части кабины, и жизнь второго пилота окажется в серьезной опасности. Однако если второй пилот катапультируется первым, то другой летчик тоже сможет благополучно катапультироваться, так как в этом случае его реактивная струя пройдет над опустевшим задним креслом9.

Вопросам нравственности и морали здесь места нет. Для безопасного выхода из ситуации вполне достаточно, чтобы два катапультирования отделяло друг от друга полсекунды, даже меньше. Командир на заднем сиденье отдает приказ катапультироваться и тут же покидает машину. Курсант в переднем кресле выбрасывается чуть позже, но реагирует на приказ так быстро, что разница во времени тут вообще едва ли существенна.

Куда существеннее тот факт, что среди обломков нашли раму

фонаря кабины. В современном реактивном истребителе пилот в случае опасности просто тянет за рычаг на своем кресле, и дальше сложные катапультные механизмы берут на себя заботу обо всем, в том числе и убирают фонарь. Если, в самом худшем случае, крыша не уберется как надо, сетка взрывных проводов, вделанная в плексиглас, расколет ее, чтобы кресло могло просто вытолкнуться наружу. Однако на старом МиГе пилоту сначала требовалось потянуть за рычаг слева, чтобы с помощью особой механической системы избавиться от крыши. Лишь тогда он смог бы катапультироваться. Очевидно, ни тот ни другой пилот не тянули за рычаг отделения крыши.

Но внутри рамы крыши-фонаря, найденной среди обломков, осталось не так уж много плексигласа. Почти весь прозрачный материал разбился, на месте аварии нашли только весьма незначительную его часть. Это было единственное материальное доказательство во всем расследовании, напрямую указывавшее на то, что, возможно, при аварии произошло какое-то воздушное столкновение. Если бы МиГ врезался в другой самолет, он получил бы гораздо больше повреждений в полете, они бы явно не ограничились разбитым фонарем. Отсутствие стекла заставляло предположить, что аппарат претерпел касательное столкновение с птицей или с подвесным инструментальным блоком случайного метеозонда. Таково основное объяснение аварии, на котором в конце концов остановилась комиссия. При этом она опиралась на одну-единственную улику — отсутствие плексигласа. Серегин и Гагарин потеряли контроль над самолетом, когда фонарь кабины разбился, и не смогли справиться с ситуацией.

Между тем КГБ проводил параллельное расследование, не содействуя ВВС и членам официальной комиссии, а скорее действуя против них. Доклад КГБ также фокусировался на простейшем из возможных объяснений, принятом комиссией на основании данных о разбитом фонаре кабины. Николай Рыбкин, один из следователей КГБ, позже — «эксперт по безопасности»[25], знает все аспекты участия спецслужб в первых космических программах СССР. Он — среди немногих людей, которым предоставлен доступ к многотомному первоначальному докладу комиссии, даже сейчас погребенному в недрах Лубянки. Рыбкин замечает: «Отсутствие плексигласа на фонаре говорит о том, что перед аварией что-то должно было удариться о кабину. Птица ударилась бы спереди, а не сверху. Столкновение с самолетом вызвало бы гораздо больше повреждений. Ситуация с отсутствием стекла больше похожа на последствия столкновения с висячим инструментальным блоком метеозонда». Так, значит, выводы

комиссии, возможно, верны? «Единственный неоспоримый факт — то, что стекло в фонаре кабины разбилось до того, как самолет рухнул на землю, — осторожно замечает Рыбкин. — Все прочее — лишь догадки. Только Гагарин и Серегин могли бы нам рассказать, что на самом деле произошло в тот день».

Рыбкин позволяет взглянуть на политику расследования шире: «Было несколько подкомиссий, каждая рассматривала свою область. Одна занималась техническим обслуживанием самолета, другая — подготовкой пилотов, третья — заправкой и установкой топливных баков, а четвертая изучала все медицинские вопросы. Имелась и еще одна подкомиссия, которая выясняла, на сколько вероятны саботаж или заговор из соображений мести. В те времена подобные вопросы входили в компетенцию КГБ». Проблема в том, что, как часто бывает с важными и политически значимыми расследованиями, эти пять подкомиссий совершенно не сотрудничали друг с другом. «В дело были вовлечены несколько крупных организаций, в КГБ были свои управления и отделы, и потому документы подкомиссий так никогда и не собрали в единое внятное дело, чтобы представить его главной комиссии. Причина — в том, что слишком много заинтересованных лиц действовали в интересах организаций, которые руководство страны могло счесть ответственными за аварию. Некоторые люди, нравится нам это или нет, подтасовали факты, чтобы спасти честь мундира. Я нашел доклад генерала Микояна, знаменитого человека, создавшего первый МиГ, и он пишет, что абсолютно не удовлетворен тем, как проводится расследование».

Работа комиссии абсолютно не удовлетворила и Алексея Леонова с Сергеем Белоцерковским. Они считали, что версия с метеозондом глубоко ошибочна. Леонов утверждает: он в точности знает, что произошло в тот день. «В этой облачности мимо МиГа Серегина и Гагарина пролетел другой самолет, очень близко, в десяти-пятнадцати-двадцати метрах. Спутной струей (завихрением воздуха от другого самолета) МиГ перевернуло, поэтому он потерял управление и разбился».

Версия Леонова об аэродинамическом вмешательстве другого самолета дает достоверное объяснение катастрофы, только вот со столь обыденной проблемой пилоты МиГа наверняка бы справились. Если 27 марта имела место спутная струя, то Серегин сумел бы стабилизировать самолет без особых затруднений. Генерал-майор Юрий Куликов, бывший начальник Службы безопасности полетов ВВС, подчеркивает, что МиГ-15 проходил интенсивные летные испытания в условиях искусственной спутной струи. На безопасной высоте любой опытный пилот

способен вернуть самолету управляемость. В январе 1996 года Куликов дал интервью газете «Moscow News», где довольно резко указывал, что катастрофа объясняется главным образом «ошибкой пилота»: «Даже если Гагарин и Серегин попали в спутную струю, МиГ можно было вернуть к нормальной управляемости. Подобные потоки мало влияют на работу двигателя. Я хочу подчеркнуть, этот вывод — результат серии самых строгих испытаний… Гагарин был не совсем подготовлен для таких условий… Вы должны понять, что в то время означало имя „Гагарин“ для нашей страны. Это был символ победы социализма в космосе. Поэтому казалось, что Первый космонавт не может совершать ошибки»10.

Однако Куликов преследовал свои тайные цели, так как сам входил в состав следственной комиссии 1968 года, а кроме того, являлся одним из высших офицеров, отвечавших в то время за общий контроль воздушного движения. Примечательно, что он забыл упомянуть: ни МиГ-15, ни другие многочисленные самолеты, проверявшиеся на устойчивость к спутной струе, никогда не оснащались при этом отделяемыми топливными баками, потому что (и здесь военная логическая цепочка замыкается) такие баки запрещалось использовать при столь экстремальных маневрах. Попросту говоря, никому никогда не приходило в голову испытывать тренировочный МиГ-15 при самых жестких летных условиях и с отделяемыми внешними баками, поскольку это было бы слишком опасно даже для самого опытного пилота-испытателя.

По-видимому, завихрения воздуха от другого самолета, в которые попал бы МиГ с отделяемыми топливными баками (такой же, на котором летели Гагарин и Серегин), представляли бы более серьезную угрозу, чем предпочитал признавать генерал-майор Куликов.

Алексей Леонов идет еще дальше. Он настаивает: то был не просто вихревой поток от другого МиГа, а мощная сверхзвуковая ударная волна от новейшего истребителя. Она врезалась в самолет Гагарина и Серегина точно движущаяся кирпичная стена.

Леонов всегда был твердо уверен, что два взрыва, которые он услышал, приземлившись на своем вертолете в Кир-жаче, обозначали два разных явления. УТИ МиГ-15 был машиной быстрой, но далеко не сверхзвуковой. Туда, где стоял Леонов, отдаленный грохот, может быть, доносился и слабо, но он был убежден, что причина этих звуков — взрыв и переход звукового барьера. Следовательно, в тот же участок воздушного пространства, что и МиГ, наверняка вошел какой-то другой

самолет, гораздо более скоростной. Но, когда Леонов попытался убедить в этом своих коллег по расследованию, «все попытки разбились, точно о невидимую стену. Я понимаю, ведь заместителя главкома [Куликова] включили в комиссию. К тому же именно он отвечал за безопасность воздушного движения в этом районе, и он мог нести ответственность [за события 27 марта], но на мои предположения он в своем докладе не обратил внимания, так как это могло принести ему неприятности».

Леонов очень переживал, что его никто не хочет слушать. Он был убежден: сверхзвуковой удар — не плод его воображения[26]. Очевидцы, находившиеся на земле близ зоны катастрофы, привели некоторые убедительные доказательства в поддержку леоновской гипотезы, но их свидетельства также не включили в окончательный вариант доклада. «Мало того, что я лично слышал эти звуки. Местных жителей опрашивали отдельно. И все они говорили, что видели дым и огонь, шедшие из хвостовой части какого-то самолета. А потом он поднялся в облака. Значит, процесс был обратный: Гагарин упал на землю, но другой самолет на большой скорости ушел вверх». Свидетелям показали таблицы определения самолетов по внешнему виду, и все они тут же выбрали характерный силуэт нового сверхзвукового реактивного истребителя Су-11, который совершенно не похож на старый МиГ-15. «Мы знали, что в этом районе могли находиться Су-11, но они не должны были летать на высоте больше десяти тысяч метров», — говорит Леонов.

«Дым и огонь», исходившие из задней части загадочного самолета, явно указывали на присутствие дожигателя, запущенного на полную мощность. Су-11 снабжались таким дожигателем (форсажной камерой) — новым техническим решением, специальным нагнетателем, внутри которого отработанные газы реактивного двигателя вновь воспламенялись, чтобы придать машине дополнительную тягу, особенно когда машина подходила к сверхзвуковому барьеру и преодолевала его. На полном ходу Су-11 мог почти вдвое превысить звуковую скорость. В старомодном МиГ-15, летавшем с дозвуковой скоростью, дожигателя не было.

В пользу существования загадочного второго самолета в этом районе высказывался и Вячеслав Быковский, один из авиадиспетчеров, дежуривших в этот день. Он сообщил комиссии, что видел на радарном экране еще два пятна. Один из объектов двигался с востока. Судя по всему, этот сигнал присутствовал на его экране еще по меньшей мере в течение двух минут после того, как разбился Гагарин. Вообще точное время катастрофы было трудно установить. Сейсмометры в Москве зафиксировали толчок

в 10:31 утра, что совпадает с предполагаемым временем удара гагаринского самолета о землю, но Быковский утверждает: «Я до сих пор считаю, что Гагарин упал не в это время, потому что мы потеряли радарную связь с ним в сорок одну минуту, а не в тридцать одну». Впрочем, он сам себе противоречит, отмечая, что среди обломков нашли хронометр МиГа, остановившийся в 10:31, а кроме того, он знает о данных московского сейсмометра. Быковский продолжает: «Что все это означает? Вариантов много. Может быть, в Москве отметили какое-то другое сотрясение, оно случилось еще до аварии. Не знаю. Через год после гибели Гагарина я поехал в Звездный, и экскурсовод сказал, что он погиб в 10:41. Еще через год всем говорили, что в 10:31. А это большая разница».

В марте 1968 года, сразу же после аварии, Быковского и других диспетчеров с его станции поместили под строгий надзор служб безопасности, и их тогдашние свидетельства проходили тщательную фильтрацию. В 1998 году он говорил: «В том районе находились в это время еще два самолета. Мы о них знали. Генералы из комиссии всех нас собрали, и мы им рассказали о том, что видели, но потом нас разделили, и с тех пор мы не работали вместе больше недели подряд. Потом они расспрашивали об этом другом самолете (который, возможно, помешал полету Гагарина и Серегина), и многие говорили, что видели его».

Как показывает случай с Быковским, процесс дачи показаний о радарных сигналах проходил сложно и неоднозначно. Он с готовностью признаёт, что следящие приборы не в состоянии были одновременно контролировать положение и высоту самолета: «Сигналы на экране или появляются, или исчезают. Если самолет меняет высоту, пятно на десять секунд исчезает, так что эти сигналы не всегда постоянны. В любом случае на расстоянии сорока километров от базы сигналы пропадают».

Леонов говорит, что комиссия не приняла во внимание сообщение Быковского об одном (а то и двух) дополнительных объектах на экране его радара: «Сочли, что виной тому — его недостаточный опыт. Его куда-то увезли, и я точно не знаю, что с ним сталось. Так или иначе, потом в документах комиссии это так и не отразили. И того, что я информировал их [о двух взрывах] и говорил с людьми, которые видели другой самолет, для комиссии оказалось недостаточно. Вот почему никто не знает о другом самолете, кроме его пилота. Это на его совести».

В апреле 1995 года из мрака неизвестности вынырнул Андрей Колосов, пилот второго МиГа, и признался, что в то время действительно пролетал в этом районе. В интервью «Аргументам

и фактам» он заявил: «Причина гибели Гагарина в том, что он безрассудно пошел на неоправданный риск. Они с Серегиным отклонились от надлежащей схемы полета»11. Колосов предположил, что они решили вылететь из намеченной зоны полета в поисках более чистого неба, чтобы попробовать отработать хотя бы некоторые основные маневры. В поддержку своей теории он не привел никаких доказательств. Может быть, его мучила совесть? Запись переговоров авиадиспетчеров с самолетом (в 1986 году Леонову с Белоцерковским наконец удалось извлечь ее на свет божий после долгих баталий с властями) показывает, что Серегин летел совсем не безрассудно: предполагалось, что тренировочный полет будет длиться 20 минут, но из-за плохих метеоусловий он сократил его планируемую продолжительность до пяти. Быковский сам вспоминал, что при последних переговорах с землей Серегин сказал: «„Работа сделана“. Он сообщал нам обо всех своих действиях. Он выполнил тренировочные задачи и просил разрешения на выход [из данной зоны полета]. А потом связь с ним прервалась». Так что, похоже, Колосов несправедливо упрекает Серегина в безрассудстве.

Леонов не очень верит Колосову. Космонавт по-прежнему убежден, что этот пилот и его дозвуковой МиГ-15 совершенно непричастны к гибели Гагарина. «Никакой МиГ-15 не мог произвести сверхзвуковой хлопок, который я слышал в то утро». Леонов и Белоцерковский всегда полагали, что истинным виновником трагедии — по крайней мере, в воздухе — был некий сверхзвуковой Су-11, плохо опознанный в сумятице радарных сигналов.

Леонов снисходителен по отношению к пилоту этого Су-11, кем бы тот ни был: «Если бы летчика вовремя выявили, его бы растерзала рассвирепевшая толпа. С одной стороны, эту информацию следовало бы огласить, а с другой — наверное, все-таки нет, если посмотреть на дело разумнее. Она бы уже ничего не исправила». Дело не в одном-единственном пилоте, а «во всей системе, которая позволила, чтобы Гагарин погиб. Виновата система в целом. А всю систему в суд не приведешь. Можно ее морально осудить, но наказать ее не удастся».

Да «система» и не желала, чтобы ее осуждали или наказывали. Доклад комиссии составляет в общей сложности 29 толстых томов всевозможных технических данных, но уже сам процесс сбора фактов был очень далек от честного анализа причин катастрофы. Главный вывод комиссии 1968 года намеренно туманен и упрощен: в аварии якобы повинна «совокупность различных причин». Основное положение доклада,

касательное столкновение с метеозондом, устраивало всех, так как оно было наиболее невинным. Винить некого — по крайней мере, на земле.

Игорь Рубцов, один из самых активных участников этого расследования, поддержал теорию Леонова и Бело-церковского о том, что какой-то сверхзвуковой самолет чуть не столкнулся в воздухе с МиГом Гагарина и Серегина. Когда комиссия стала все больше удаляться от этой опасной гипотезы, Рубцов собрался с духом и отправился на Лубянку, чтобы отстоять свою точку зрения. «Не могу сказать, чтобы в этом здании я себя так уж уверенно чувствовал», — говорил он. Рубцов встретился с полковником КГБ Дугиным, который строго спросил его, почему он так настаивает на версии со сверхзвуковым самолетом. Рубцов стал блефовать в классическом советском стиле: «Я ответил, что, если комиссия не станет расследовать [версию, согласно которой два самолета чуть не столкнулись], общественность может решить: значит, есть что скрывать. Лучше провести нормальное разбирательство, чтобы показать: мы имеем дело с неправильной версией развития событий». Но на полковника Дугина эти слова впечатления не произвели. На столе перед ним лежала тоненькая папка, и теперь он ее открыл. Оказалось, это личное дело Рубцова. «Вы не очень-то уважаете дисциплину, верно?» — заметил полковник.

Рубцов понял, что Дугин имеет в виду случай, произошедший во время войны, когда его авиационное подразделение во время боев под Сталинградом вынуждено было под ураганным натиском немцев отступить на более безопасные позиции. Больше двадцати лет из этого события никто не делал никаких особенных выводов. Теперь же полковник намекал, что может использовать эту старую историю как свидетельство трусости Рубцова — ведь летчик воевал в отступающем отряде. Дугину даже незачем было что-то говорить — он просто раскрыл досье на нужной странице, чтобы Рубцов мельком ее увидел. Затем полковник предложил ему пересмотреть версию с едва не произошедшим столкновением. «В дальнейшем эта версия не подтвердилась», — пришлось признать Рубцову, отчаявшемуся добиться истины.

Леонову и его ближайшим коллегам очень хотелось узнать правду о катастрофе. На это у них ушло почти два десятилетия. В 1986 году Белоцерковскому удалось надавить на власти, и была назначена новая комиссия по расследованию. Он получил доступ к секретным документам следствия и к исходным материалам, в том числе неотредактированным записям переговоров «земля — воздух». Леонов с изумлением обнаружил, что документы,

которые он подготовил в 1968 году для первого расследования, теперь написаны другой рукой. «Их переписали заново, некоторые детали исказили». Леонов, что и неудивительно, обвиняет в этом Николая Рыбкина, специалиста по безопасности: «Не могу исключить такую возможность. В нашей стране всегда легко было найти людей, которые умеют подделывать подписи. Каждый второй колхозный парнишка в этом поднаторел».

Белоцерковский обнаружил, что в момент катастрофы среди радарных служб царила безнадежная путаница. «Прежде всего я заметил, что в записях переговоров между авиадиспетчером и самолетом Гагарина есть один любопытный момент. Диспетчер по-прежнему вызывает Гагарина по его позывному, „625-й“, но самолет в это время уже разбился. А голос у диспетчера совершенно спокойный. Он не волнуется. Но с сорок второй минуты этой пленки он начинает проявлять беспокойство. Уже минут через двенадцать после аварии». Белоцерковского насторожила эта замедленная реакция диспетчеров. Даже если учесть, что радарная система давала отклик не сразу, пятно МиГ-15 должно было все-таки исчезнуть с экранов вскоре после того, как самолет понесся к земле, однако диспетчеры лишь через двенадцать минут осознали: что-то не так. Возможно, это служит объяснением того десятиминутного расхождения во времени, о котором с определенной неловкостью упоминает Быковский в интервью.

Белоцерковский обнаружил много других промахов в работе наземных служб и подтасовок в докладе первой комиссии. В 1968 году было принято с заданными интервалами фотографировать радарные экраны авиадиспетчеров, такова была стандартная практика, и для этого в пульты была вмонтирована автоматическая система камер. Но как раз 27 марта фотокамеры Чкаловского не работали, так что диспетчерам пришлось воспользоваться примитивной резервной системой записи: через определенные промежутки времени они клали на экраны листы бумаги и отмечали на этих листах положение просвечивающих сквозь них объектов. Белоцерковский отыскал эти выцветшие листы, тайком засунутые в папку с надписью «Второстепенные материалы»: надпись сделали словно бы намеренно, чтобы скрыть их истинное значение. Белоцерковский говорил: «При работе в первой комиссии нам не удалось осветить целый ряд обстоятельств. Теперь же мы сошлись во мнении, что две линии расследования, по записям переговоров и по этим листам, показывают: диспетчер говорил с другим самолетом, который по ошибке принял за гагаринский. И, вероятнее всего, машина Гагарина подошла к этому самолету настолько близко, что на

какое-то время они слились на экране радара в единое пятно. Когда самолет Гагарина вошел в штопор, другой аппарат по-прежнему был виден на экране».

При плохой погоде, без предупреждений со стороны наземных служб экипаж того, другого, самолета, возможно, даже не понял, что их аппарат чуть не столкнулся с другим. Но, возможно, какому-то седовласому ветерану, бывшему пилоту Су-11, сегодня лучше помалкивать.

Смерть Гагарина казалась постыдной не только потому, что при сомнительных обстоятельствах погиб национальный герой, но и из-за опасных недостатков советских военных технологий того времени, которые она выявила. Судя по всему, радарные системы не в состоянии были одновременно отслеживать высоту и положение самолетов, а кроме того, неуверенно отличали один объект от другого. Выводы были весьма тревожны. Получалось, что иностранный самолет теоретически способен, имитируя полет советских машин, подобраться к авиабазе или какому-то другому военному объекту, и его не опознают как потенциального противника. Скорее всего, U-2, шпионский самолет Гэри Пауэрса, сбитый в мае 1960 года, опознали как вражеский только благодаря тому, что он летел по маршруту, существенно отличавшемуся от путей других советских самолетов того времени.

Эпилог

Давно ходят слухи, что Юрия Гагарина убила брежневская администрация. Журналисты, друзья и родные твердят о зловещих заговорах, хотя их гнев — скорее метафорический. Нет никаких реальных доказательств того, что катастрофа гагаринского самолета не была страшной случайностью. В его гибель внесли свой вклад некомпетентность и плохое управление на многих уровнях, но осознанное злодеяние едва ли вероятно. Настоящее же преступление, по крайней мере, касающееся близких Гагарина, состоит в том, что власти рассказали им малую долю правды. «Родители не знали, чему верить, — говорил Валентин. — Мы думали, это Брежнев приказал убить Юру. Когда Юра оказывался с ним рядом во время официальных визитов, никто не обращал внимания на Брежнева, а тот терпеть не мог, когда его не слушают. Брежневу хотелось, чтобы все смотрели только на него и больше ни на кого… Несчастные случаи — это не случайности, у них всегда есть причины. И в совпадения я не верю. Всё подстроили, до самой последней минуты».

В последний раз Валентин видел брата 25 февраля 1968 года, через несколько дней после того, как тот получил диплом. Вечер испортили журналисты, без приглашения явившиеся в московскую квартиру Гагарина. «Они позвонили, я приоткрыл дверь, и они сразу пролезли внутрь, — вспоминал Валентин. — Ну и что мне было делать, черт возьми? Юра обозвал их паразитами, сказал, что ему даже дома не дают покоя. Они стали снимать, один корреспондент заметил Юрин новенький японский фотоаппарат и предложил: „Давайте поменяемся, а разницу я оплачу“. Юра повернулся к Вале и говорит: „Давай лучше ему заплатим, чтобы он больше не задавал таких вопросов“. Журналист очень устыдился».

Зоя, сестра Гагарина, тоже рассказывала грустную историю: «В последний раз мы видели Юру на выпускной церемонии 18 февраля, когда он получал диплом Академии Жуковского вместе с Германом Титовым. Юра очень радовался, он ведь так трудился, чтобы добиться этого диплома! А потом мы услышали, что он погиб, по радио, через пять недель. Нам никто не давал никаких советов, нас не предупредили заранее. Нам вообще ничего не сказали. Мне стало плохо, маме тоже. Врачи нам все время делали успокаивающие уколы… Точной официальной информации о причине Юриной смерти до сих пор нет, одни догадки и слухи, самое худшее, что только можно себе представить. У меня такое ощущение, что ему помогли умереть».

Зоя вспоминала приготовления к похоронам с гримасой неловкости: «Мы два дня просидели в Центральном доме Советской армии, и по ушам нам все время били похоронные марши. Мы думали, с ума сойдем. А люди всё шли, шли, шли, чтобы с ним проститься. Приезжали отовсюду. Бесконечная процессия. Очереди были такие длинные, что охране пришлось даже на какое-то время перекрыть вход. Ужасно это было».

Мать Гагарина, по обычаю, захотела в последний раз взглянуть на сына перед тем, как его тело предадут огню крематория. Валентин описывает этот момент, самый худший из всех: «Мы хотели открыть гроб, но начальник похоронной команды не разрешил. Мама и Зоя стали с ним спорить, все начали кричать. В конце концов он позволил им сделать то, что они хотели. Сняли бархатное покрывало, открыли гроб, а внутри — человеческие останки в пластиковом мешке. Некоторые вообще невозможно было распознать, нельзя было понять, что это такое. Нос у Юры был на месте, но щеку оторвало. Потом мне кто-то сказал, что и Серегин в гробу выглядел так же. Ну, мы посмотрели, закрыли гроб. Заиграла музыка, гроб медленно поплыл в печь. На другой день, когда были официальные похороны, Юрин прах положили в Кремлевскую стену. Вот и всё».

Зоя говорила, что ее мать Анна очень тяжело переживала смерть сына, и особая жестокость всей этой истории мучила ее, она не находила себе места: «Обычно у людей есть возможность похоронить близких и со временем прийти в себя, успокоиться, но маме каждый день напоминали о ее горе, потому что Юра был такой знаменитый. Со всего Советского Союза к нам шли люди с соболезнованиями, им хотелось посмотреть, как мы живем. Мама дожила до восьмидесяти, и я часто удивляюсь, как ей удалось со всем этим справиться. Я уверена, она страдала больше, чем все мы».

Многие из друзей и коллег Гагарина приезжали к его родителям в Гжатск, чтобы выразить свои соболезнования. Сергей Белоцерковский вспоминал: «В последнюю мою встречу с матерью Гагарина, когда мы остались одни, она вдруг меня спросила: „Юру убили?“ Я поразился: „Почему вы так думаете?“ А она сказала, что однажды Юрий ей признался: „Мама, я очень боюсь“. Она тогда не поняла, что он имеет в виду, но ее это очень взволновало. Так она мне рассказывала».

У Белоцерковского было собственное объяснение: «Не думаю, чтобы Гагарин опасался за свою жизнь. Его мучила другая разновидность страха, тот страх, который мы все тогда испытывали, страх перед обществом, перед миром, в котором мы жили. В гагаринский кабинет потоком текли письма, жуткие

письма. Все тяготы, все проблемы общества на него обрушивались. Он нес на своих плечах колоссальное бремя… Можно себе представить его тревогу и напряжение. Он был человек эмоциональный и расстраивался, когда не мог кому-то помочь… Он не вписывался в образ жизни партийной элиты и верхушки брежневской системы. Он был для них чужаком, вот они его и отвергли. Сначала его пытались приручить, подкупить, но он не поддался. Он был слишком честным, своевольным и независимым».

Белоцерковского, Леонова, Титова и других коллег Гагарина охотно принимали в его доме, но другие посетители, не столь близкие, были не всегда столь же желанны. С момента космического полета Гагарина в 1961 году и до самой его гибели в 68-м к его отцу Алексею и младшему брату Борису почти каждый день пробивались люди, чтобы передать Первому Космонавту свои просьбы, или просто те, кто жаждал встретиться хоть с кем-то из членов этой знаменитой семьи. После смерти Гагарина незнакомые люди продолжали приходить к ним в дом, и со временем Алексей и Борис стали вынужденными алкоголиками, поскольку не могли вежливо отказать такому огромному количеству людей, предлагавших им выпить. Им приходилось занимать гостей и принимать их чистосердечные подарки — водку и коньяк. Увы, ничего смешного в этом нет. В 1976 году, не выдержав напряжения, Борис повесился, словно позволив фашисту Альберту по кличке Черт наконец довершить свою садистскую работу. Здоровье Алексея, и без того неважное, быстро ухудшалось.

Валентине, жене Гагарина, удалось воспитать двух замечательных здоровых дочерей, они добились успеха в жизни. Валентина по-прежнему живет в Звездном, в очень скромном доме, и почти никогда не говорит с журналистами. Многие ветераны космоса считают, что ее жилищные условия — позор для страны, однако она предпочитает не привлекать к себе внимания. Голованов замечал: «Она очень мало переменилась, несмотря на все щедроты, которыми ее осыпал Хрущев. После гагаринского полета в космос он ее наградил орденом Ленина, который она никогда в жизни не надевала, как и все прочие награды и медали… Она была честным человеком, как и Гагарин. При всей своей славе он никогда не забывал, что, по сути, стоит на вершине пирамиды инженеров и конструкторов, готовивших его полет».

Пирамида — меткий образ, он помогает проиллюстрировать саму жизнь Гагарина, полную противоречий. Он был личностью амбициозной, им владел дух соперничества, но при этом он

отлично осознавал, что главное достижение его жизни основано на усилиях многих других людей, которым даже не позволяли раскрыть народу свои настоящие имена, не говоря уж о том, чтобы разделить с ним, Гагариным, его громкую славу. Это был крестьянский паренек, с легкостью решавший сложные инженерные уравнения; это был хорошо обученный технический специалист, способный принимать самостоятельные решения; это был лояльный член общества, однажды взбунтовавшийся против системы. Он был порывистым, иногда легкомысленным, однако отличался величайшей дисциплинированностью во всем, что касалось работы, и всегда чувствовал ответственность за других, часто — ценой огромного риска для себя самого. Он плохо разбирался в политике, но проявлял большой дипломатический такт и на родине, и за рубежом. Он был ветреным мужем, который никогда не предавал жену и детей. Если сплести воедино все эти противоречивые элементы его жизни, получится по большому счету история достойного и смелого человека, который делал что мог в самых необычных обстоятельствах. Юрий Гагарин был настоящим героем в самом лучшем и самом честном смысле этого слова.

Библиография и примечания

Избранная библиография

D. Baker. *The History of Manned Spaceflight.* L.: New Cavendish, 1981.

W. Burchett, A. Purdy. *Cosmonaut Yuri Gagarin.* L.: Anthony Gibbs & Phillips, 1961.

K. Gatland. *The Illustrated Encyclopedia of Space Technology.* 2nd Ed., L.: Salamander, 1989.

Я. Голованов. *Наш Гагарин.* М.: Прогресс, 1979.

J. Grimwood, Ch. Alexander. *This New Ocean: a History of Project Mercury.* Washington D. C., GPO, NASA SP-4201, 1966.

J. Harford. *Korolev.* N. Y: John Wiley & Sons, 1997.

B. Harvey. *The New Russian Space Programme.* N. Y: John Wiley & Sons, 1996.

T. A. Heppenheimer. *Countdown.* N. Y: John Wiley & Sons, 1997.

Hooper Gordon R. *The Soviet Cosmonaut Team.* 2nd Ed. Background 'Sections. Lowestoft: GRH Publications, 1990. Vol. I.

Hooper Gordon R. *The Soviet Cosmonaut Team.* 2nd Ed. Lowestoft: GRH Publications, 1990. Vol. II. Cosmonaut Biographies.

N. Khruschev. *Khruschev Remembers:* The Last Testament. Boston: Little Brown, 1970.

H. W. Lambright. *Powering Apollo:* James E. Webb of NASA. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. R. Launius. *NASA: A History of the US Civil Space Program.* Malabar, Florida: Krieger, 1994.

M. Lynch. Stalin and Khruschev: The USSR, 1924–1964. L.: Hodder & Stoughton, 1996.

M. McCauley. *Who's Who in Russia Since 1900.* L.: Routledge, 1997. Ch. Murray, C. Bly Cox. *Apollo: The Race to the Moon.* L.: Seeker & Warburg, 1989.

D. Newkirk. *Almanac of'Soviet Manned Spaceflight.* Houston: Gulf, 1990.

J. Oberg. *Red Star in Orbit.* N. Y: Random House, 1981.

J. Oberg. *Uncovering Soviet Disasters.* L.: Robert Hale, 1988.

J. Popescu. *Russian Space Exploration.* L.: Gothard, 1979.

R. Sagdeev. *The Making of a Soviet Scientist.* N. Y: John Wiley & Sons, 1994.

A. Shepard, D. Slayton. *Moonshot.* L.: Virgin, 1995. *Sotheby's Sale Catalogue 6753:* Russian Space History, March 16, 1996.

V. Suvorov, A. Sabelnikov. *The First Manned Spaceflight.* Commack, N.Y: Nova Science Publishers, 1997.

TASS. *Soviet Man in Space.* Moscow: TASS/Foreign Languages Publishing House, 1961.

J. Trento. *Prescription for Disaster.* L.: Harrap, 1987.

V. Yevsikov. *Re-entry Technology and the Soviet Space Programme:* Some Personal Observations. Reston, VA: Delphic Associates, 1982.

H. Young *Journey to Tranquillity:* The History of Man's Assault on the Moon. L.: Jonathan Cape, 1969.

Примечания

Глава 1. Деревенский мальчишка

1. Сообщение ТАСС. *«Советский человек в космосе».* 1961. См. также:.. Cosmonaut Yuri Gagarin. L.: Anthony Gibbs & Phillips, 1961. P. 87–89.
2. Голованов Я. *Наш Гагарин.* М.: Прогресс, 1979. С. 37.
3. Burchett W., Purdy A. *Op. at.* P. 89.
4. Ibid. P. 90.
5. Голованов Я. *Указ. соч.* С. 41.
6. Burchett W., Purdy A. *Op. cit.* P. 91.
7. Голованов Я. *Указ. соч.* С. 44.
8. Burchett W., Purdy A. *Op. cit.* P. 92–93.
9. Голованов Я. *Указ. соч.* С. 263–264.
10. Там же. С. 264.

Глава 2. Набор

1. Гагарин Ю. *Дорога в космос //* Голованов Я. *Указ. соч.* С. 53.
2. Hooper Gordon R. *The Soviet Cosmonaut Team.* 2nd Ed. Lowestoft:, GRH Publications, 1990. Vol. 2. Cosmonaut Biographies. P. 299–301.
3. Ibid. P. 161–166.
4. *Oberg, James. Red Star in Orbit.* N. Y: Random House, 1981. P.97. Весьма увлекательная книга Оберга стала первой научно-популярной работой на Западе, рассказывающей о советской космической программе.
5. Burchett W, Purdy A. *Op. cit.* P.103.
6. Цит. по: Голованов Я. *Указ. соч.* С. 60.
7. Burchett W, Purdy A. *Op. cit.* P. 104.
8. Ibid.

Глава 3. Главный Конструктор

1. *Превосходный рассказ о жизни и работе Главного Конструктора* см. в кн.: Harford J. *Korolev.* N. Y: John Wiley & Sons, 1997.

2. McCauley M. *Who's Who in Russia Since 1900.* L.: Routledge,1997. P. 212–213.

3. Burchett W, Purdy A. *Op. cit.* P.25.

4. Khruschev N. *Khruschev Remembers:* The Last Testament. Boston: Little Brown, 1970. P.46. (Цит. по изд. на рус. яз.: *Хрущев Н. С.* Время, люди, власть. Воспоминания в 4 кн. М.: ИИК «Московские новости», 1999. Кн. 4. С. 191.)

5. Gatland K. *The Illustrated Encyclopedia of Space Technology.* 2nd Ed. L.: Salamander, 1989. Книга Гатленда — достоверный справочник по конструкции космических кораблей, датам запусков и космическим экспедициям.

6. *Интервью Олега Ивановского.* Серебристая оболочка, окружавшая «шар», представляла собой просто тонкий слой светоотражающей фольги, которая должна была защищать кабину от жесткого солнечного излучения. Под ней находился гораздо более толстый и плотный слой резины и волокна, изолировавший аппарат от высоких температур при возврате в атмосферу.

7. Быковский, цит. по: Голованов Я. *Указ. соч.* С. 88.

8. Цит. по: Голованов Я. *Указ. соч.* С. 264–265.

Глава 4. Подготовка

1. Описание строительства Байконура см. в кн.: Harvey B. *The New Russian Space Programme.* N. Y: John Wiley & Sons, 1996. P. 19–20. Капустин Яр — 141–143, Плесецк — 143–144.

2. The Daily Telegraph, May 6, 1990. P. 1.

3. О секретных космических проектах США рассказано в кн: Trento J. *Prescription for Disaster.* L.: Harrap, 1987. P. 122–149.

4. Oberg J. *Disaster at the Cosmodrome.* Air & Space Magazine. December 1990. P. 74–77. Несколько лет западные аналитики точно не знали, какая именно ракета взорвалась. Катастрофа с Неделиным случайно совпала по времени с неудачным запуском одного из первых «Марсов» (носитель — Р-7), однако Р-16, из-за которой погиб Неделин, явно представляла собой военную ракету-носитель, а не средство запуска космических аппаратов. См. также: JPRS-UMA-89–015, June 15, 1989. P. 34–35.

5. Heppenheimer TA. *Countdown.* N. Y: John Wiley & Sons, 1997. P. 188–189.

См. также: Harford J. Korolev. P. 242, а также: Hooper Gordon R. *The Soviet Cosmonaut Team.* Vol. 1: Background Sections. P. 172–173.

Общий анализ советских космических трагедий и тайных

неудачных запусков ракет см. в кн.: Oberg J. *Uncovering Soviet Disasters.* L.: Robert Hale, 1988. P. 156–197.

6. Harford J. *Korolev.* P. 163–164.

7. Ibid. P. 167–168.

8. Полный отчет о программе «Меркьюри» можно прочесть в кн.: Swenson L., Grimwood J., Alexander Ch. *This New Ocean: A History of Project Mercury.* Washington D. C., GPO, NASA SP-4201, 1966.

9. 16 марта 1996 года аукционный дом «Сотби» провел в Нью-Йорке вторые торги, на которые была выставлена русская космическая техника и памятные предметы. Лот № 25 представлял собой капсулу «Ивана Ивановича». Она была освобождена от большей части внутреннего оборудования, но в ней по-прежнему легко можно было узнать опытную модель «Востока». В каталоге, подготовленном с помощью Константина Феоктистова, космонавта и инженера ОКБ-1, с дополнительными материалами, предоставленными Джеймсом Обергом и российскими историками, подробно описаны приключения «Ивана Ивановича». См.: Sotheby's Sale Catalogue 6753, Russian Space History, March 16, 1996.

10. Popescu J. *Russian Space Exploration.* L.: Gothard, 1979. P. 16.

Глава 5. Перед полетом

1. Интервью с Гаем Севериным. Harford J. Korolev. P.162.

2. Рассказ оператора Владимира Суворова о его работе см. в кн.: Suvorov V., Sabelnikov A. *The First Manned Spaceflight.* Commack, NY: Nova Science Publishers,1997. P. 61–75.

3. Каманин Н. *Скрытый космос.* Дневники. В 4 кн. Кн.1. 6 апреля 1961. М.: Инфортекст, 1995.

4. Suvorov V., Sabelnikov A. Op. cit. P.58.

5. Harvey A. *The New Russian Space Programme.* P.54.

6. Голованов Я. *Указ. соч.* С. 124.

7. Интервью с Игорем Хохловым, парикмахером Гагарина.

8. Murray Ch., Bly C. C. *Apollo: The Race to the Moon.* L.: Seeker & Warburg, 1989. P.76.

9. Гагарин Ю. *Дорога в космос // Голованов Я.* Указ. соч. С. 125.

10. Там же. С. 123.

11. Suvorov V., Sabelnikov A. *The First Manned Spaceflight.* P. 62.

12. Burchett W., Purdy A. *Cosmonaut Yuri Gagarin.* P. 25.

13. Suvorov V., Sabelnikov A. *The First Manned Spaceflight.* P. 64–

65.

14. Интервью с Олегом Ивановским.

См. также: *Hooper Gordon R.* The Soviet Cosmonaut Team. Vol. II. P. 198–199; Oberg J. Uncovering Soviet Disasters. P. 157–159.

Глава 6. 108 минут

1. Выдержки из оригинальной записи переговоров наземных служб с кораблем. См.: Голованов Я. *Указ. соч.* С. 127–128, 131–142.

2. Гагарин Ю. *Дорога в космос // Голованов Я. Указ. соч.* С. 135. Полный отчет об этом полете, в том числе пространные цитаты из высказываний самого Гагарина, см., в частности, в: Белянов В. и др. *Завтра в космос: секретные документы о полете Гагарина //* Рабочая трибуна, 11 апреля 1991. С. 1–4.

Английский перевод см. в: PRS-USP-91–004, September 20, 1991. P. 71–77.

Другие подробности о полете: Yuri Gagarin's Immortal Day // Spaceflight magazine, April 1991. P. 124–128.

См. также: Baker D. *The History of Manned Spaceflight.* L.: New Cavendish. 1981. P. 70–73.

См. также сильноотцензурированную версию рассказа о полете в кн.: Burchett W, Purdy A. *Cosmonaut Yuri Gagarin.* P. 110–117.

3. Ibid. P. 143.

4. Гагарин В. *Мой брат Юрий.* М.: Московский рабочий, 1972.

5. Там же.

6. Голованов Я. *Указ. соч.* С. 148.

7. JPRS-USP-91–004, September 20, 1991. P. 71–77. Белянов В. *«Завтра…»*

См. также: Broad W J. *The Untold Perils of the First Manned Spaceflight //* The New York Times, March 5, 1996.

8. Схема полета «Востока» и последовательность действий при катапультировании описана в: Newkirk D. *Almanacof Soviet Manned Spaceflight.* Houston: Gulf, 1990. P. 7–21.

9. Murray C. Apollo: the Race to the Moon. P 76.

10. Shepard A., Slayton D. Moonshot. L.: Virgin, 1995. P. 105–106.

См. также: The Times, April 13,1961. P. 12, «We Are Asleep» («Мы спим»).

11. Swenson G. A. This New Ocean. P. 335.

Глава 7. Возвращение домой

1. Цит. по: Голованов Я. *Указ. соч.* С. 148.

2. Голованов Я. *Указ. соч.* С. 149.

3. Доклад на английском языке, подготовленный для Международной авиационной федерации и подписанный Гагариным, а также Борисенко и другими официальными лицами, был выставлен как лот № 39 на аукцион «Сотби» 16 марта 1996 года. Полное описание документа см. в сообщении о данном лоте в: Sotheby's Sale Catalogue 6753, Russian Space History, March 16, 1996.

4. Голованов Я. *Указ. соч.* С. 153.

5. Об этом разговоре широко сообщалось в прессе. Полная расшифровка появилась, в частности, в брошюре ТАСС «Советский человек в космосе».

6. Большие выдержки приводятся в некрологе Гагарина (The Times, March 29, 1968).

7. Из беседы с историком Филипом Кларком.

8. Гагарин Ю. *Дорога в космос. //* Голованов Я. *Указ. соч.* С. 187

9. См. архивные кадры Би-би-си, запись прямого эфира от 14 апреля 1961 года (западное телевидение впервые вело прямой репортаж из СССР): на этих кадрах отчетливо виден развязавшийся шнурок.

10. См.: Lynch M. *Stalm and Khruschev:* The USSR, 1924–64. L.: Hodder & Stoughton,1996. P. 96–102.

11. Голованов Я. *Указ. соч.* С. 191.

12. Burchett W, Purdy A. *Cosmonaut Yuri Gagarin.* P. 118–123.

13. Oberg A. *Red Star in Orbit.* P.55.

14. Голованов Я. *Указ. соч.* С. 204; Известия, 28 августа 1961.

Глава 8. Космическая гонка

1. Murra Сн. Apollo: the Race to the Moon. P. 77–78.

2. Young H. Journey to Tranquillity: The History of Man's Assault on the Moon. London: Jonathan Cape,1969. P. 110.

3. Описание участия Линдона Джонсона в создании НАСА в 1958 году см. в кн.: Trento. Prescription for Disaster. Pp. 12–13. См. также: Lambright H. W. Powering Apollo: James E. Webb of NASA Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. P. 95–96, 132–135. См. также: Archives of Dr John Logsdon. Space Policy Institute, George Washington University, Washington D. C., ref: RG 220, NASC

files, Box 17, Defence, 1961. Webb-McNamara Report, 5–8–1961.

4. Trento J. *Prescription for Disaster.* P. 48–49.

5. Young J. *Journey to Tranquillity.* P.108–109.

6. Ibid. P.113.

7. Harford J. *Korolev.* P. 178.

8. Ibid. P.151.

9. Hooper Gordon R. *The Soviet Cosmonaut Team.* Vol. II. P. 296–299.

Глава 9. Случай в Форосе

1. Дневники Каманина, сентябрь — октябрь 1961.

2. В своем дневнике Каманин предполагает, что Гагарин вышел в море на моторной лодке и «делал очень резкие и опасные развороты». Между тем Анна Румянцева и другие вспоминают, что он отправился на весельной лодке: возможно, именно поэтому ему оказалось не так просто вернуться.

3. Дневники Каманина, 14 октября 1961.

4. В специальной настенной таблице в Звездном городке отмечены все даты и места поездок Гагарина. В ней указаны все страны, кроме США. Между тем 16 октября 1963 года Гагарин нанес весьма краткий визит в Нью-Йорк, но в таблице указана ООН, в здании которой Гагарина пригласили выступить. Официального приглашения от властей США ему не поступало.

5. Вениамин Русаев согласился побеседовать с нами по предложению Валентины Гагариной. Сама она больше не дает интервью.

Глава 10. Снова за работу

1. Hooper Gordon R. *The Soviet Cosmonaut Team.* Vol. I. P. 33–36.

2. Дневники Каманина, 22 июня 1962.

3. Hooper Gordon R. *The Soviet Cosmonaut Team.* Vol. II. P. 75–76. См. также: Harford. Korolev. P. 165–166.

4. О подробностях гагаринской дипломной работы рассказывал в своих интервью Сергей Белоцерковский, его преподаватель в Академии Жуковского.

5. Детальный рассказ о полете «Восхода-2» см. в кн.:Harvey B. *The New Russian Space Programme.* P. 82–88.

См. также: Newkirk D. *Almanac of Soviet Manned Spaceflight.*

P.35–37.

6. Harford J. *Korolev.* P.49–63.

7. Из беседы с Джеймсом Обергом.

Глава 11. Падение на землю

1. Ценные сведения о затруднениях Мишина см. в кн.: Sagdeev R. *The Making of a Soviet Scientist.* N. Y: John Wiley & Sons, 1994. P. 123–124, 179–181.

2. Пожар на «Аполлоне-1» выявил ряд скандальных деловых связей и некомпетентных решений в рамках лунной программы НАСА. Шокирующие подробности см. в кн.:Young H. *Journey to Tranquillity.* P. 212–248.

3. Archives of Dr John Togsdon. Space Policy Institute, George Washington University, Washington D. C., National Intelligence Estimate Number 11–1–67, March 2, 1967, «The Soviet Space Programme». P. 18.

4. Цит. no: Oberg J. *Red Star in Orbit.* P. 90–91.

5. Yevsikov V. *Re-entry Technology and the Soviet Space Programme:* Some Personal Observations. Reston, VA: Delphic Associates, 1982. Цит. no: Oberg J. *Uncovering Soviet Disasters.* P. 171.

6. Подробности об участии Гагарина в оценке технического состояния «Союза» подтвердил бывший сотрудник КГБ Вениамин Русаев по специальной просьбе Валентины Гагариной.

7. Детальные описания возможного отказа техники в ходе полета Комарова (с изложением предполагаемой последовательности событий) см. в кн.: Newkirk D. *Almanacof Soviet Manned Spaceflight.* P. 58–64.

См. также: Hooper Gordon R. *The Soviet Cosmonaut Team.* Vol. II. P. 133–136.

Harvey B. *The New Russian Space Programme.* P. 107–110.

Gatland K. *The Soviet Space Programme After Soyuz 1 //* Spaceflight Magazine Vol. 9. № 9, 1967. P. 298–299. Shepard, Slayton. Moonshot. P. 250–253.

8. Это интервью под заголовком «Мемуары об американском электронном шпионаже» опубликовал левый американский журнал «Ramparts», который прекратил выходить в 1980 году. Высокопоставленный источник в Госдепартаменте США утверждает, что Агентство национальной безопасности (АНБ) рассматривало возможность предъявить Феллуоку судебный иск. Его могли посадить в тюрьму, однако АНБ не желало признавать на открытом процессе, что оно прослушивало советские

космические переговоры.

Глава 12. Обломки

1. Hooper Gordon R. *The Soviet Cosmonaut Team.* Vol. I. P. 144.
2. Цит. по: Голованов Я. *Указ. соч.* С. 215.
3. Там же. С. 269. Единственный абзац в трехсотстраничной книге, намекающий, что условия, в которых работал Гагарин, иногда оказывались для него мучительными.
4. Лесков С. *Тайну гибели Гагарина схоронили по горячим следам* // Известия, 28 марта 1996.
5. Там же.
6. Выдержки из докладов первой комиссии, архив Сергея Белоцерковского.
7. Там же.
8. Письмо Игоря Качаровского, 3 июля 1986, архив Сергея Белоцерковского.
9. Авторы выражают благодарность компании «Martin Baker» за консультации по вопросам катапультирования.
10. Julin A. *Gagarin & Seregin — The East Flight* // Moscow News, № 3, week of Jan 28 — Feb 4, 1996.
11. Колосов А. *Гагарин рискнул в последний раз* // Аргументы и факты, № 12, 2–9 апреля 1995.

При переводе использованы следующие дополнительные источники:

Гагарин Ю. *Дорога в космос.* М.: Правда, 1961.

Волович В. *Космонавтов ждут на Земле.* «Космический альманах», № 5, 2001

Хачатурян К. *Катастрофа на Байконуре.* «Наука и жизнь», № 1, 1999.

Торжественные церемонии встречи Гагарина «Комсомольская правда» от 13 апреля и 15 апреля 1961

Воспоминания Денисова Н. Н. о зарубежных поездках Гагарина. http://militera.lib.ru/memo/russian/denisov_nn/05.html

Материалы о гибели Комарова, с воспоминаниями очевидцев http://www.darkgrot.ru/cult/momento-mori/aviakatastrofi-/article/2456/

Иллюстрации

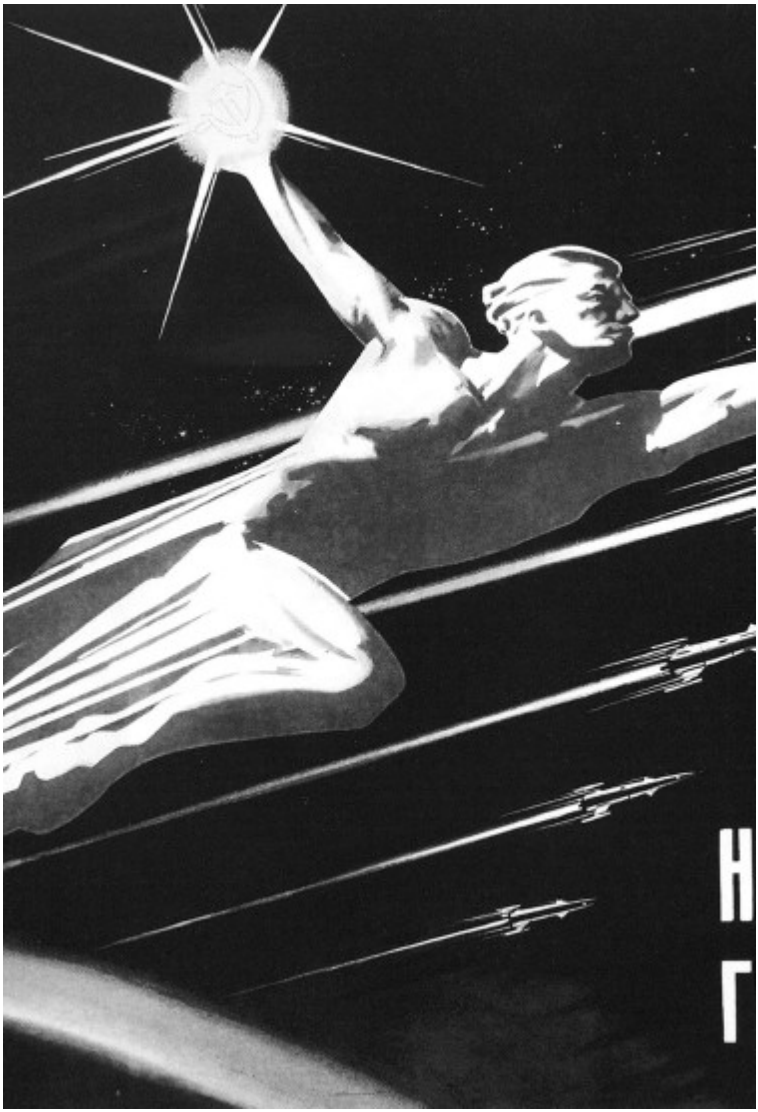
Гагарин — выпускник школы

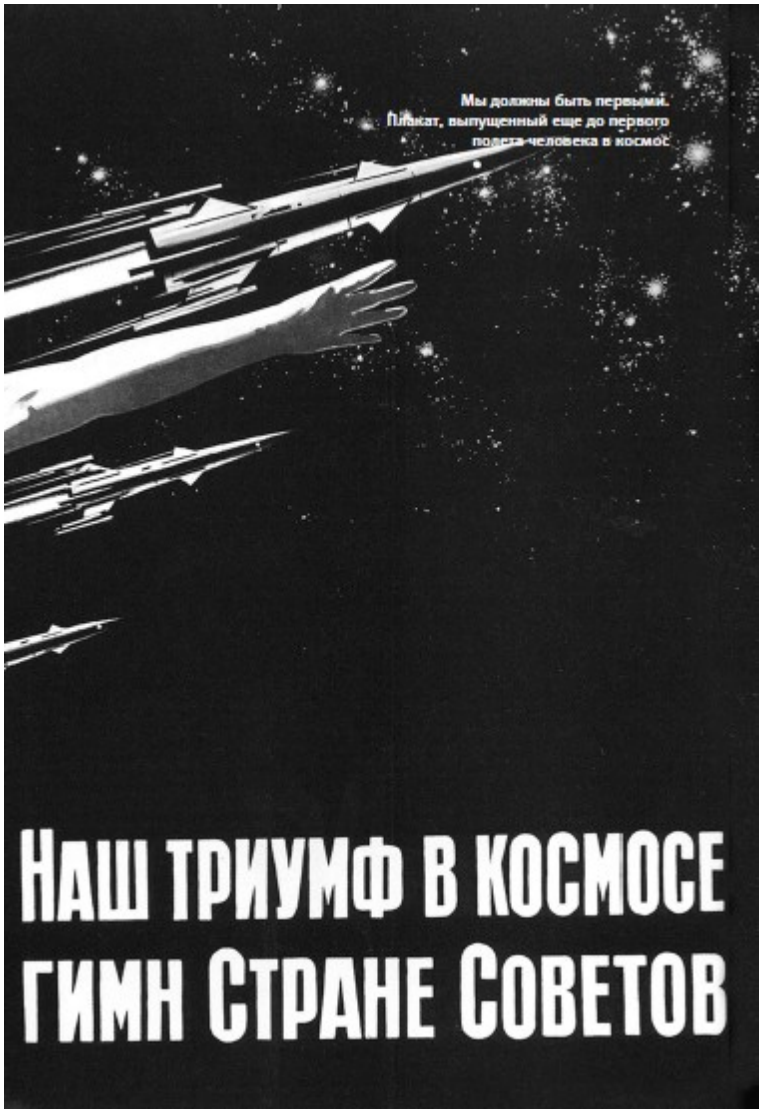
Дом в Клушино, в котором родился Юрий Гагарин

Гагарин — выпускник техникума с однокурсниками

Гагарин — литейщик

4 ОКТЯБРЯ
1957 г.
Первый в мире
советский
искусственный
спутник Земли
40
коп. ПОЧТА СССР


Н
Г



Мы должны быть первыми.
Плакат, выпущенный еще до первого
полета человека в космос

В Оренбургском военном училище

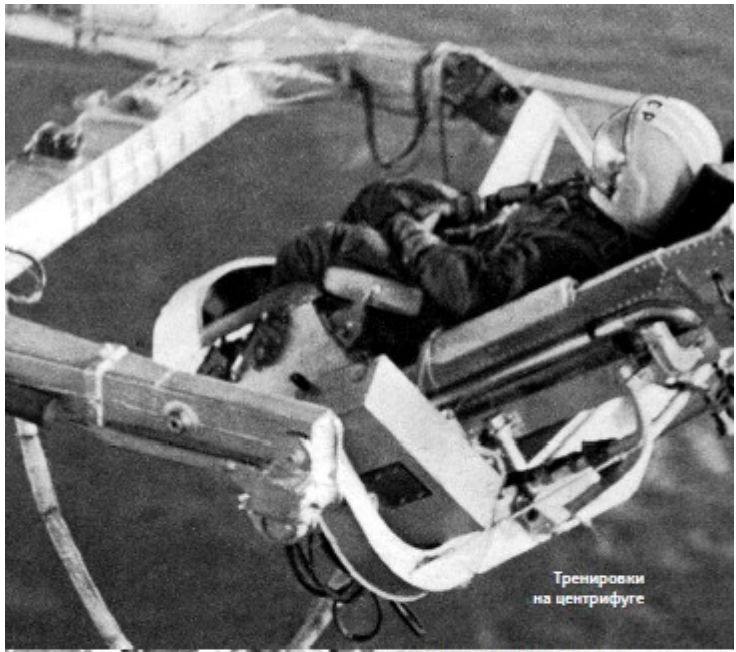
Гагарин — пилот самолета МиГ

Молодожены Валентина и Юрий Гагарины

Предшественники человека в космосе

Белка и Стрелка

К полету готовят и людей и технику.
Космический корабль "Восток-1"

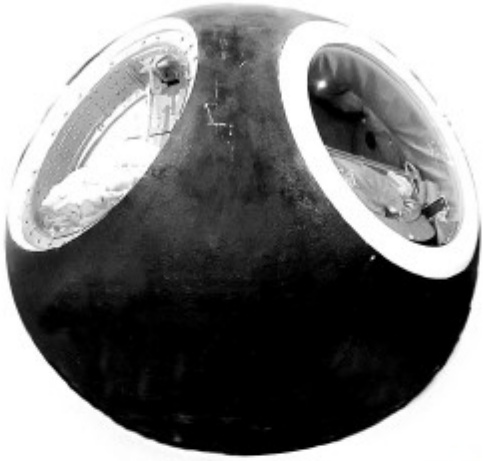


Тренировки
на центрифуге

Перед полетом. Строгая комиссия

К старту готовы!

СР



Спускаемый модуль корабля "Восток-1"

Мягкая посадка.
Соревнование выиграно

На Земле

Совещание в НАСА.
Соревнование проиграно

Таким Юрия Гагарина увидел весь мир

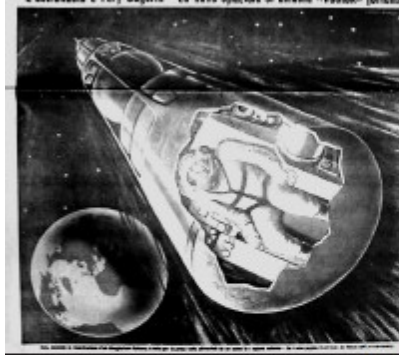
EDIZIONE STRAORDINARIA

STAMPA SERA

MOSCA (ORE 9,17) ANNUNCIA:

"E' stato lanciato un uom
ed è tornato vivo dal cosmo

L'astronauta è Yury Gagarin - La nave spaziale si chiama «Vostok» (Orient



TWENTY-FIVE CENTS

APRIL 2

MAN IN SPACE

TIME

THE WEEKLY NEWSMAGAZINE

RUSSIA'S
YURI GAGARIN

$7.00 A YEAR

VOL. LXXVII N

Все газеты и журналы мира пишут о нем

The Huntsville Times

VOL. 81, NO. 71 — HUNTSVILLE, ALABAMA, WEDNESDAY, APR. 12, 1961

Man Enters Spac

'So Close, Yet So Far,' Sighs Cape

U.S. Had Hoped For Own Launch

CAPE CANAVERAL, Fla. (AP) — The Redstone rocket which the United States had hoped would boost the first free space missile on a launching pad here The Soviet Union beat its firing date by at least two weeks.

"So close, yet so far," commented a rocket team who is helping groom the Redstone to send one of America's

Hobbs Admits

Soviet Officer Orbits Globe In 5-Ton Ship

Maximum Height Reacl Reported As 188 Miles

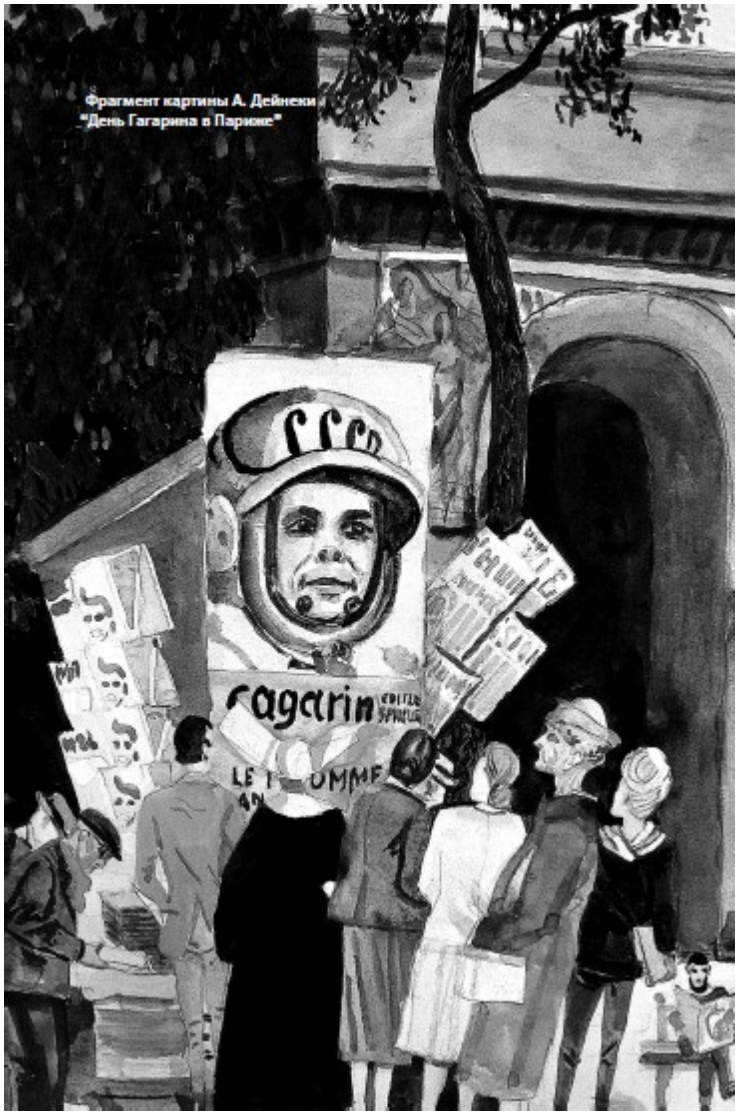
MOSCOW (AP)—A Soviet astronaut has orbited the globe for mor

To Keep Up, U.S.

"Восток" становится мировым брендом.
Реклама из журнала
"Советский экспорт"

С Никитой Сергеевичем Хрущевым

С Сергеем Павловичем Королевым



Фрагмент картины А. Дейнеки
"День Гагарина в Париже"

Гагарин — слушатель
Академии им. Н.Е. Жуковского

На защите диплома

На отдыхе

В семье

С родителями

Космонавты
Юрий Гагарин, Валентина Терешкова
и Герман Титов

Звездный
человек

Памятник Юрию Гагарину перед Музеем космонавтики в Москве.
Доска в память о Юрии Гагарине, установленная известными американскими астронавтами

IN MEMORY OF

YURI GAGARIN

FIRST MAN IN SPACE, APRIL 12, 1961

FROM THE ASTRONAUTS OF THE
UNITED STATES OF AMERICA.

JOHN H. GLENN, Jr.
for
MERCURY ASTRONAUTS

JAMES A. McDIVITT
for
GEMINI ASTRONAUTS

NEIL ARMSTRONG
for
APOLLO ASTRONAUTS

Киев Земля в
Корабле-спутнике я увидел,
Как прекрасна наша планета.
Люди, будем хранить и приумно-
жать эту красоту, а не разру-
шать ее!
Гагарин

notes

Примечания

1

В то время — Гжатский район Западной области. *(Здесь и далее — примеч. перев.)*

Голованов Я. Наш Гагарин. М.: Прогресс, 1979. С. 39.

3

В те годы — курсант аэроклуба.

4

Очевидно, убрав одну «н».

5

Имеется в виду весьма низкое давление, характерное для высоты 50 км над поверхностью Земли, на границе стратосферы и мезосферы.

6

Речь идет о «Спутнике-2».

7

Книга написана в 1998 г., еще до затопления «Мира», произошедшего в марте 2001 г.

8

В 1947 г. близ Розуэлла (штат Нью-Мексико) произошел загадочный взрыв в небе, после которого на земле были обнаружены таинственные обломки. В 1977 г. ВВС США заявили, что в этом районе производились испытания.

9

Речь идет о министре обороны Р. Я. Малиновском.

10

Имеется в виду «Луна-2» — первая в мире межпланетная станция, достигшая поверхности Луны.

11

Врач В. Волович в своих воспоминаниях «Космонавтов ждут на Земле» утверждает, что «заветное число» — 125.

12

70 секунд от начала старта.

13

ТДУ — тормозная двигательная установка. ПКРС — прибор контроля режима спуска.

Голованов Я. Указ. соч. С. 154–155.

15

В 1961 г. Л. И. Брежнев — член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

16

Возможно, неточность: Титов совершил полет 6–7 августа 1961 г. (см. далее).

17

Операция в заливе Свиней — попытка США свергнуть правительство Фиделя Кастро в апреле 1961 г. (см. гл. 8).

18

Имеется в виду Балаклавское сражение 13 (25) октября 1854 года, одна из крупнейших битв Крымской войны.

19

Каманин пишет в дневнике: «Поводом для обсуждения явилось заявление Гагарина в партийную организацию… с просьбой рассмотреть его поведение на курорте и принять соответствующие решения».

20

Угол тангажа — угол между продольной осью летательного аппарата и плоскостью горизонта.

21

В книге «Наш Гагарин», вышедшей в 1979 г., Хрущев практически не упоминается.

22

В 1967 г. Фадейкин уже не возглавлял Третье управление КГБ (занимавшееся военной контрразведкой), его место занял Георгий Цинев.

23

24 июля 1967 г. Цинев возглавил 2-е Главное (разведывательное) управление КГБ.

УТИ — учебно-тренировочный истребитель.

25

Николай Рыбкин — бывший заместитель руководителя Центра подготовки космонавтов и мэр Звездного.

26

Ср. рассказ Леонова в книге «Наш Гагарин», с. 217: «— Поворачиваем домой! — крикнул я пилоту. И тут над нами пронесся реактивный самолет. Прогремел, промелькнул и скрылся из виду. Потом вдалеке грянул взрыв…»